ПРАВЛЕНИЕ ВОЛКОВ

18+

От автора бестселлера «Шестерка воронов»

ЛИ БАРДУГО

Ли Бардуго
Правление волков
Серия «Миры Ли Бардуго. Grishaverse»
Серия «ГришиВерс»
Серия «Николай Ланцов», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66616010
Л. Бардуго. Правление волков: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-138086-1

Аннотация

Волки кружат вокруг добычи, а юному королю предстоит принять самый главный вызов своей жизни.

Пока огромная армия Фьерды готовится к вторжению, Николаю Ланцову придется призвать всю свою изобретательность, обаяние и таящегося в глубине души монстра, чтобы выиграть эту битву. Только тогда он сможет устранить нависшую над Равкой угрозу, ведь на этот раз одной удачи будет недостаточно.

Зоя Назяленская потеряла в этой войне слишком много. Наставник погиб у нее на глазах, а ее смертельный враг, напротив, стал еще опаснее. Зоя больше не готова хоронить друзей. Она

должна стать той силой, которая защитит ее людей. И неважно, какой ценой.

Нина Зеник находится под прикрытием в самом сердце вражеской столицы. Если ее разоблачат, живой она не выберется. Но ее желание отомстить может стоить стране свободы, а ей самой – возможности залечить раненое сердце.

Король. Генерал. Шпион. Вместе они должны найти свет во тьме будущего. Иначе все, что им дорого, навсегда превратится в руины.

Содержание

1. Королева Макхи 8
2. Нина 23
3. Николай 43
4. Нина 64
5. Зоя 78
6. Николай 97
7. Нина 117
8. Николай 141
9. Зоя 157
10. Нина 181
Конец ознакомительного фрагмента. 199

Ли Бардуго
Правление волков

Leigh Bardugo
Rule of Wolves

Rule of Wolves. Copyright © 2021 by Leigh Bardugo
Jacket art © 2021 Leigh Bardugo
Book design by Ellen Duda
Map art by Sveta Dorosheva
Imprint logo designed by Amanda Spielman
© И. Меньшакова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Исследуя утесы на побережье близ Ос Керво, можно наткнуться на пещеру, которая, как поговаривают, когда-то была лежбищем дракона. И пусть существование дракона было фактом весьма спорным, сырость в пещере царила неоспоримая. Так вот, если вы посмеете украсть или исказить текст этой книги, то будете обречены провести вечность – невероятно сырую вечность – в этой пещере, дрожа от холода, давясь поганками и мечтая о драконьем пламени, способном согреть вас.

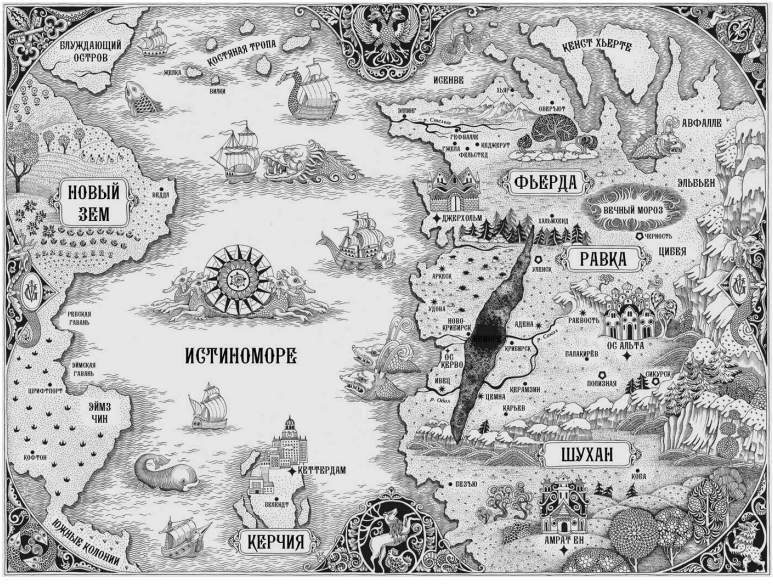
EDA, который помог мне найти свое место среди волков

ГРИШИ
СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ
МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(Орден живых и мёртвых)
Сердцебиты
Целители

ЭФИРЕАЛЫ
(Орден Заклинателей)
Шквальные
Инферны
Проливные

СУБСТАНЦИАЛЫ
(Орден Фабрикаторов)
Прочники
Алкемы


Блуждающий остров
Косгрная тропа
Кенст Хьертс
Исенвк
Новый Зем
Истиноморе
Фьерда
Равка
Шухан
Керчия
Эймз Чин
Эймская гавань
Рекокая гавань
Южные колонии
Джерхольм
Вечный мороз
Ос Альта
Амрах ен
Кеттердам
Бенедит
Авфалле
Эльбьен
Цивкя
Чернисть
Аденка
Раевость
Ново-Кривичи
Ос-Керво
Ивец
Цемна
Карьер
Керамзин
Кривичск
Ивенск
Ачинск
Уленка
Валакирев
Попинская
Сибирск
Клюка
Пелъэо
Фельстед
Кидкерут
Гронвик
Ивка
Ивдя
Белки
Эйлка
Ойбаут
Ю.Ф.
Ивнив
Сиклаф
Ф. Сиклаф
Ф. Ивка

1. Королева Макхи

Макхи Кир-Табан, Небеснорожденная, происходила из древней династии королев.

«И все они были дурами, – думала она, чувствуя, как учащается пульс по мере прочтения зажатого в руке приглашения. – *Не будь они дурами, я бы не оказалась сейчас в таком положении».*

На лице ее не отразилось даже тени пылавшей внутри ярости. Краска гнева не запятнала ее нежные щеки. Она была королевой и умела держать себя соответственно статусу – спина прямая, поза непринужденная, лицо спокойное. Пальцы ее не дрожали, несмотря на то что каждым своим мускулом она стремилась стереть покрытый изящными буквами листок в пыль.

Король Николай, Великий князь Удовы,
единовластный правитель великой Равки,
и принцесса Эри Кир-Табан,
Небеснорожденная из Божественной династии Табан,
рады пригласить королеву Макхи Кир-Табан
на празднование бракосочетания
в королевской часовне Ос Альты.

Венчание планировалось через месяц, считая с этого дня.

Придворным Макхи хватит времени на то, чтобы упаковать соответствующие наряды и драгоценности, собрать свиту и подготовить отряд ее Тавгарадов, элитных солдат, охранявших королевскую семью с тех пор, как первая королева династии Табан заняла трон. Достаточно времени на то, чтобы совершить путешествие по земле или по воздуху, на одном из роскошных дирижаблей, сконструированных ее инженерами.

Более чем достаточно времени на то, чтобы разумная королева смогла развязать войну.

Но сейчас Макхи была вынуждена держать лицо перед министрами, собравшимися возле нее в зале совета. Ее мать покинула этот мир всего лишь месяц назад. Корона могла вернуться к бабке Макхи, но Леути Кир-Табан стояла на пороге восьмидесятилетия и не желала вновь взваливать на себя всю тяжесть управления страной. Ей хотелось лишь пестовать свои розы в сельской глуши и предаваться утехам с чередой красавцев-любовников, и поэтому, одарив Макхи своим благословением, она отбыла в дальние владения. Макхи короновали всего через несколько дней после похорон матери. Она была пока в самом начале пути правительницы, но намеревалась сделать все, чтобы он был долгим. Она планировала ускорить наступление века благополучия и процветания для своей страны – а для этого нуждалась в поддержке тех самых королевских министров, которые сейчас смотрели на нее в напряженном ожидании.

– Я не вижу письма, написанного лично Эри, – произнесла она, откинувшись на спинку трона. Она положила приглашение на колени и позволила себе чуть нахмуриться. – Это вызывает беспокойство.

– Нам следует радоваться, – заметил министр Нагх.

Он был одет в темно-зеленое платье с медными пуговицами и двумя скрещенными ключами Шу на лацканах – наряд чиновничьего сословия, как и у прочих министров. Вместе они походили на лес строевых деревьев.

– Разве не на такой результат мы надеялись? Свадьба, скрепляющая союз между нашими народами?

На этот результат вы *надеялись. Дай вам волю, мы будем вечно прятаться под прикрытием наших гор.*

– Да, – согласилась она с улыбкой. – Именно поэтому мы рискнули отправить нашу драгоценную принцессу Эри в те дикие земли. Но она должна была написать нам послание собственной рукой, подтверждая, что все хорошо.

Министр Цзиун откашлялась.

– Ваше небесное величество, Эри, возможно, не особо счастлива, скорее, покорилась обстоятельствам. Она никогда не желала жизни в центре внимания, не говоря уже о том, чтобы жизнь эта проходила вдали от единственного места, которое она может назвать своим домом.

– Мы – Табан. И все, чего мы желаем, это то, в чем нуждается наша страна.

Министр почтительно склонила голову.

– Конечно, ваше величество. Следует ли нам подготовить ваш ответ?

– Я отвечу сама, – заявила королева. – В знак особого уважения. Будет лучше начать наши союзнические отношения на правильной ноте.

– Очень хорошо, ваше величество.

Нагх сказал это так, словно Макхи удалось исполнить особо удачный реверанс.

Почему-то одобрение министра вызвало у Макхи больше раздражения, чем его несогласие.

Она поднялась, и министры, все как один, тут же сделали шаг назад, следуя протоколу. Она спустилась с тронного возвышения, и отряд Тавгарадов последовал за ней, держась на шаг позади, пока она шла по длинному коридору, ведущему в покои королевы. Шелковый шлейф ее платья шуршал по мраморным полам, раздражая не меньше, чем шепот советников. Макхи точно знала, сколько шагов отделяет зал советов от уединенной тишины ее покоев. Прежде ей приходилось проделывать этот путь бесчисленное множество раз вместе с матерью, а до этого – с бабушкой. И вот теперь она считала – пятьдесят шесть, пятьдесят пять, – пытаясь избавиться от раздражения и вернуть ясность ума.

Она чувствовала, что министр Йервей следует за ней по пятам, несмотря на то что шорох его мягких туфель успешно скрывался в ритмичном стуке сапог Тавгарадов. Казалось, ее преследует привидение. Вели она своим стражам перерезать

ему горло, они выполнят приказ без малейших сомнений. А затем, когда ее будут судить за убийство – ведь в Шухане это может ждать и королеву, – они дадут показания против нее.

Когда их группа добралась до покоев королевы, Макхи, миновав позолоченную арку, вошла в маленькую приемную, отделанную светло-зеленым мрамором. Взмахом руки отпустив ждущих здесь слуг, она повернулась к Тавгарадам.

– Не беспокойте нас, – последовал приказ.

Йервей прошел следом за ней через гостиную и комнату для музицирования в большой зал, где Макхи когда-то сидела на коленях у матери, слушая истории о первых королевах династии Табан – воительницах, которые в сопровождении своих ручных соколов спустились с высочайших гор Сикурзоя, чтобы править Шуханом. *Табан йенок-йун* звались они. Буря, которая осталась.

Дворец был выстроен первыми королевами, но до сих пор считался чудом инженерной и архитектурной мысли. Он принадлежал династии Табан. Он принадлежал народу. А в этот короткий миг – всего-то на пару шагов в параде королев Табан – он принадлежал и Макхи. Но стоило ей войти в покои Золотого Крыла, как настроение сразу же поднялось. Этот зал наполняли золотистые блики и шум струящейся воды, а изящные повторяющиеся арки террасы, примыкающей к нему, служили прекрасным обрамлением ухоженным изгородям и искрящимся фонтанам королевского парка, раскинувшегося внизу, и продолжающих его цветущих садов

Амрат Ена, с ровными рядами сливовых деревьев, напоминающими полки солдат. В Равке царила зима, но здесь, в Шухане – этой благословенной земле, – солнце по-прежнему согревало все своим теплом.

Макхи вышла на террасу. Это было одно из немногих мест, где она могла говорить с кем-нибудь без опаски, не беспокоясь о любопытных взглядах и чутких ушах слуг и соглядатаев. На столе из зеленого стекла стояли кувшины с вином и водой, а также блюдо поздних фиников. В парке внизу она увидела племянницу Акени, играющую с одним из мальчишек-садовников. Если случится так, что у Макхи с ее консортами не выйдет зачать дочь, Акени станет наследницей короны, решила Макхи. Она не была старшей из девочек рода Табан, но даже в свои восемь определенно была умнейшей. Весьма неожиданно, учитывая то, что ум ее матери был глубиной с обеденную тарелку.

– Тетушка Макхи! – окликнула Акени снизу. – Мы нашли птичье гнездо!

Мальчишка-прислужник не осмеливался заговорить или даже поднять глаза на королеву и молча стоял позади приятельницы по играм, разглядывая сбитые носки сандалий.

– Вы не должны прикасаться к яйцам, – сказала Макхи детям. – Смотрите, но не трогайте.

– Я не стану. Хочешь, нарву тебе цветов?

– Принеси мне лучше желтую сливу.

– Но они же кислые!

– Принесешь мне сливу, и я расскажу тебе историю.

Она проводила взглядом детей, кинувшихся к южной стене парка. Плоды висели высоко на ветках, поэтому требовалось немало времени и изобретательности, чтобы добраться до них.

– Она – чудесное дитя, – заметил Йервей, остановившийся в арочном проеме позади нее. – Хотя, возможно, слишком послушное для того, чтобы стать хорошей королевой.

Макхи проигнорировала его слова.

– Принцесса Эри жива, – продолжил он.

Она схватила кувшин со стола и швырнула его на каменные плиты внизу.

Она сорвала занавеси с окон и ногтями разодрала их в лохмотья.

Она упала лицом в шелковые подушки и закричала.

На самом деле ничего этого она не сделала.

Она всего лишь швырнула приглашение на стол и сняла с головы тяжелый обруч короны. Отлитая из чистой платины и густо усеянная изумрудами, она всегда заставляла шею Макхи болеть. Королева положила венец рядом с финиками и налила себе стакан вина. Подобные действия входили в обязанности ее слуг, но прямо сейчас она не желала видеть никого из них поблизости.

Йервей скользнул на террасу и, не спрашивая разрешения, плеснул себе вина.

– Не предполагалось, что ваша сестра выживет.

Принцесса Эри Кир-Табан, самая любимая, самая почитаемая народом – по причинам, которые Макхи никогда не могла понять. Сестра не была мудра, красива или интересна как личность. Единственным ее талантом был *хатуур.* И все равно люди ее обожали.

Эри должна была умереть. Что же пошло не так? Макхи тщательно продумывала свои планы. В результате их осуществления должны были умереть оба – и король Николай, и принцесса Эри, – а на Фьерду легли бы все обвинения в заказных убийствах. Под предлогом мести за смерть возлюбленной сестры она ввела бы войска в оставшуюся без короля, обезглавленную страну, потребовала бы отдать ей гришей для участия в программе по созданию *кергудов* и использовала бы Равку как базу для ведения войны с Фьердой.

Она тщательно выбирала своего человека: Майю Кир-Каат была членом личного отряда Тавгарадов принцессы Эри. Отличный боец и талантливая мечница, она обладала еще одним, весьма важным качеством – уязвимостью. Ее брат-близнец исчез из своего полка, а его семье сообщили, что парень был убит в бою. Но Майю догадывалась о том, что произошло на самом деле: он был выбран, чтобы стать *кергудом*, и включен в программу «Стальное сердце», благодаря чему должен был стать более сильным, смертоносным, однако в значительной мере утратить человеческие черты. Майю умоляла, чтобы его освободили прежде, чем произойдет это преобразование, и вернули в полк в качестве обычного сол-

дата.

Королева Макхи знала, что процесс становления *кергудом* — когда кости усиливали сталью гришей и крепили механические крылья к спине – был болезненным. Но поговаривали, что это было не главной проблемой, что солдаты, прошедшие это превращение, менялись самым ужасным образом, что *кергуды* теряли в этом процессе значительную, важнейшую часть своей личности, как будто боль погребала под собой то, что делало их людьми. И, само собой, Майю Кир-Каат не желала такой участи своему брату. Они были близнецами, *кеббен.* Не существовало связи ближе. Майю отдала бы и собственную жизнь, и жизнь короля, чтобы спасти его.

Королева Макхи отставила стакан с вином, налив себе вместо этого воды. Для того, что ее ожидало, требовалась ясная голова. Ее нянька как-то сказала ей, что и она должна была иметь близнеца и что ее брат родился мертвым.

– Вы поглотили его силу, – выдохнула служанка, и Макхи еще тогда поняла, что однажды станет королевой. Что бы случилось, останься ее брат в живых? Кем была бы Макхи?

Теперь это не имело значения.

Король Равки был живее всех живых.

Как и ее сестрица.

И это было плохо. Но королева Макхи была не до конца уверена, насколько плохо.

Знал ли Николай Ланцов о заговоре против него? Неужели у Майю сдали нервы и она рассказала принцессе Эри, ка-

ким был настоящий план? Нет. Такого не могло случиться. Она отказывалась в это верить. Слишком крепкие узы связывали *кеббен*.

– Это приглашение похоже на ловушку, – сказала она.

– То же можно сказать о большинстве браков.

– Избавь меня от проявлений твоего остроумия, Йервей. Если король Николай знает…

– И что же может доказать его величество?

– Полагаю, Эри сможет немало рассказать. Зависит от того, что ей известно.

– Ваша сестра – нежное создание. Она ни за что не поверит, что вы способны на подобное коварство, и определенно никогда не станет свидетельствовать против вас.

Макхи хлопнула по приглашению.

– Тогда объясни это!

– Возможно, она влюбилась. Я слышал, король может быть весьма очаровательным.

– Не говори глупостей.

Принцесса Эри заняла место Майю среди Тавгарадов. Майю изображала принцессу Эри. Задача Майю – подобраться поближе к королю Николаю, убить его и лишить себя жизни. Насколько известно принцессе Эри, на этом все и заканчивается. Но в ходе вторжения, последовавшего бы за этим, неизбежны были бы потери, и Тавгарады получили приказ удостовериться, что Эри станет одной из них. Хоть они и считались стражами принцессы Эри, приказы короле-

вы были для них на первом месте. Министры Макхи никогда бы не узнали о придуманном ею плане. Так почему же он провалился?

– Вы должны посетить церемонию венчания, – наставлял Йервей. – Все ваши министры будут ждать этого от вас. Ведь это шаг к осуществлению их планов о мире. Они полагают, что вы должны быть в восторге.

– На твой взгляд, я выглядела недостаточно восторженной?

– Вы, как, впрочем, и всегда, были идеальной королевой. И лишь я заметил определенные знаки.

– Министры, слишком много замечающие, рискуют однажды лишиться зрения.

– А королевы, слишком мало доверяющие, рискуют однажды лишиться трона.

Макхи вскинула голову.

– Что ты этим хочешь сказать?

Только Йервею была известна правда – и речь вовсе не о деталях ее планов убийства короля Равки и собственной сестры. Он был личным доктором ее матери и бабушки. И он находился у смертного одра ее матери, когда королева Кейен Кир-Табан, Небеснорожденная, назвала своей преемницей Эри, а не Макхи. Каждая королева из рода Табан имела право сама выбирать свою преемницу, но почти всегда ею становилась старшая дочь. Так было на протяжении сотен лет. Макхи *должна* была стать королевой. Она была рожде-

на для этого, ее для этого растили. Она была столь же сильна, как любая из Тавгарадов, умело управляла лошадью, являлась блестящим стратегом, коварным, как паук. И все же. Ее мать выбрала Эри. Мягкую, милую, очаровательную Эри, обожаемую народом.

– Обещай мне, – потребовала тогда мать. – Обещай мне, что последуешь моей воле. Поклянись в этом перед Шестью Стражами.

– Я обещаю, – прошептала Макхи.

И Йервей все это слышал. Он дольше всех остальных служил у матери советником, и Макхи даже представления не имела, сколько он уже живет на этой земле. При этом он, казалось, совсем не старел. Она смотрела на него, прямо в слезящиеся глаза на морщинистом лице, и гадала, не рассказал ли он матери о совместно начатой ими работе, о секретных экспериментах, о зарождении программы по созданию *кергудов*. Ведь это вполне могло привести к передаче трона Эри.

– Но Эри не хочет править… – сделала попытку Макхи.

– Лишь потому, что она всегда полагала, что править будешь ты.

Макхи взяла руку матери в свои.

– Но я и должна. Я училась. Меня к этому готовили.

– Но ни один из уроков не научил тебя доброте. Ни один из наставников так и не смог научить тебя милосердию. Твое сердце жаждет войны, и мне непонятно почему.

– У меня сердце сокола, – гордо ответила Макхи. – Сердце

истинной Хан.

– Речь о воле сокола. А это совсем другое дело. Поклянись мне, что сделаешь, как я сказала. Ты из рода Табан. Мы хотим того, что нужно стране, а стране нужна Эри.

Макхи не стала рыдать и спорить; она просто принесла клятву.

И с этим ее мать испустила последний вздох. Макхи вознесла молитвы Шести Стражам, зажгла свечи в память о всех ушедших королевах Табан. Она прибрала волосы и отряхнула руки о шелковый подол своих одежд. Вскоре ей предстоит надеть голубой – цвет скорби. И ей воистину было о чем скорбеть – о потере матери, о потере короны.

– Вы сами скажете Эри или придется мне? – спросила она у Йервея.

– Скажу ей что?

– Моя мать…

– Я ничего не слышал. Рад, что она отошла легко.

Так, над остывающим телом ее матери, сложился их союз. Так появилась новая королева.

И вот теперь Макхи стояла, облокотившись на перила террасы, и вдыхала ароматы цветущих садов – жасмин, сладкий запах апельсинов. Она слушала смех племянницы и мальчишки-садовника. Забирая корону у сестры, она не понимала, как мало это изменит, что ей по-прежнему постоянно придется соревноваться с доброй, рассеянной Эри. И только одно может положить конец этим мучениям.

– Я буду на венчании сестры. Но сначала мне необходимо отправить послание.

Йервей приблизился.

– Что вы задумали? Знаете, ваши министры прочтут это послание, даже если оно будет запечатанным.

– Я не глупа.

– Можно совершить глупость и не будучи глупцом. Если…

Йервей резко умолк, не закончив нравоучительную речь.

– В чем дело? – спросила Макхи, проследив за его взглядом.

Тень двигалась сквозь сады слив у дворцовых стен. Макхи подняла глаза, ожидая увидеть воздушное судно, но небеса были чисты. Тень продолжала расти, растекаясь, как чернильное пятно, прямо в их направлении. Деревья, которых она касалась, падали, как подкошенные, чернели на глазах и тут же исчезали, не оставляя никаких следов – лишь выцветшую землю и завитки дыма.

– Что это? – выдохнул Йервей.

– Акени! – закричала королева. – Акени, спускайся с дерева! Уходи оттуда сию же секунду!

– Я собираю сливы! – смеясь, крикнула в ответ девочка.

– Я сказала, сию секунду!

Акени не могла видеть то, что скрывалось за стеной, эту черную волну смерти, наступающую совершенно беззвучно.

– Стража! – завопила королева. – Помогите ей!

Но было слишком поздно. Тень скользнула по дворцовой стене, превращая золотистые кирпичи в уголь, и опустилась на сливовое дерево. Казалось, на Акени и мальчишку-садовника опустилась темная вуаль, приглушившая их смех.

– Нет! – крикнула Макхи.

– Моя королева, – настойчиво сказал Йервей. – Вам нужно уходить.

Но пятно тлена замерло прямо у кромки фонтана, оставив четкий след, словно волна прибоя на песке. Все, чего она коснулась, превратилось в серую пыль. Все, что осталось вне зоны поражения, зеленело и дышало жизнью.

– Акени, – приглушенно всхлипнула королева.

Ей ответил лишь ветер, гулявший по саду и развеивавший последние, едва заметные клочки тени. Ничего не осталось, лишь сладкий аромат обративших головки к солнцу цветов, счастливых в своем неведении.

2. Нина

Нина ощущала вкус соленого ветра на губах, окунаясь в рыночный шум – призывы торговцев, нахваливающих свои товары, крики чаек над бухтой Джерхольма и ругань солдат на палубах кораблей. Она кинула взгляд на вершину утеса, оккупированную нависающим над всей этой картиной Ледовым Двором, чьи высокие белые стены блестели ярко, словно обнаженные кости, и с трудом подавила дрожь. Здорово было оказаться на свежем воздухе, подальше от уединенных комнат Белого острова, но ей казалось, будто древнее здание следит за ней, будто до нее доносится шепот: *«Я знаю, кто ты. Тебе здесь не место»*.

– Со всем уважением, умолкни, – буркнула она.

– Хм-м? – отозвалась Ханна, прогуливавшаяся вместе с ней по набережной.

– Да ничего, – поспешно ответила Нина.

Разговоры с неодушевленными объектами были недобрым знаком. Слишком уж долго она пробыла в заточении, не только в Ледовом Дворе, но и в теле Милы Яндерсдат, чье лицо и фигура были созданы специально, чтобы скрыть личность самой Нины. Она бросила на Ледовый Двор очередной злобный взгляд. Утверждалось, что эти стены неприступны и ни разу не были преодолены вражеской армией. Но ее друзьям вполне удалось с ними справиться. Они пробили дыру в

одной из этих величественных стен с помощью фьерданского же танка. А теперь? Нина сама себе напоминала мышь – огромную блондинистую мышь в ужасно тяжелых юбках, – роющуюся у подножий Ледового Двора.

Она задержалась у лавки торговца шерстью, битком забитой традиционными жилетами и шарфами, которые носили в Винеткаллу. Несмотря на все свои усилия, Нина была очарована Джерхольмом с первого же взгляда. Он был таким аккуратным, каким может быть только фьерданский город, с домами и лавками, выкрашенными в розовый, голубой и желтый цвета, со спускающимися прямо к воде зданиями, жмущимися друг к другу, словно в поисках тепла. Большинство городов, виденных Ниной, – сколько же таких было? И на скольких языках говорила она там? – строились вокруг главной площади или улицы, но только не Джерхольм. Его кровью была соленая вода, и рынок его смотрел на море, растянувшись вдоль набережной: магазинчики, тележки и лавки, предлагающие свежую рыбу, сушеное мясо, тесто, обернутое вокруг горячих прутьев, испеченное на углях и посыпанное сахаром. Каменные залы Ледового Двора были полны величия и холода, а здесь царила суматоха и жизнь била ключом.

Куда бы Нина ни взглянула, всюду были напоминания о Джеле, ветви его священного ясеня сплетались в узлы и сердца в преддверии зимних празднеств Винеткаллы. В Равке сейчас, должно быть, готовятся к Дню Санкт-Николая. И к войне. Это знание камнем давило ей на грудь каждую ночь,

стоило улечься спать, змеей стягивало горло и лишало ее воздуха каждый день. Ее народ был в опасности, а она не знала, как ему помочь. Вместо этого она примеряла шляпки и шарфы во вражеском городе.

Ханна стояла рядом, одетая в пальто оттенка цветов чертополоха, который придавал ее смуглой коже сияние, заметное даже в пасмурный день, элегантную вязаную шапочку, прикрывшую ее остриженные волосы, чтобы не привлекать ненужного внимания. Как бы Нина ни страдала в ненавистной клетке Ледового Двора, страдания Ханны были намного сильнее. Ей нужен был вольный бег, скачка во весь опор; нужен был запах снега и хвои и успокаивающая тишина леса. Она прибыла в Ледовый Двор с Ниной добровольно, но, без сомнений, длинные дни, заполненные вежливыми разговорами за утомительными обедами, оставили свой след. Даже этого крошечного глотка свободы – выход на рынок с родителями и охраной в хвосте – было достаточно, чтобы снова вернуть румянец ее щекам и блеск глазам.

– Мила! Ханна! – окликнула Ильва. – Не уходите слишком далеко.

Ханна закатила глаза и взяла моток голубой пряжи с прилавка торговца.

– Будто мы дети.

Нина кинула взгляд за ее спину. Родители Ханны, Ярл и Ильва Брум, отстававшие от них всего лишь на несколько яр-

дов[1], привлекали восхищенные взгляды, прогуливаясь по набережной, – Ильва в коричневом шерстяном пальто с воротником из рыжего лисьего меха, Брум в черном мундире с вышивкой на рукаве в виде серебряного волка *дрюскелей*, вызывающем у Нины прилив ненависти. Двое молодых дрюскелей, с гладко выбритыми подбородками и зачесанными золотыми волосами, шли следом. Лишь закончив свое обучение и услышав слово Джеля во время Рингкаллы, они получали разрешение отрастить бороду. А затем они вприпрыжку отправлялись навстречу огромному миру, убивать гришей.

– Папа, там готовятся к какому-то представлению, – сказала Ханна, указав отцу в ту сторону набережной, где возводили самодельную сцену. – Можно нам пойти посмотреть?

Брум слегка нахмурился.

– Там ведь не одна из этих керчийских трупп, да? С их глупыми масками и грязными шутками?

«Ох, если бы», – мелькнула у Нины мрачная мысль. Она тосковала по диким улицам Кеттердама. Она бы предпочла сотню раз посмотреть довольно непристойную и попахивающую дурным вкусом жестокую комедию, чем высиживать все пять нескончаемых актов фьерданской оперы, как ей пришлось вчера вечером. Ханна была вынуждена то и дело пихать Нину в бок, чтобы та не задремала.

– Ты начинаешь храпеть, – шепнула она, вытирая слезы, выступившие на глазах от с трудом сдерживаемого смеха.

---

[1] 1 ярд = 1 метр.

Ильва, заметив покрасневшее лицо и полные слез глаза дочери, утешающе похлопала Ханну по колену.

– Это и *впрямь* трогательная часть, да, дорогая?

Ханна в ответ смогла лишь кивнуть, и то сжав руку Нины.

– О, Ярл, – теперь к мужу обратилась Ильва. – Я уверена, все будет совершенно пристойно.

– Очень хорошо.

Брум сдался, и они направились к сцене, оставив позади разочарованного торговца шерстью.

– Но ты будешь весьма удивлена, узнав, во что превратилось это место. Взяточничество. Ересь. Прямо в сердце нашей столицы. Видишь? – Он указал на сгоревший дом, мимо которого они как раз проходили. Похоже, когда-то это была лавка мясника, но теперь окна в ней были выбиты, а стены покрыты копотью.

– Всего две ночи назад эту лавку досмотрели. Нашли алтарь так называемой Солнечной святой и еще один… этой, как же ее? Линнея Водная?

– Леони, – тихо поправила Ханна.

Нина слышала о рейде от своих связных из Рингсы, сети разведчиков, созданной для того, чтобы спасать гришей по всей Фьерде. Пожитки мясника вышвырнули прямо на улицу, все шкафы и ящики вскрыли, чтобы обнаружить спрятанные реликвии – кость пальца Солнечной святой и икону, написанную в любительском стиле, на которой явно изобразили прекрасную Леони с убранными в узел косами и возде-

тыми к небу руками в тот момент, когда она очищала реку от яда, чтобы спасти город.

– Это даже хуже, чем просто поклоняться святым, – продолжал Брум, так яростно тыча пальцем в воздух, словно тот нанес ему смертельное оскорбление. – Они заявляют, что гриши – возлюбленные дети Джеля. И что их силы на самом деле знак его благословения.

От этих слов сердце Нины заныло. Именно это сказал Матиас. Прежде чем умереть. Дружба с Ханной помогала ей залечить эту рану. Ее миссия и высшая цель помогали тоже, но боль все еще таилась в сердце и, как подозревала Нина, вряд ли когда-нибудь исчезнет полностью. У Матиаса украли жизнь, не оставив ему и шанса найти свое собственное место и предназначение. *Я исполнял его, любовь моя. Я защищал тебя. До самого конца.*

Нина сглотнула комок, набухший в горле, и заставила себя сказать:

– Ханна, не сходить ли нам за медовым взваром?

Она бы предпочла вино, а может, и чего-нибудь покрепче, но женщинам во Фьерде алкоголь не разрешали, особенно в публичных местах.

Приглашающая улыбка продавца взвара сменилась отвисшей челюстью, когда он заметил мундир Брума.

– Коммандер Брум! – воскликнул он. – Желаете чего-нибудь горяченького для вашей семьи? Чтобы укрепить силы в этот холодный денек?

Мужчина был обладателем широких плеч, бычьей шеи и длинных огненно-рыжих усов. Вытатуированные на его запястьях круги волн, вероятно, указывали на то, что он бывший моряк. Или на нечто большее.

Наблюдая за тем, как Ярл Брум пожимает руку продавцу, Нина ощутила, как ее накрывает странное чувство раздвоенности. Около двух лет назад, всего в нескольких ярдах отсюда, она победила этого человека. С коммандером *дрюскелей* она столкнулась в своем истинном обличии, как Нина Зеник, в тот самый момент, когда наркотик *юрда-парем* бурлил в ее крови. Этот наркотик позволил ей повергнуть сотни солдат, сделал ее неуязвимой для пуль и навсегда изменил ее дар гриша, подарив ей власть над мертвыми вместо живых. В тот день она пощадила Брума, пусть и сняв с него скальп. Нина стала причиной тому, что голова у него теперь была совершенно лысая, а в основании черепа змеился толстым розовым крысиным хвостом уродливый шрам.

Матиас молил о пощаде – для своих братьев по ремеслу, для того, кто стал для него вторым отцом. Нина до сих пор не знала, правильно ли она сделала, исполнив эту просьбу. Убей она тогда Брума, и они с Ханной никогда бы не встретились. Она никогда бы не вернулась во Фьерду. И Матиас мог бы остаться в живых. Стоило ей вспомнить прошлое, она терялась в нем, во всех этих множествах «если бы». А ей нельзя было себе этого позволять. Несмотря на фальшивое имя и лицо, скроенное ей благодаря невероятному порт-

новскому таланту Жени, Нина оставалась гришом, солдатом Второй армии и равкианским шпионом.

«Так что соберись, Зеник», – отчитала она себя мысленно.

Брум хотел было заплатить торговцу взваром, но мужчина отказался брать с него деньги.

– Подарок на Винеткаллу, коммандер. Пусть ночи ваши будут коротки, а чаша всегда полна.

Бодрый хор флейт и барабанов грянул со сцены, сообщая о начале представления, а следом поднялся и занавес, открывший нарисованную вершину утеса и крошечную торговую площадь внизу. Толпа разразилась восторженными аплодисментами. Они видели перед собой Джерхольм, тот самый город, где они жили, и плакат, на котором значилось «История Ледового Двора».

– Вот видишь, Ярл, – заметила Ильва. – Никаких непристойностей. Абсолютно патриотическая история.

Брум, похоже, в этот момент отвлекся, чтобы проверить карманные часы. *«Чего ты так ждешь?»* – задумалась Нина. Дипломатические переговоры между Фьердой и Равкой все еще шли, и Фьерда пока не объявляла войну. Но Нина была уверена, что битвы не избежать. Брум бы не согласился на меньшее. Она передавала все те крохи информации, что ей удавалось подслушать под дверями и во время приемов. Но этого было недостаточно.

Зазвенели тарелки, знаменуя начало рассказа об Эгмонде, гении, который проектировал и строил невероятные замки и

здания, будучи совсем ребенком. Акробаты тянули за длинные шелковые шнуры, изображая строительство массивного особняка, украшенного серыми шпилями и сверкающими арками. Зрители воодушевленно хлопали, но тут актер с надменным лицом – дворянин, отказавшийся платить за свой новый роскошный дом, – разгневался на Эгмонда, и вот уже молодой красавец-архитектор в цепях, и его ведут в старую крепость, когда-то охранявшую вершину утеса над заливом.

Сцена поменялась – теперь Эгмонд сидел в своей камере, в то время как под грохот барабанов налетел сильнейший шторм. Синие отрезы шелка взлетали и опадали, струясь, по всей сцене, воплощая потоки воды, хлынувшие в крепость, где в тот момент были король Фьерды со своей королевой.

Работа под прикрытием требовала намного больше, чем просто блестящее знание языка или знакомство с некоторыми местными обычаями, поэтому Нина отлично разбиралась в фьерданских мифах и легендах. В этой части истории Эгмонд должен был прижать руку к корням дерева, пробившегося сквозь стены его каменной темницы, и, при помощи Джеля, использовать силу священного ясеня, чтобы укрепить стены крепости, спасти короля с королевой и заложить основание для неприступного Ледового Двора.

Вместо этого на сцене возникли три фигуры – женщина, оплетенная лозами красных бумажных роз, девушка в белом парике с ошейником из оленьих рогов на шее и черноволосая красавица в синем наряде.

– Что это? – рявкнул Брум.

Но шепот толпы немедленно все прояснил: Санкта-Лизавета Роз, Солнечная святая Алина Старкова и – великолепный заключительный штрих, похвалила саму себя Нина, – Грозовая ведьма, Зоя Назяленская, появились в истории.

Святые положили руки на плечи Эгмонда, затем прижали их к стенам темницы, и тут скрученные полотна ткани, призванные изображать священный ясень, начали взлетать и разворачиваться, словно корни, вырывающиеся из плена земли.

– Довольно, – громогласно, перекрывая гул толпы, заявил Брум. Его слова прозвучали спокойно, но Нина услышала напряжение в его голосе, когда он вышел вперед. Двое *дрюскелей* шагнули следом, на ходу доставая дубинки и хлысты, закрепленные на поясах.

– Погода портится. Представление продолжится в другой раз.

– Оставьте их в покое! – крикнул кто-то из толпы.

Заплакал ребенок.

– Это, что, часть пьесы? – удивленно спросила какая-то женщина.

– Нам пора, – сказала Ильва, пытаясь оттеснить Ханну и Нину назад.

Но толпа вокруг них была слишком плотной и прижимала их к сцене.

– Расходитесь, – властно велел Брум. – Или вас арестуют

и оштрафуют.

Внезапно прогремел гром – настоящий гром, а не жестяные тарелки актеров. Темные тучи набежали с залива с такой скоростью, что, казалось, резко опустились сумерки. Море внезапно потемнело, волны, увенчанные белыми барашками пены, накатывали все яростнее, заставляя снасти кораблей тревожно скрипеть.

– Джель гневается, – раздался голос из толпы.

– Святые гневаются, – поддержал его другой.

– Немедленно *разойтись!* – рявкнул Брум, с трудом перекрикивая надвигающийся шторм.

– Смотрите! – крикнул кто-то.

С залива к ним неслась волна, росшая прямо на глазах. Легко миновав волнорез, она двинулась прямо на набережную. И теперь над толпой возвышалась яростно бурлящая стена воды. Люди закричали. Казалось, волна изогнулась в воздухе и лишь затем обрушилась на набережную – точно на Брума и его солдат, силой потока разметав их по камням мостовой.

Толпа ахнула, а затем разразилась смехом.

– Ярл! – воскликнула Ильва, пытаясь пробраться к нему.

Ханна удержала ее.

– Останься здесь, мама. Он не захочет, чтобы его посчитали слабаком.

– Санкта-Зоя! – раздался чей-то вопль. – Она наслала шторм!

Несколько людей из толпы опустились на колени.

– Святые! – вторил другой голос. – Они все видят и хранят верующих.

Море разбушевалось, и волны, казалось, неслись в каком-то бешеном танце.

Брум, красный от натуги, в насквозь промокшей одежде, с трудом поднялся на ноги.

– Встать! – Его рык не хуже веревки вздернул молодых солдат на ноги. Сам он ринулся в толпу, за воротники поднимая кающихся с колен. – Поднимайтесь с колен или будете арестованы за мятеж и распространение ереси!

– Думаешь, мы зашли слишком далеко? – шепнула Ханна, находя руку Нины и крепко ее сжимая.

– Недостаточно далеко, – пробормотала Нина.

Потому что и представление, и даже волна были всего лишь отвлекающим маневром. Пьесу поставили члены Рингсы. Волна появилась благодаря любезности проливного под прикрытием, работавшего с одной из лодок в заливе. Но в этот момент, пока Ярл Брум и его солдаты неистовствовали в толпе, продавец напитков, ускользнувший в боковую улочку, едва началось представление, быстро взмахнул руками, разгоняя тучи.

Поток солнечного света хлынул с небес на лавку мясника, разгромленную несколько дней назад. Сначала на стене ничего не было, но затем торговец вынул пробку из бутылки, которую Нина тайком поставила на его лоток. Он напра-

вил облако аммиака на стену, и на ней, словно по волшебству, возникло послание, нацарапанное вдоль всего фасада: *Linholmenn fe Djel ner werre peje.*

Дети Джеля среди вас.

Это был один из дешевых трюков, которые они с другими сиротами использовали, чтобы оставлять друг другу тайные послания. Но, как Нина не так давно узнала в Кеттердаме, хорошая афера – это всегда хорошее зрелище. Повсюду вокруг себя она видела жителей Джерхольма, глазеющих на послание, начертанное на фасаде, указывающих на море, которое понемногу успокаивалось, на облака, вновь открывшие небо, стоили продавцу напитков привычно отряхнуть руки и вернуться к своему лотку.

Принесет ли это пользу? Нина не знала, но маленькие чудеса, подобные этому, случались по всей Фьерде. В Хьяре разбитая рыбацкая лодка чуть не затонула, но тут бухта покрылась прочным льдом, и рыбакам удалось вернуться на берег невредимыми и даже сохранить свой улов. Следующим утром на стене местной церквушки появилась фреска, изображающая священный маяк Санкт-Владимира.

В яблоневом саду Фельстеда, несмотря на холода, внезапно созрел богатый урожай, словно Санкт-Феликс своими руками согрел деревья. Ветви яблонь были переплетены с веточками ясеня – символом благословения Джеля.

Половина городка Кьерик свалилась с огненной оспой, почти всегда приводящей к смерти. На следующее утро по-

сле того, как одному фермеру явилось видение парящей над городским колодцем Санкты-Анастасии с венком из листьев ясеня в волосах, горожане проснулись здоровыми, без каких-либо отметин на теле или жара.

Чудо за чудом создавали члены Рингсы и соглядатаи Второй армии. Проливные заморозили бухту, но до этого они подняли шторм, разбивший лодку. Шквальные наслали ранние морозы на Фельстед, а солнечные солдаты заставили деревья цвести. И пусть агенты Рингсы не были причиной появления оспы, они сделали все, чтобы гриши-корпориалы вовремя оказались на месте и исцелили больных. А что касается явления Анастасии, то просто удивительно, сколько можно добиться всего лишь с помощью правильного освещения и рыжего парика.

Но была еще и странная гниль, поразившая север Джерхольма. Нина не знала, что это – природное явление или плоды работы какого-нибудь мерзкого оперативника Рингсы. Но она знала, что ходили слухи, будто это дело рук Беззвездного святого, воздаяние за религиозные облавы и аресты, производимые людьми Брума.

Сначала Нина сомневалась, что устраиваемые ими чудеса могут что-то изменить, боялась, что все их усилия сведутся к ряду неудачных ребяческих розыгрышей, которые закончатся ничем. Но тот факт, что Брум посвящал все больше и больше сил и времени попыткам найти истоки растущего поклонения святым, давал ей надежду.

Брум, печатая шаг, подошел к ним с застывшим от ярости лицом. Но воспринимать его гнев серьезно было весьма непросто, с учетом того, что он вымок до костей, и казалось, что из сапога у него вот-вот может выскользнуть рыбешка. И все же Нина опустила голову, отвела взгляд и придала лицу как можно более бесстрастное выражение. В данный момент Брум был опасен, как заведенная бомба. Одно дело, когда тебя ненавидят или боятся, и совсем другое, когда высмеивают. Но именно этого Нина и добивалась – чтобы Фьерда перестала смотреть на Брума и его *дрюскелей* с благоговейным страхом и поняла, кто они на самом деле: трусливые бандиты, достойные скорее насмешек, нежели раболепного поклонения.

– Я провожу семью в Ледовый Двор. – буркнул он своим солдатам. – Добудьте имена. Всех актеров, каждого, кто был на рыночной площади.

– Но толпа…

Голубые глаза Брума превратились в щелки.

– *Имена.* От всего этого за милю несет Рингсой. Если по моим улицам, в моей столице ходят гриши, я это выясню.

«Гриши уже в твоем доме», – злорадно подумала Нина.

– Не задирай нос, – шепнула ей Ханна.

– Поздно.

Они забрались в просторную карету. Король и королева подарили Бруму один из тех шумных новых экипажей, движущихся без лошадей, но Ильва предпочитала карету, кото-

рая не плевалась клубами черного дыма и вряд ли бы сломалась посреди крутого подъема к Ледовому Двору.

– Ярл, – попробовала заговорить Ильва, стоило им разместиться на обитых бархатом сиденьях. – Какой от этого вред? Чем острее ты реагируешь на подобные представления, тем важнее себя считают их создатели.

Нина ожидала, что Брум в ответ взорвется, но он довольно долго молчал, уставившись из окна на серое море, плещущее внизу.

Когда он все-таки заговорил, голос его звучал ровно и гнев тщательно сдерживался.

– Мне следовало быть более сдержанным.

Он потянулся и сжал руку Ильвы.

Нина заметила, какой эффект этот простой жест произвел на Ханну, как вина и тревога затуманили ее взгляд. Нине было легко ненавидеть Брума, считать его всего лишь злодеем, которого нужно сокрушить. Но для Ханны он был отцом, и в такие моменты, как этот, когда он был добр, когда был справедлив и нежен, казалось, что он вовсе не монстр, а всего лишь человек, готовый на все ради своей страны.

– Но ведь проблема не в том, что кто-то устроил беспорядки на рынке, – продолжил Брум устало. – Если люди начнут видеть в наших врагах святых…

– Но ведь есть и фьерданские святые, – подсказала Ханна с нотками надежды.

– Они не гриши.

Нина прикусила язык. Может, и так, а может, и нет. Говорят, Санкт-Эгмонд, великий архитектор, вознес молитвы Джелю, чтобы укрепить Ледовый Двор против буйства стихии. Но были и другие истории, в которых он обращался за помощью к святым. А кое-кто считал, что чудеса, сотворенные Эгмондом, вовсе не потребовали божественного вмешательства, поскольку были результатом применения его дара гриша, а сам он был талантливым фабрикатором, который мог силой воли управлять камнем и металлом.

– Фьерданские святые были праведными людьми, – сказал Брум. – Они были избраны Джелем, а не этими… демонами. Но есть кое-что еще. Вы узнали третью святую, расхаживавшую по той сцене? Это была Зоя Назяленская. Генерал Второй армии. В этой женщине нет ни капли праведности и человечности.

– Женщина служит генералом? – невинно уточнила Ханна.

– Если подобное создание вообще можно назвать женщиной. В ней собрано все, что есть отвратительного и непотребного. Гриши – это Равка. Фьерданцы, поклоняющиеся этим фальшивым святым… Они буквально присягают на верность чужой стране, стране, с которой мы вот-вот вступим в войну. Эта новая религия опаснее, чем любая из побед на поле битвы. Если мы потеряем наш народ, то любая битва будет проиграна, даже не начавшись.

«Если я сделаю свою работу как надо», – подумала Нина.

Ей оставалось лишь надеяться на то, что простые фьерданцы ненавидят гришей меньше, чем любят собственных сыновей и дочерей, что каждый из них знает кого-то из внезапно пропавших людей – друга, соседа, даже родственника. Женщину, вынужденную покинуть родной кров и семью из страха, что ее сущность раскроют. Мальчика, вырванного из рук родителей, чтобы подвергнуться пыткам и встретить смерть от рук охотников из отряда Брума. Может, своими маленькими чудесами у Нины получится дать Фьерде возможность сплотиться, усомниться в необходимости всей этой ненависти и страха, что многие годы были главным орудием Брума.

– Присутствие здесь Апрата сводит на нет все наши труды, – продолжил Брум. – Как могу я очищать от вражеского влияния наши города и деревни, если в самом сердце нашего правительства засел еретик? В глазах народа мы – худшие из лицемеров, а у него, к тому же, шпионы в каждом углу.

Ильва содрогнулась.

– В нем есть что-то невероятно пугающее.

– Это все образ. Эта борода. И темная ряса. Ему нравится приводить дам в ужас своими странными высказываниями и манерой появляться ниоткуда, но на деле он всего лишь громко каркающий ворон. Но он нужен нам, если мы хотим посадить на трон Демидова. Поддержка священника будет важна для равкианцев.

– От него пахнет кладбищем, – вставила Ханна.

– Всего лишь ладаном. – Брум побарабанил пальцами по дверце. – Трудно сказать, во что на самом деле верит этот человек. Он утверждает, что король Равки одержим демонами, что Вадик Демидов помазан на царство самими святыми.

– Откуда вообще появился Демидов? – спросила Нина. – С нетерпением жду возможности увидеть его.

– Мы держим его в безопасном месте, на случай, если равкианские убийцы попробуют его пристрелить.

Как жаль.

– Он на самом деле Ланцов? – продолжила она.

– У него больше прав на корону, чем у бастарда Ланцова.

Карета дернулась, останавливаясь, и они вышли, но не успела нога Нины коснуться посыпанной гравием дорожки, к Бруму подбежал солдат со сложенным листом бумаги в руке. Нина краем глаза заметила королевскую печать – серебристый воск и увенчанный короной волк Гримьеров.

Брум сломал печать, прочел послание, а затем поднял голову, и от выражения его лица у Нины сердце оборвалось. Несмотря на мокрую одежду и испытанное на рынке унижение, Брум сиял.

– Время пришло, – заявил он.

Нина заметила, какой печальной стала улыбка Ильвы.

– Так, значит, ты нас покидаешь. А я снова каждую ночь буду ждать, тая страх в сердце.

– Бояться нечего, – возразил Брум, запихивая послание в карман мундира. – Им не выстоять против нас. Наконец-то,

настал наш час.

Он был прав. У фьерданцев были танки. А еще пленные гриши, подсаженные на *парем.* Победа была гарантирована. Особенно если Равка останется без союзников. «*Я должна быть там. Мое место – на поле сражения*».

– Вы отправляетесь далеко? – спросила Нина.

– Вовсе нет, – ответил Брум. – Мила, у тебя такой испуганный вид! Неужели ты так слабо веришь в меня?

Нина заставила себя улыбнуться.

– Нет, сэр. Я лишь беспокоюсь за ваше благополучие, как и все мы. Вот, – продолжила она, – позвольте мне взять ваши пальто, чтобы вы наконец-то прошли в дом и согрелись. Вашей семье нужно проводить как можно больше времени вместе, пока вы не уехали.

– Мила, ты – настоящее благословение, – благодарно сказала Ильва.

Нина взяла пальто у нее, у Ханны и у Брума, и ее рука тут же змеей скользнула в карман, куда он сунул письмо.

Война приближалась.

Ей нужно было известить своего короля.

3. Николай

Николай пытался успокоить своего нервничавшего жеребца, похлопывая его по холке. Королевский конюх полагал, что недостойно короля ездить на лошади по прозвищу Изюмчик, но Николай питал особую слабость к этому пегому пони с неровными ушами. Он определенно не был самым красивым скакуном в королевских конюшнях, но мог без устали проскакать много миль и был спокоен, как скала. Обычно. В данный момент он едва мог устоять на месте, натягивая поводья и прискакивая то вправо, то влево. Изюмчику не нравилось это место. И Николай его за это не винил.

– Скажите мне, что я не вижу то, что я вижу, – попросил он со слабой надеждой в голосе.

– А что, по-твоему, ты видишь? – уточнила Тамара.

– Масштабные разрушения. Неизбежную гибель.

– Не то чтобы совсем неизбежную, – заметила Зоя.

Николай кинул на нее взгляд. Она собрала волосы на затылке, перевязав их темно-синей лентой. Это было в высшей степени практично, но оказывало на него странное действие, вызывая желание развязать ленту. – Я что, слышу оптимизм в голосе моего самого пессимистичного генерала?

– *Вероятную* гибель, – внесла ясность Зоя, мягко пришпоривая свою белоснежную кобылу. Все лошади беспокоились.

Рассвет крался по Ярености, купая крыши и улицы города в розоватом свете. На пастбищах вдалеке Николай видел табун пони, еще по-зимнему лохматых, постукивающих копытами от холода. Из этого могла бы выйти дремотно-мирная картина, пейзаж в старинном стиле, который какой-нибудь ремесленник от искусства мог бы написать для богатенького купца, с избытком денег и недостатком вкуса, – если бы не мертвая, покрытая пеплом земля, пачкающая ландшафт, как пятно пролитых чернил. Тлен распространился от загонов лошадиной фермы вдалеке прямо до окраины городка у подножия холма.

– Две мили[2]? – прикинул Николай, пытаясь оценить размер ущерба.

– По меньшей мере, – заметил Толя, смотрящий в подзорную трубу. – Может, и три.

– В два раза больше, чем в случае рядом с Балакиревым.

– Ситуация ухудшается, – сказала Тамара.

– Мы пока не можем этого утверждать, – возразил Толя. Как и сестра, он был одет в оливково-серый мундир, обнажавший, несмотря на зимний морозец, мощные бронзовые руки, покрытые татуировками солнечных символов.

– Это не обязательно закономерность.

Тамара фыркнула.

– Это Равка. Здесь ситуация всегда ухудшается.

– А вот это закономерность. – Голубые глаза Зои исследо-

---

[2] 1 миля = 1,6 км.

вали горизонт. – Но связана ли эта закономерность с *ним*?

– А это вообще возможно? – спросила Тамара. – Мы держим его взаперти в солнечной тюрьме с тех пор, как он… вернулся.

Вернулся. Было что-то неточное в этом слове. Словно Дарклинг просто ездил отдохнуть на Блуждающий остров, сделать пару набросков замковых руин и попробовать местные блюда, а не возвратился к жизни после древнего ритуала, организованного кровожадной святой, обожавшей пчел.

– Я стараюсь не недооценивать нашего выдающегося пленника, – сказал Николай. – А что до возможного…

Похоже, это слово потеряло свое значение. Он встретил святых, стал свидетелем их уничтожения, сам чуть не погиб и стал хозяином демона. Увидел, как воскресает давно умерший, и был практически уверен, что дух древнего дракона скрывается где-то внутри женщины рядом с ним. Если бы понятие *возможного* было рекой, оно бы давно вырвалось из берегов и затопило все кругом.

– Смотрите, – сказал Толя. – Дым.

– И всадники, – добавила Тамара. – Похоже, нас ждут проблемы.

На окраинах городка, рядом с тем местом, где появилось пятно тлена, Николай разглядел группу всадников. Ветер донес разгневанные голоса.

– Там стоянка сулийцев, – сказала Зоя напряженным, отрывистым голосом.

Прогремел выстрел.

Они обменялись быстрыми взглядами, а затем ринулись вниз с холма в долину у его подножия.

Две группы людей стояли в тени огромного кедрового дерева, росшего в каких-то двух шагах от места, из которого тлен вытянул все крохи жизни. Они остановились на границе лагеря сулийцев, и Николай обратил внимание на то, что фургоны выстроены не для удобства, а для обороны. Не было видно ни одного ребенка. Лагерь был готов к вероятному нападению. Возможно, потому что им всегда приходится быть настороже. Старинные законы, запрещающие сулийцам как владеть землей, так и кочевать по ней, были отменены еще до восшествия на престол отца Николая, но стереть предубеждение из людских мыслей оказалось намного сложнее. И оно становилось только сильнее в тяжелые времена. Толпа – глядя на ружья и лихорадочные лица людей, назвать их по-другому было невозможно, – напиравшая на сулийцев, была тому доказательством.

– Отставить! – крикнул Николай, стоило им подъехать ближе.

Но лишь пара людей обратила на него внимание.

Толя выехал вперед и направил своего массивного скакуна между двух групп.

– Сложите оружие во имя короля! – проревел он.

В этот момент он походил на святого воина, сошедшего со страниц книг.

– Очень впечатляюще, – оценил Николай.

– Позер, – фыркнула Тамара.

– Не придирайся. Надо же хоть иногда пользоваться тем, что ты размером с вековой дуб.

И горожане, и сулийцы отступили, ошарашенные появлением гигантского шуханца в мундире с татуированными руками прямо у них под носом. Николай узнал Кирилла Мирова, местного главу. Он заработал неплохие деньги на продаже соленой трески и теперь вкладывал их в производство новых транспортных средств, быстро вытесняющих повозки и кареты. В нем не было дворянской крови, зато была масса амбиций. Он хотел, чтобы его считали настоящим лидером, а значит, ему казалось, что он должен что-то кому-то доказать. Сплошное беспокойство.

Николай воспользовался возможностью, предоставленной ему Толей.

– Доброе утро, – радостно заявил он. – Мы тут собрались на ранний завтрак?

Горожане опустили головы в низких поклонах. В отличие от сулийцев. Те не признавали королей.

– Ваше величество, – поприветствовал его Миров. Он был сухощавым, с чуть оплывшим, как подтаявший воск, подбородком. – Я понятия не имел, что вы в наших местах. Иначе непременно выехал бы вам навстречу.

– Что здесь происходит? – спокойно спросил Николай, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал как претензия.

– Поглядите, что они сотворили с нашими полями! – выкрикнул один из людей Мирова. – Что они сделали с городом! Десять домов исчезли, как дым. Пропали две семьи, а еще Гавош, ткач.

Исчезли, как дым. Такие же сообщения поступали со всех концов Равки: пятна тлена, появляющиеся из ниоткуда, теневая волна, накрывающая города, поля, порты, превращающая в прах все, до чего дотянется, с той же легкостью, как задувают свечу. После себя тлен оставлял леса и поля, лишенные малейших признаков жизни. *Киликлава* – так, он слышал, называли ее, сравнивая с монстром из легенд – вампиром.

– Но это не объясняет того, почему вы взялись за ружья, – мягко заметил Николай. – Здесь случилось ужасное. Но сделали это не сулийцы.

– Их лагерь остался нетронутым, – возразил Миров, и Николаю не понравилась убежденность в его голосе. Одно дело успокаивать огрызающегося пса, и совсем другое – пытаться переубедить человека, образно говоря, выкопавшего себе аккуратную траншею и успевшего ее укрепить. – Эта… мерзость, этот ужас появился через несколько дней после того, как они разбили свой лагерь на нашей земле.

– На *вашей* земле, – повторил сулиец, стоящий во главе своего отряда. – Сулийцы путешествовали по землям каждой из стран по эту сторону Истиноморя, прежде чем у этих стран появились названия.

– И что вы здесь построили? – спросил мясник в заляпанном фартуке. – Ничего. Это наши дома, лавки, пастбища и имущество.

– Они – проклятый народ, – заявил Миров, словно констатируя факт – как прошлогодний уровень осадков или цены на зерно. – Все это знают.

– Ненавижу оставаться не у дел, – заявил Николай, – но я ничего такого не знаю, а эта зараза появилась не только здесь. Это природное явление, которое мои субстанциалы исследуют и скоро смогут останавливать.

Опрометчиво непропорциональное сочетание лжи и оптимизма, но чуть-чуть преувеличения еще никому не вредило.

– Они проникли на земли графа Неренского.

Николай позволил флеру власти Ланцовых опуститься себе на плечи.

– Я король Равки. Граф владеет этими землями с моего соизволения. И я говорю, что эти люди могут здесь остановиться и находятся под моей защитой.

– Сказал королевский ублюдок, – пробурчал мясник.

Наступила тишина. Зоя сжала кулаки, и над полями громыхнул гром.

Но Николай поднял руку. Эту битву нельзя было выиграть силой.

– Не мог бы ты повторить? – попросил он.

Щеки мясника побагровели, брови сошлись у переноси-

цы. Похоже, у этого мужчины были все шансы умереть от сердечного приступа, если, конечно, невежество не убьет его раньше.

– Я сказал, вы – бастард и недостойны даже сидеть на этом роскошном скакуне.

– Ты слышал, Изюмчик? Он назвал тебя роскошным.

Николай снова обратил свое внимание на мясника.

– Ты вот утверждаешь, что я – бастард. А почему? Потому, что так говорят наши враги?

Тревожный шепот всколыхнул толпу. Зашаркали ноги. Но никто ничего не сказал. *Хорошо.*

– Так вы теперь считаете фьерданцев своими господами? – Его голос разнесся над толпой горожан, над сулийцами. – Станете учить их язык? Склонитесь перед их чистокровными королем и королевой, когда их танки прорвут границы Равки?

– Нет! – воскликнул Миров. И плюнул на землю. – Никогда!

Один готов.

– Фьерда зарядила ваши ружья ложью о моем происхождении. Они рассчитывают, что вы обратите их на меня, на ваших соотечественников, которые защищают наши границы прямо сейчас, готовые умереть за родную землю. Они надеются свалить на вас всю грязную, кровавую работу под названием «война».

Конечно, сейчас лжецом был именно Николай. Но только

короли могут делать что им угодно; бастардам приходится делать то, что нужно.

– Я не предатель, – прорычал мясник.

– Но говоришь именно как он, – заметил Миров.

Мясник выпятил грудь.

– Я сам служил в Восемнадцатом полку, и туда же пойдет мой сын.

– Могу поспорить, немало фьерданцев улепетывали от тебя во все лопатки, – польстил Николай.

– И будете чертовски правы, – подтвердил мясник.

Но мужчина за его спиной вовсе не горел энтузиазмом.

– Я не хочу, чтобы мои дети сражались в очередной войне. Пусть эти ведьмы идут на фронт.

И тут Зоя все же выпустила несколько ветвистых молний в воздух над толпой.

– Гриши возглавят наступление, а я приму первую пулю, если в этом будет нужда.

Люди Мирова дружно отшатнулись.

– Должен предупредить вас, – с улыбкой заверил Николай. – Когда Зое взбредает в голову погеройствовать, она может быть довольно пугающей.

– Заметно, – пискнул мясник.

– Здесь люди погибли, – вмешался Миров, пытаясь вернуть утраченный авторитет. – Кто-то должен ответить…

– Кто несет ответственность за засуху? – спросила Зоя. Ее голос взрезал воздух как остро отточенный клинок. – За

землетрясения? За ураганы? Так вот мы какие. Жалкие создания, ноющие при малейшем намеке на трудности? Или мы равкианцы – практичные, свободно мыслящие, не являющиеся больше рабами суеверий?

На лицах некоторых горожан читалось возмущение, но прочие, похоже, были изрядно пристыжены. В другой жизни из Зои вышла бы весьма устрашающая правительница – высокомерная, с вечно недовольным лицом, она легко могла бы заставить любого из присутствующих намочить штаны от страха. Но одна из сулиек смотрела на Зою с задумчивым выражением, а его генерал, которая на любое нетактичное внимание отвечала взглядом, способным выжигать дотла целые леса, этого не замечала или нарочно игнорировала.

– *Khaj pa ve,* – произнесла женщина. – *Khaj pa ve.*

И пусть Николаю было любопытно, что это значит, но на повестке дня были и более насущные вопросы.

– Я знаю, что это небольшое утешение, но нужно обсудить, чем может корона помочь вам, чтобы хоть отчасти компенсировать потерю земель и жилищ. Я готов.

– Я поговорю с главой, – внезапно сказала Зоя.

Николай собирался поговорить с Мировым сам, ведь статус для того играл весьма важную роль, а значит, внимание королевской особы ему бы весьма польстило. Но Зоя уже направила свою лошадь в сторону главы.

– Будь очаровательной, – шепнул он еле слышно.

Она послала ему теплую улыбку и лукаво подмигнула.

– Буду.

– Это было очень убедительно.

Улыбка испарилась в ту же секунду.

– Мне пришлось годами наблюдать, как ты улещиваешь людей по всей Равке. Кое-чему научилась.

– Я не улещиваю.

– На самом деле улещиваешь, – вмешалась Тамара.

– Ладно, – сдался Николай. – Но это мило.

Он посмотрел, как Зоя спешилась и отвела Мирова в сторону. Мужчина, казалось, был совершенно ошеломлен, что, впрочем, было весьма частым побочным эффектом при общении с Зоей из-за ее красоты в сочетании с окружающей ее убийственной аурой. Возможно, для Мирова существовала-таки пара вещей, более значимых, чем статус.

Но Зоя не собиралась использовать это преимущество в беседе с Мировым. Она просто пыталась сбежать. Она не хотела столкновения с той сулийкой, а это совсем не в духе его генерала. По крайней мере, не было до этого момента. С тех пор, как она потеряла Юриса, со времени их сражения в Каньоне, Зоя изменилась. Казалось, он смотрит на нее издали, словно она отгородилась от всех и вся. И все же она оставалась так же остра на язык, и броня высокомерия прочно прикрывала ее – женщину, легко идущую точно к цели и не тратящую время на милосердие.

Он снова обратил свое внимание на сулийцев.

– Ради вашей безопасности было бы лучше, если бы вы

двинулись в дорогу сегодня же вечером.

Их предводитель ощетинился.

– Что бы это ни был за ужас, это не наших рук дело.

– Я знаю, но стоит настать ночи, и горячих голов может стать больше, чем думающих.

– Так вот как выглядит защита короля Равки? Всего лишь приказ скрыться в тенях?

– Это не приказ, это предложение. Я, конечно, могу выставить вооруженных стражников, которые будут охранять ваш лагерь, но сомневаюсь, что вас обрадует их присутствие.

– И будешь прав.

Николаю не хотелось бросать этих людей без пристанища.

– Если хотите, я могу отправить просьбу графине Грециной, чтобы она пустила вас на свои поля.

– И она согласится пустить сулийцев на свои земли?

– Согласится или не получит ни одной новой молотилки, которые мы отправляем большим хозяйствам.

– Этот король использует не только оружие, но и шантаж.

– Этот король правит людьми, а не ангелами. Иногда требуется средство посильнее молитвы.

Сулиец одобрительно хохотнул.

– Тут мы спорить не станем.

– Скажите, – обратился Николай к женщине, стоящей рядом с сулийским предводителем, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. – Вы что-то сообщили генералу Назяленской.

– *Назяленской,* – повторила та со смехом.

Николай вздернул бровь.

– Да. Что вы ей сказали?

– *Yej menina enu jebra zheji, yepa* Korol Rezni.

Сулиец рассмеялся.

– Она говорит, что ее слова были для генерала, а не для тебя, Король…

– Эту часть я понял прекрасно, – перебил Николай.

Korol Rezni. Король шрамов. Из множества прозвищ, что когда-либо ему давали, это определенно было не худшим, но при этих словах внутри него беспокойно ворочался демон. *Полегче, мы вроде как достигли понимания, ты и я.* Хотя демон не был особо последователен.

В течение следующего часа Николай с Тамарой опрашивали сулийцев, которые согласились описать им тлен, а затем присоединились к Зое и Толе.

– Ну и? – спросил он, стоило им только подняться на холм.

– То же, что и под Балакиревом, – ответил Толя. – Пятно темноты, расплывающееся по местности, словно раньше времени опустившаяся ночь. Все, чего касается тьма, превращается в тлен: животные, имущество, даже люди растворяются, как дым, не оставляя ничего, кроме бесплодной пустоши.

– Всего день назад здесь проходили пилигримы, – добавила Зоя. – Последователи Беззвездного святого. Они утверждают, что это наказание за правление неверующего короля.

– Вздор. Я очень даже верую, – возразил Николай.

Толя вздернул бровь.

– Во что?

– В хороших инженеров и выдержанный виски. Миров со своими приятелями встретили пилигримов хлебом-солью и с удовольствием выслушали их изменнические речи?

– Нет, – ответила Зоя с ноткой удовлетворения в голосе. – Большинство из них помнят и войну, и разрушение Дарклингом Новокрибирска. Они прогнали этих фанатиков из города.

– Похоже, в Ярености действительно любят собираться толпой. Что эта женщина тебе сказала?

– Без понятия, – сказала Зоя. – Я не говорю по-сулийски.

Тамара уставилась на нее.

– А по виду казалось, что *ты* ее поняла. Было похоже, что ты изо всех сил пыталась скрыться с ее глаз.

Так, значит, не только Николай это заметил.

– Не неси чушь, – огрызнулась Зоя. – Мне дело нужно было сделать.

Толя кивнул Николаю.

– Сулийцы от тебя не в восторге, да?

– Я не уверен, что у них есть поводы для восторга, – сказал Николай. – Они не должны жить в страхе на нашей земле. Я недостаточно времени уделял тому, чтобы обеспечить их безопасность.

Еще один пункт в его список провалов. С тех пор как

занял трон, он успел столкнуться с множеством врагов – с Дарклингом, фьерданцами, шуханцами, *юрда-паремом,* проклятым демоном, живущим внутри него.

– Мы все живем в страхе, – с этими словами Зоя послала лошадь в галоп.

– Полагаю, это ее способ сменить тему, – заметил Толя.

Они последовали за ней и как только добрались до вершины холма, Тамара обернулась и окинула взглядом рану, нанесенную полям пятном тлена. – Беззвездные правы только в одном. Это как-то связано с Дарклингом.

– Боюсь, что так, – согласился Николай. – Мы все видели пески Каньона. Серые и безжизненные. Такие же, как и земля после гнили. Я думал, что стоит Теневому Каньону исчезнуть и тьме рассеяться, как земля, которую он занимал, исцелится сама собой.

– Но там так ничего и не растет, – сказал Толя. – Это проклятая земля.

На этот раз Николаю не удалось отмахнуться от его слов, как от обычного суеверия. Долина Тулы когда-то была одной из самых плодородных частей Равки, той, где Санкт-Феликс, вероятно, выращивал свои сады – или терновый лес, – зависит от того, в какую историю верить. А еще именно там была проведена первая *обисбайя*, ритуал, призванный отделить зверя от человека. Но Дарклинг запятнал это место. Его попытка создать собственные усилители и использование им *мерзости* для этих целей исказило его силу, превра-

тив прежде святую землю во владения тьмы, полные чудовищ. Иногда Николай задумывался, удастся ли им хоть когда-нибудь избавиться от этого наследства.

Нет, если ты не признаешь, что ты – часть его. Пришло время признать неприятную правду об истинной природе этой заразы.

– Другого объяснения нет, – сказал он. – Каньон расширяется. И мы стали тому причиной.

– Вы не можете этого утверждать… – начала Тамара.

– Можем, – возразила Зоя. В ее голосе был лед.

Николай вспомнил землетрясения, волной прошедшие по Равке и за ее пределами, когда границы Каньона были стерты. Елизавета была повержена. Трое святых, гриши неизмеримой силы, пали жестокой смертью. Попытка Николая выдержать *обисбайю* и избавиться от своего демона провалилась. Сила Дарклинга по-прежнему жила в нем, а теперь и он сам снова ходил по земле. Конечно, такое не могло обойтись без последствий.

– Мы возьмем пробы почвы, – продолжил он. – Хоть и так знаем, что здесь происходит.

– Хорошо. Виноваты вы, – сказала Тамара. – Но как нам теперь это остановить?

– Убить Дарклинга, – предложила Зоя.

Толя закатил глаза.

– У тебя это ответ на все вопросы.

Зоя пожала плечами.

– Как мы узнаем, если не попробуем?

– А как насчет демона, запертого в теле нашего короля? – спросила Тамара.

Зоя нахмурилась.

– Детали.

– Мы можем попробовать провести обисбайю еще раз, – предложил Толя. – Я обнаружил новый текст, в котором…

– Предыдущий обряд его практически убил, – отрезала Зоя.

– Детали, – возразил Николай. – Мы должны это обдумать.

– После свадьбы, – вставила Зоя.

– Хорошо, – согласился Николай, пытаясь изобразить хоть тень энтузиазма. – После свадьбы.

Не отрывая взгляда от горизонта, Зоя спросила:

– Пожалуйста, скажи, что ты добился прогресса с принцессой Эри.

– Прихожу к выводу, что охмурить принцессу сложнее, чем еще раз вогнать терновый шип в сердце.

– И определенно требует большей ловкости, – заметила Зоя. – Чего у тебя в избытке.

– Не скажу, что это прозвучало как комплимент.

– Это им и не было. У тебя больше обаяния, чем здравого смысла. Но хоть ты иногда весьма раздражаешь, твой шарм может быть весьма неплохим подспорьем в тонких вопросах дипломатии.

– Сказать по правде, у меня почти не было возможности

поговорить с ней.

Он собирался пригласить ее на празднование дня своих именин, но почему-то никак не мог выбрать подходящий момент. Николай понимал, что ему нужно поговорить с ней. Он *должен*, если планирует с успехом воплотить в жизнь свои планы на будущее. Но избегал общения с принцессой с той самой ужасной ночи, когда умер Исаак, а та, которую все считали Эри, оказалась убийцей. С тех самых пор настоящую принцессу Эри держали в полной изоляции, в роскошных покоях, которые, тем не менее, не переставали быть тюрьмой. Ее личный отряд Тавгарадов держали в самой комфортной части подземелий, под старыми конюшнями, а убийца – девушка, всадившая нож в сердце Исаака, полагая, что это сердце короля, – была под замком и все еще не оправилась от полученных ран. А что насчет другого пленника Николая? Что ж, тому досталась уникальная тюремная камера.

– Эри смягчается, – продолжил Николай. – Но она упряма.

– Хорошая черта для королевы, – сказала Зоя.

– Ты так считаешь?

Николай посмотрел на Зою. Не мог не посмотреть. Ее ответный взгляд был таким быстрым, что, возможно, ему просто показалось, – вспышка синего, словно небо, мелькнула средь ветвей. Что этот взгляд значил? Что-то. Ничего. У него было больше шансов предсказать свою судьбу по облакам.

Удерживая поводья одной рукой, другой Зоя поправляла перчатки.

– Меньше чем через месяц прибудет королева Макхи, уверенная, что попадет на грандиозный праздник. Без поддержки предполагаемой невесты ты рискуешь оказаться в центре международного скандала.

– Это Николая может ждать в любом случае, – сказала Тамара.

– Да, но если свадьбы не будет, то Николаю больше не придется беспокоиться ни о фьерданцах, ни о шуханцах или Каньоне.

– Не придется?

– Нет, потому что Женя сама тебя убьет, с особой жестокостью. Ты хоть представляешь себе, сколько сил она потратила на организацию этого грандиозного мероприятия?

Николай вздохнул.

– Оно состоится. Мне уже и новый костюм сшили.

– Костюм, – передразнила Зоя, возведя глаза к небу. – Ты будешь шикарно одет на собственных похоронах. Поговори с Эри. *Очаруй* ее.

Она была права, и от этого ему было еще досаднее. Поэтому он обрадовался, заметив всадника, приближающегося к ним, даже несмотря на то, что мрачное лицо гонца заставило сердце Николая пуститься вскачь. Таким галопом с хорошими новостями не скачут.

– В чем дело? – спросил Николай, едва гонец приблизился.

– Из Ос Альты прибыл флайер, ваше величество, – выпа-

лил тот на одном дыхании. – У нас сообщение от Термита.

И передал Николаю запечатанный конверт.

Он заметил, как Зоя наклонилась вперед в седле, и понял, что она готова вырвать бумагу прямо у него из рук. Кодовое имя Нины Зеник было Термит.

Николай пробежал глазами письмо. Он надеялся, что у них будет больше времени. Но Нина, по крайней мере, дала им возможность подготовиться к битве.

– Нам нужно возвращаться в лагерь. Скачи вперед и передай, чтобы приготовили два флайера, – велел Николай гонцу, который тут же исчез в облаке пыли.

– Время вышло, да? – спросила Зоя.

– Фьерда объявила войну. Тамара, тебе нужно доставить сообщение Давиду и нашим фабрикаторам, а я отправлю флайер нашим связным на западе.

– Снаряды еще не готовы к использованию, – заметила Тамара.

– Не готовы, – согласился Николай. – Но фьерданцы ждать не станут. – Он повернулся к Зое. – Хайрем Шенк в Ос Керво. Ты знаешь, что делать. У нас лишь один шанс провернуть все правильно.

– Мы готовы? – спросил Толя.

– Вряд ли, – сказала Тамара. – Но мы все равно устроим им ад.

При этих словах демон внутри Николая проснулся. Война напоминала пламя – внезапное, всепоглощающее, которому

проще не дать разгореться, чем потом тушить. И он собирался сделать для этого все возможное. Его обуревал страх и за страну, и за самого себя. Он был бы дураком, если бы не боялся. Но какая-то часть его – может быть, бывший рядовой, может быть, внутренний демон, а может, и принц, пробивший себе путь на трон, – жаждала схватки.

– Считайте, что это своего рода вечеринка, – сказал он, щелкая поводьями. – Как только гости нагрянут, сразу станет понятно, кто из них настоящий друг.

4. Нина

Нина проснулась от того, что у ее кровати стояла Ханна и трясла ее за руку. Сердце в груди бешено билось, а простыни, судя по ощущениям, насквозь промокли от пота. Разговаривала ли она во сне? Ей снились льды и волк Матиаса. Трассел ел с ее руки, но стоило приглядеться, она заметила, что белая морда волка испачкана кровью, а сам он пожирает мертвое тело.

– Кто-то пришел, – сказала Ханна. – Кто-то из монастыря.

Нина села, чувствуя, как ночная прохлада остужает покрытую потом кожу. Она тут же проснулась, и теперь бешеный стук ее сердца не имел ничего общего со сновидениями об окровавленных мордах. Ханна была послушницей в Гефвалле, где они с Ниной раскрыли чудовищную схему Брума, в которой были задействованы монахини и расположенная неподалеку военная крепость. Они положили этому ужасу конец и освободили всех гришей, которых только смогли, а Нина к тому же без капли жалости приговорила мать-хранительницу к ужасной смерти.

– Кто же? – шепнула она, натягивая шерстяное платье с закрытым воротником и тщательно его застегивая. Затем сунула ноги в тапочки. По крайней мере, Белый остров мог похвастаться полами с подогревом.

– Я не знаю. Мама послала за нами обеими.

– Милостивый Джель, надень платье. Разве тебе не холодно?

На Ханне не было ничего, кроме хлопковой ночной рубашки. Свет масляной лампы, которую она держала в руках, золотил рыжеватый ежик волос на ее стриженой голове.

– Я слишком боюсь, чтобы мерзнуть, – ответила Ханна, пока они поспешно проходили по гардеробной, соединявшей небольшую спальню Нины с покоями Ханны.

Крепость в Гефвалле была разрушена в результате взрыва, устроенного командой Нины, и в последовавшем за этим хаосе им с Ханной удалось сделать вид, что они совершенно непричастны ко всей этой заварушке. Ярл Брум даже не догадывался о том, кем Нина была на самом деле, как и о том, что именно она стала причиной уничтожения его лаборатории и сворачивания пыточной программы. Он принял Милу Яндерсдат в своем доме, полагая, и не без оснований, что она помогла его дочери спасти ему жизнь. Конечно, он и понятия не имел о том, что, будь ее воля, Нина бы раз и навсегда положила конец его существованию.

Все это время Нина с Ханной были уверены, что это сошло им с рук. Но может быть, и нет. Возможно, когда все улеглось, кто-то из монастыря смог догадаться о том, что они устроили. Возможно, монахини обнаружили форму *дрюскеля*, когда-то похищенную Ханной. Возможно, кто-то видел, как Ханна и Нина вытаскивали бессознательное тело Ярла Брума из фургона.

– Вот, – сказала Нина, протягивая Ханне халат, чтобы та накинула его на плечи. Согласно фьерданской моде, он был сшит из тускло-серой шерстяной ткани, но подбит роскошным мехом, как все, что могло намекать на роскошь или комфорт, должно быть скрыто.

– Что будем делать? – спросила Ханна. Она дрожала.

Нина развернула ее к себе и туго затянула пояс халата.

– Позволим говорить гостям.

– Не нужно изображать мою горничную, – пробурчала Ханна. – По крайней мере, когда мы одни.

– Я не против. – Глаза Ханны в свете лампы казались озерами расплавленной меди. Нина постаралась сосредоточиться на том, чтобы завязать пояс аккуратным бантом. – Мы будем изображать невинность и добродетель, вызнаем все, что им известно, будем отрицать все обвинения. Если дело дойдет до крайности, я – безжалостная шпионка, обманом заманившая тебя в свои сети.

– Тебе пора прекратить читать романы.

– А может, лучше тебе начать читать их почаще. У тебя руки ледяные.

– Я вся как лед.

– Это от страха. – Нина взяла руки Ханны в свои ладони, растирая их, чтобы согреть. – Используй свою силу, чтобы слегка замедлить пульс и успокоить дыхание.

– Ханна? – окликнула Ильва из прихожей.

– Идем, мама! Только оденемся! – Она понизила голос. –

Нина, я сама сделала свой выбор. Я не позволю тебе взять всю вину на себя, чтобы прикрыть меня.

– А я не позволю тебе пострадать из-за того, что ты оказалась втянута в мой обман.

– Ну почему тебе нужно быть такой упрямой?

Потому, что Нина бывала безрассудной и неосторожной, из-за чего иногда страдали невинные люди. А Ханна за свою жизнь и так достаточно настрадалась.

– Давай не будем такими пессимистками, – сказала Нина, игнорируя вопрос. – Может быть, монахини просто передали нам памятный подарок.

– Конечно, – подыграла Ханна. – Как же я об этом не подумала. Надеюсь, это пони.

Дорога по узкому коридору напоминала путь на виселицу. Нина тщательно поправила шпильку в волосах. Во Фьерде незамужние женщины не могли появляться на публике с волосами, не убранными в косы. От всей этой благопристойности у Нины начиналась головная боль. Но именно роль благочестивой Милы Яндерсдат позволила ей оказаться в самом сердце Ледового Двора, в идеальном месте для постановки ее маленьких представлений с чудесами.

Ханна после их выступления на рынке уже не выглядела столь убежденной.

– Стоит ли оно того? – спросила она у Нины тем же вечером, стоило им оказаться в уединении их покоев. – Всех тех горожан ждут неприятные последствия. Мой отец не вы-

носит подобной ереси. Он начнет принимать более жесткие меры, а пострадают от них невинные люди.

– Невинные люди уже вовсю платят, – напомнила ей Нина. – Просто это не фьерданцы.

– Осторожнее, Нина, – сказала тогда Ханна, поудобнее устраиваясь под одеялом. – Не превратись в ту, кем тебя считает мой отец.

Нина знала, что Ханна права. Зоя тоже всегда ругала ее за безрассудство. Но проблема была в том, что Нина видела – то, что они делают, работает. Да, вокруг по-прежнему была масса фанатиков вроде Брума, которые всегда будут ненавидеть гришей, а еще масса тех, кто готов их поддерживать. Но культ Солнечной святой нашел первых последователей много лет назад, когда Алина Старкова решилась уничтожить Теневой Каньон и погибла мученической смертью в итоге. Оспорить истинность этого чуда было не под силу даже Бруму. А ведь были еще и те чудеса, которые стали происходить в разных частях Равки в последний год: плачущие статуи, выстроенные из костей мосты. По обе стороны границы ходили слухи, что грядет время Святых. Подобные настроения давно витали в воздухе, и Нине всего лишь нужно было слегка направить их в нужное русло.

Кроме того, если бы ее сейчас не было в Ледовом Дворе, то Равка не получила бы предупреждения о готовящемся вторжении фьерданцев.

Но какой ценой?

Она подозревала, что скоро узнает.

Главная комната их апартаментов в Ледовом Дворе производила грандиозное впечатление: высокие беломраморные стены, сводчатый потолок и огромный каменный очаг, искусно украшенный резьбой в виде переплетающихся ветвей священного ясеня Джеля. Все это было свидетельством высокого статуса коммандера Ярла Брума – того, который ему с таким трудом приходилось восстанавливать теперь, после вторжения чужаков в Ледовый Двор и унижения, которому его подвергла одна из гришей в доках.

В данный момент Брум предстал перед ними в мундире и с шинелью, перекинутой через руку. Он готовился отправиться на фронт. На его лице застыла бесстрастная маска. Мать Ханны выглядела слегка встревоженной, что, впрочем, было для нее характерно. В очаге потрескивал огонь.

Женщина средних лет с темно-каштановыми волосами, убранными в замысловатые косы, сидела, выпрямив спину, в одном из обитых кремовым бархатом кресел, стоящих у огня, и держала в руках чашку чая. И это оказалась не просто одна из сестер монастыря. На ней была темно-синяя мантия и пелерина, предназначенная для матери-хранительницы, самой главной монахини в монастыре. Ее лицо не показалось Нине знакомым, и Ханна, судя по краткому обмену взглядами, ее тоже не узнала. А ведь Ханна прожила в монастыре несколько лет. Но эта женщина определенно не могла быть и недавно поступившей послушницей. Так кем же она

была и зачем появилась в Ледовом Дворе?

Нина и Ханна склонились в глубоких реверансах.

Брум указал рукой на женщину.

– Энке Бергстрин приняла на себя управление монастырем в Гефвалле после трагического исчезновения предыдущей хранительницы.

– Разве ее до сих пор не нашли? – спросила Нина голосом столь же невинным, как лепет младенца.

Было бы неплохо вынудить Брума занять оборонительную позицию, если он начнет задаваться вопросами, что произошло тогда в монастыре. А еще ей нравилось наблюдать, как он нервничает.

Брум переступил с ноги на ногу, метнув короткий взгляд на жену.

– Полагают, что она могла оказаться в крепости, когда прогремел взрыв. Монастырь брал в стирку одежду солдат.

На самом деле это было не более чем прикрытием их настоящей работы – присмотра за беременными гришами, которых пичкали *юрда-паремом* по приказу Брума.

– Но с чего бы матери-хранительнице отправляться туда лично? – настаивала Нина. – Почему бы просто не послать одну из послушниц или монахинь?

Брум стряхнул воображаемую пылинку со своей шинели.

– Справедливый вопрос. Возможно, у нее было какое-то другое дело или она просто решила проверить работу сестер.

А возможно, ее утащили в ад мои потусторонние помощ-

ницы. Кто теперь может сказать?

– Какая вы любознательная девушка, – заметила новая мать-хранительница.

Ее серо-голубые глаза блеснули под нахмуренными бровями, а губы сурово сжались. Неужели все хранительницы прямо из утробы матери появляются с таким кислым лицом? Или это раздраженное выражение приклеивается к лицу только после того, как они занимают этот пост?

– Простите меня, – потупилась Нина, присев в сдержанном реверансе. – Я не воспитывалась в монастыре, и, боюсь, по моим манерам это видно сразу.

– Ты не сделала ничего плохого, Мила, – сказала Ильва. – Нам всем любопытно.

– Что бы там ни произошло с прежней хранительницей, – быстро вставил Брум, – теперь энке Бергстрин заняла ее место и пытается навести порядок в монастыре после трагических событий в Гефвалле.

– Но зачем она здесь, пап? – спросила Ханна.

– Я не знаю, – резко ответил Брум. – Хранительница отказалась обсуждать цель своего визита в ваше отсутствие.

Хранительница отставила свою чашку в сторону.

– Вследствие разрушения крепости и усиления еретических настроений в Гефвалле монастырю пришлось ужесточить правила для своих послушниц и сильнее ограничить их свободу.

Еретических настроений. Нина просмаковала эти слова.

Гефвалле стал первым шагом, первым устроенным ей чудом, когда Леони и Адрик спасли деревню от яда, хлынувшего в реку с завода. Вся затея была крайне безответственной, абсолютно необдуманной – но все сработало как часы. Она изучала науку обмана под руководством самого Каза Бреккера, и не существовало лучшего учителя. Двое гришей – фабрикатор и эфиреал – спасли жителей деревни. Чудо? Нет, просто хорошие люди, умеющие использовать свои способности, готовые подвергнуть себя гонениям, если не хуже, но все же спасти людей. Двое людей, которым теперь поклонялись как святым и ставили свечи в темных уголках, тайком, по всему Гефвалле. Санкт-Адрик Калека и Санкта-Леони Водная.

– Но какое отношение все это имеет к нашей дочери? – потребовал ответа Брум.

– В ходе осмотра монастыря мы нашли множество запрещенных вещей, включая рисованные иконы и языческие молитвенники.

– Они просто молоды, – вставила Ильва. – Я тоже бунтовала, когда была в их возрасте. Но именно благодаря этому я и стала женой *дрюскеля*.

Нина ощутила резкий болезненный укол, заметив, какими теплыми взглядами обменялись Брум и его жена. Ильва была из хедьютов, которых на севере считали богоподобными, живущих на затерянных берегах неподалеку от Кенст Хьерте, Разбитого Сердца. Неужели в юности она была похожа

на Ханну – такая же неукротимая? Полная любви к земным просторам и вольному небу? Казался ли ей Ярл Брум, юный солдат из самой столицы, загадочным и чужим? Нина полагала, что Брум всегда был чудовищем, но, возможно, он превратился в монстра со временем.

– Мы не можем так рассуждать, – возразил Брум. – Эти веяния должны быть искоренены до того, как укрепятся, или вся Фьерда может сойти с пути истинного.

Хранительница кивнула.

– Не могу не согласиться, коммандер Брум. Потому-то я и здесь.

Ильва села прямее, и лицо ее застыло.

– Вы хотите сказать, что все эти вещи были найдены в комнате Ханны?

– Мы нашли мужской мундир, спрятанный в щели под крышей часовни. А еще четки и икону Санкты-Васильки.

Санкта-Василька. Покровительница незамужних женщин. Она была равкианской святой, которая, говорят, стала первой жар-птицей.

– Этого не может быть, – заявил Брум, встав перед Ханной, словно в попытке защитить ее. – У Ханны бывали трудности с послушанием. Но она бы никогда не стала поклоняться этой языческой мерзости.

– Никогда, – горячо шепнула Ханна, и никто бы не усомнился в искренности ее слов в этот момент.

Нина старалась не улыбаться. Ханна никогда бы не ста-

ла поклоняться гришам, потому что, черт возьми, сама была одной из них, целительницей, вынужденной скрывать свои силы, но по-прежнему находящей способы использовать их для помощи людям.

Хранительница поджала губы.

– Значит, вероятно, вы полагаете, что я проделала весь этот путь, чтобы попотчевать вас сказками.

В комнате повисло молчание, нарушаемое лишь треском огня в очаге. Нина ощущала страх, волнами расходящийся от Ильвы, злость, идущую со стороны Брума, – и неуверенность, захлестывающую их обоих. Они знали, что в прошлом Ханна не отличалась послушанием. Но насколько далеко она зашла? Нина и сама не знала.

Ханна сделала глубокий вдох.

– Костюм для верховой езды был моим.

Проклятье, Ханна. Что тебе Нина говорила? Отрицай все.

– О, Ханна, – воскликнула Ильва, прижимая пальцы к вискам.

Лицо Брума залило краской.

Но Ханна шагнула вперед, подняв подбородок, излучая гордость и непреклонность, унаследованную ею от отца.

– Я не стыжусь этого. – Голос ее звучал уверенно и чисто. Ее взгляд встретился с Нининым и тут же метнулся прочь. – Тогда я не знала, кто я, чего я хочу. Теперь я знаю, где мое место. Здесь, рядом с вами.

Ильва поднялась и взяла Ханну за руку.

– А иконы? Четки?

– О них мне ничего не известно, – без заминки ответила Ханна.

– Их нашли вместе с костюмом Ханны? – спросила Нина, воспользовавшись моментом.

– Нет, – признала хранительница. – Не вместе.

Ильва притянула Ханну поближе к себе.

– Я горжусь твоей честностью.

– Матушка, – заговорил Брум, и в его голосе отчетливо звякнули льдинки, – вы, конечно же, слышите слова Джеля, но ведь и *дрюскели тоже.* Подумайте хорошенько, прежде чем еще раз прийти в мой дом, чтобы обвинять мою дочь.

Хранительница поднялась. На лице ее застыла решимость, которую ничуть не поколебали слова Брума.

– Я стою на страже духовного благополучия страны, – сказала она. – Апрат, языческий священник, находится под этой крышей. До меня доходят слухи о языческих обрядах, проводящихся в этом городе. Я не позволю сдвинуть себя с праведного пути. И все же, – добавила она, расправляя складки своей шерстяной мантии, – я рада, что Ханна наконец нашла свой путь. Я исповедую ее, прежде чем отправлюсь обратно.

Ханна присела в реверансе, со склоненной головой, являя собой идеальную картину послушания и смирения.

– Да, матушка.

– И Милу Яндерсдат исповедую тоже.

Нина не смогла скрыть своего удивления.

– Но я была лишь гостьей в монастыре. Я никогда не была послушницей.

– Значит ли это, что у тебя нет души, Мила Яндерсдат?

Да уж души у меня побольше, чем у тебя, Черносливина. Но возражать дальше Нина не посмела, не в присутствии Брумов. Кроме того, ей хотелось петь от облегчения. Их не раскрыли. И пусть обвинение Ханны в язычестве могло стать немаленькой проблемой, но она не шла ни в какое сравнение с тем, о чем могла бы завести разговор мать-хранительница. Поэтому, раз уж мадам Черносливина желает заполучить в свою коллекцию пару новых грешков, Нина с радостью потратит четверть часа, чтобы развлечь ее.

– Я пойду первой, – сказала она Ханне и бодро направилась вслед за хранительницей в маленькую приемную, которая временно превратилась в исповедальню.

Комнатка была узкой, и помещались в ней лишь письменный стол и небольшой диванчик. Хранительница уселась за стол и зажгла масляную лампу.

– Вода слышит и понимает, – пробормотала она.

– Лед не прощает, – произнесла Нина традиционный ответ.

– Закрой дверь.

Нина сделала, как ей велели, и тепло улыбнулась, демонстрируя готовность угождать.

Хранительница повернулась, и в глазах ее блеснула сталь.

– Здравствуй, Нина.

5. Зоя

В высокой башне ратуши Ос Керво Зоя мерила шагами плиточный пол. Хайрем Шенк опаздывал, и она не сомневалась, что это оскорбление было намеренным. Как только керчийское правительство получило секреты *моросеев*, смертоносных кораблей Николая, способных незамеченными плавать под водой, Равка потеряла все рычаги давления на маленькую островную страну и Торговый совет, стоящий во главе. Шенк просто хотел убедиться, что она это понимает.

Ей нужно было сохранять спокойствие, быть дипломатом, а не воином. Или так, или придется снести патлатую рыжую голову Шенка с плеч.

Из окна открывался вид на волны, неспешно бьющиеся об основание знаменитого городского маяка. Говорили, что Санкт-Владимир Блаженный сдерживал океанские волны, пока закладывались камни в основу волнореза и громадного маяка. Зоя подозревала, что он был просто весьма сильным проливным. *«Не особо сильным»,* – решила она. За все труды его впоследствии утопили в этой самой бухте.

Ее место не здесь. Ее место на фронте, на поле битвы, вместе с ее шквальными. С ее королем.

– Мы не можем допустить, чтобы фьерданцы узнали, что мы замышляем, – объяснял Николай. – Тебе необходимо встретиться с Шенком.

– А если фьерданцы нападут с моря?

– Они не смогут пробить блокаду Штурмхонда.

Он казался абсолютно уверенным, но в этом был его талант – всегда казаться уверенным в своих словах. Штурмхонд, легендарный корсар – и второе «я» короля Равки – послал свой флот, чтобы охранять равкианское побережье. В теории, король и Триумвират должны были возложить эту обязанность на равкианский флот. Но флот был слишком тесно связан с Западной Равкой и их интересами, чтобы Николай мог спокойно на него положиться. Сейчас, когда ставки были так высоки, доверять им было нельзя.

По крайней мере, сообщение Нины дало им время на подготовку. По крайней мере, оно означало, что Нина все еще жива.

– Прикажи ей вернуться, – настаивала Зоя, изо всех сил стараясь скрыть умоляющие нотки в голосе.

Но король отказал ей.

– Она нужна нам там.

Он был прав, и ее это бесило.

«Пусть фьерданцы нападут с моря, – думала Зоя, *– пусть Ярл Брум и его проклятые охотники на ведьм приплывут к нам по волнам. Мы с моими шквальными окажем им самый теплый прием».*

Она прислонилась лбом к прохладному камню оконной ниши. Какая-то часть ее была рада уехать от короля. Сбежать от понимающего взгляда Тамары. В голове все еще звучали

слова сулийки, бесстрашно стоящей перед ней под раскидистым кедром. *Khaj pa ve. Мы видим тебя.* Зоя была воином, генералом, гришом с браслетами из чешуи дракона на запястьях. Так почему какие-то слова наполнили ее всепоглощающим страхом?

Она взглянула на часы, висящие на драгоценной цепочке, пристегнутой к поясу ее *кафтана.* Они были подарком от короля, и серебряная крышка была сделана в форме дракона, свернувшегося вокруг цветка айвы. Когда она откинула крышку, перламутровый циферблат вспыхнул тысячей радуг, отражая свет. Серебряные стрелки спешили вперед.

– Он опаздывает, – процедила она.

– Может быть, он заблудился, – нервно предположил князь Крыгин. Он всегда нервничал в ее присутствии. Это утомляло. Но он был очень богат, а его неистребимо жизнерадостное настроение делало его идеальным посредником. В присутствии Крыгина невозможно было ни к чему относиться слишком серьезно. Кроме того, его отец неплохо нажился именно на войне, из-за чего считался злодеем в большей части страны, но был весьма уважаем среди знати Западной Равки, поскольку многим из них старший Крыгин помог разбогатеть. – Судя по моим часам, у него есть еще две минуты до того, как его можно будет считать опоздавшим.

– У нашего короля на счету каждая минута.

Лицо Крыгина вспыхнуло. Он побарабанил пальцами по столу.

– Да. Да, конечно.

Зоя снова повернулась к окну.

Она *ощутила* его стыд, его рвение, его жажду. Они налетели внезапно, как ураган, порыв ветра, оторвавший ее от земли и отправивший в свободное падение. Вот она твердо стоит на ногах в залитой солнцем комнате в Ос Керво и смотрит на море. А вот уже глаз не может оторвать от прекрасной девушки, стоящей перед ней, с черными как смоль волосами и отстраненным взглядом чудесных синих глаз. Вот она потянулась к гладкой щеке девушки.

– Зоя?

Зоя рывком вернулась в сознание, как раз вовремя, чтобы успеть шлепнуть Крыгина по руке.

– Я не разрешала вам прикасаться ко мне.

– Прошу прощения, – сказал он, баюкая руку, словно Зоя сломала ему палец. – Вы просто казались такой… потерянной.

А она и была потерянной. Ее взгляд скользнул по блестящим черным оковам, обхватившим запястья. На вид они казались неудобными, но на деле ощущались как нечто естественное, словно были предназначены прохладной лентой обвивать ее кожу. *Сила.* Жажда ее сравнима с сердцебиением, столь же постоянная и неотступная. Это было искушением для всех гришей, и с приобретением усилителя все становилось только хуже. *Открой дверь, Зоя.*

Она никогда не могла с уверенностью сказать, чей голос

звучал теперь в голове – ее собственный или Юриса. Но точно знала, что он живет в ней по-настоящему. Ни один плод воображения не мог бы быть столь раздражающим. Иногда за Юрисом она улавливала присутствие еще одного разума, не человеческого, никогда человеческим не являвшегося, чего-то древнего, – а затем мир приходил в движение. Она слышала слуг, сплетничающих на кухне, чувствовала запах цветущих яблонь в садах Велинки – почти в пятидесяти милях от нее. И все это было еще терпимо, но вот эмоции, внезапное погружение в чужую боль или радость… Это было слишком.

«А может быть, ты просто сходишь с ума», – предположила она. Такая вероятность существовала. После того, что она увидела в Каньоне, после того, что она сделала – убила святую, помешанную на разрушении, вогнала клинок в сердце дракона, в сердце друга. Спасла жизнь Николаю. Спасла Равку от Елизаветы. Но не смогла предотвратить возвращение Дарклинга, ведь так? И теперь не могла перестать думать о том, сможет ли спасти свою страну от войны.

– Я просто задумалась, – сказала Зоя, отряхивая рукава своего синего *кафтана.* – Вот и все.

– А, – выдохнул Крыгин. Но убежденным не выглядел.

– Вы ведь не служили, да?

– Не служил, – подтвердил князь, усаживаясь в конце длинного прямоугольного стола, украшенного резным гербом Западной Равки – двумя орлами по обе стороны от ма-

яка. На нем был яично-желтый пиджак и коралловый жилет, что в сочетании с его бледной кожей и ярко-рыжими волосами делало его похожим на экзотическую птицу, усевшуюся на жердочку. – Отец отослал меня в Новый Зем, едва началась гражданская война. – Он откашлялся. – Зоя… – Она обожгла его яростным взглядом, и он торопливо исправился: – Генерал Назяленская, тешу себя надеждой, что вы не откажетесь побывать в моей усадьбе под Карьевом.

– Мы на войне, Крыгин.

– После войны. Может быть, как-нибудь летом. Мы могли бы посетить скачки.

– А вы уверены, что будет «после»?

Крыгин, казалось, опешил.

– Король – блестящий тактик.

– Но мы уступаем в численности. Если ему не удастся остановить фьерданцев у Нежек, эта война закончится, не успев начаться. А для того, чтобы победить, нам необходима подмога.

– И мы ее получим! – заявил Крыгин. Зоя позавидовала его оптимизму. – Однажды снова наступит мир. И даже во время войны мы могли бы ускользнуть ненадолго. Чтобы спокойно пообедать, побеседовать, узнать друг друга получше. Теперь, когда король собирается жениться…

– Планы короля никоим образом вас не касаются.

– Само собой, но я просто подумал, что теперь вы можете быть свободны…

Зоя обернулась к нему. Она чувствовала, как бежит по венам ток, как ветер шевелит волосы.

– Свободна для чего?

Крыгин поднял руки, словно пытаясь отгородиться от нее.

– Я только хотел сказать…

Она знала, что он хотел сказать. Слухи о ее связи с Николаем ходили уже много месяцев, и она сама их поощряла, чтобы скрыть тайну существования демона, живущего внутри короля, и все попытки удержать этого демона под контролем. Так почему теперь эти слова так ее разозлили?

Она сделала глубокий вдох.

– Крыгин, вы очаровательный, привлекательный, очень… приятный мужчина.

– Я… да? – переспросил он, а затем добавил увереннее: – Да.

– Да, вы такой. Но мы не подходим друг другу характерами.

– Я думаю, если бы только вы…

– Никаких *«только»*. – Она снова глубоко вздохнула и заставила себя следить за своим тоном. Присела к столу. Крыгин был верным другом короля и в последние годы шел на огромный риск, позволяя использовать собственный дом как базу для разработки оружия. И он не был так уж плох. Можно было постараться вести себя *повежливее.* – Думаю, я знаю, как, по-вашему, все должно случиться.

Крыгин покраснел еще сильнее.

– Я очень в этом сомневаюсь.

Зоя подозревала, что в его воображении присутствовали два тела, слившиеся в одно, и, может быть, даже серенада, сыгранная им для нее на флейте, но она решила избавить их обоих от этого конкретного образа.

– Вы пригласите меня на ужин. Мы оба выпьем немало хорошего вина. Вы позволите мне выговориться, рассказать о себе, о тяжести моего положения, о печалях моего прошлого. Возможно, я даже пролью пару слезинок. Вы будете внимательным и чутким слушателем и сможете увидеть настоящую меня. Что-то вроде того?

– Не совсем. Но… да! – Он наклонился вперед. – Я хочу узнать вас настоящую, Зоя.

Она потянулась и коснулась его руки. Та была липкой от пота.

– Князь Крыгин. Эмиль. Нет никакой другой меня. Я не стану вам демонстрировать свою другую сторону. Вам меня не приручить. Я – генерал короля. Я – командующий Второй армии, и прямо сейчас мои солдаты готовятся встретиться с врагом в мое отсутствие.

– Но если бы вы только…

Зоя отбросила его руку и откинулась в кресле. Все, довольно вежливости.

– Война или нет, но если я услышу из ваших уст еще хоть одно слово о любви и взаимопонимании, я вырублю вас прямо последи людной улицы и позволю уличным мальчишкам

обчистить вас вплоть до сапог, ясно?

– Сапог?

Хайрем Шенк влетел в дверь, не утруждая себя стуком. Его лицо сияло, а на лацкане строгого черного купеческого сюртука, кажется, остался кусочек чего-то подозрительно напоминающего омлет. Зоя опешила от его павлиньей горделивости, уверенности, светившейся в каждом жесте.

– Доброе утро, – объявил он, потирая руки. – Видит Гезен, в этой комнате ужасный холод.

– Вы опоздали.

– Правда? Князь Радимов устраивает отличные завтраки. Воистину превосходный хозяин. Вашему королю есть чему у него поучиться.

Радимов и прочая знать Западной Равки развлекали сановников Керчии со стилем. Слухи об отделении ходили с тех самых пор, как Каньон был уничтожен и Равка снова стала единой. Запад и так был недоволен тем, что его нагрузили долгами востока, а угроза войны с Фьердой свела на нет всю дипломатическую работу, проведенную Николаем, чтобы склонить его на свою сторону. Они не желали отправлять своих детей на фронт и не хотели, чтобы их налоги тратили на войну, в которой у короля, по их мнению, практически не было шансов победить.

– Пока вы пируете, равкианские солдаты, возможно, идут навстречу своей смерти.

Шенк похлопал себя по животу, словно успех военных

действий напрямую зависел от его пищеварения.

– Это очень, очень печально.

«Дипломатия, – напомнила она себе. – *Вежливость».* Зоя поймала взгляд Крыгина и жестом попросила его налить вина, превосходного, марочного, прямиком из легендарных винных погребов князя, того самого, которое практически невозможно было достать на родине Шенка.

– Вы ведь не откажетесь выпить с нами по стаканчику, правда? – предложил Крыгин. – Это карьевское вино, выдержанное в глине.

– Неужели?

Глаза Шенка вспыхнули, и он тут же уселся за стол. Керчийский Торговый совет исповедовал умеренность и экономию, но у Шенка явно был вкус к роскоши. Зоя подождала, пока вино будет выпито, с трудом заставив себя смотреть в до неприличия довольное лицо купца.

– Исключительно! – заявил он.

– Не правда ли? – подхватил Крыгин. – У меня припасено несколько бочонков, если вам вдруг захочется заказать себе немного. Придется, правда, приказать одному из слуг доставить его вручную, иначе путешествие его погубит.

Зоя ощутила прилив благодарности к Крыгину за его способность жизнерадостно болтать обо всякой чепухе. Благодаря этому ей удалось собрать все свое красноречие и подавить порыв выбить стакан из рук Шенка. Если Равке нужно, чтобы она была любезной, она, черт побери, такой будет.

– Я слышала разговоры о том, что морское сообщение Нового Зема практически сошло на нет, – заметила она, – доставка грузов нарушена, а корабли лишены эффективных средств защиты.

– Да, просто ужасно. Говорят, их суда разнесли в щепки, от всего флота остались разве что дрейфующие по волнам обломки. Выживших нет. – Шенк изо всех сил старался удержать на лице скорбное выражение, но радость в голосе, словно собака, рвущаяся с поводка, нет-нет да и проскакивала. – Пираты, знаете ли.

– Конечно.

Но эти трагические события не были последствием нападения пиратов. К ним приложила свою руку Керчия, использовавшая равкианские технологии, которые Торговый совет вытребовал в обмен на согласие продлить сроки займа для Равки. Эти технологии позволили им напасть на земенский флот, не боясь быть узнанными или даже просто замеченными, ведь подводным судам не нужно было подниматься над волнами, рискуя самим стать мишенями.

– Экономика земенцев, должно быть, несет сокрушительные потери, – продолжила Зоя. – Полагаю, цены на *юрду* и сахар высоки как никогда.

Шенк нахмурился.

– Нет, пока нет. Земенцы не показывают ни малейших признаков финансовых трудностей, и всякая попытка поднять цены на *юрду* встречает резкое недовольство среди на-

ших заграничных клиентов. Но их капитуляция – лишь вопрос времени.

– Кому? Пиратам?

Шенк в смятении схватился за пуговицу жилета.

– Да. Именно. Пиратам.

– Вы продолжаете продавать *юрду* Фьерде и Шухану, – сказала Зоя. – Хоть и знаете, что *юрду* превратят в *парем* и станут использовать, чтобы пытать и порабощать гришей.

– Ни о чем подобном мы не знаем. Досужие сплетни, красочные выдумки. Керчия всегда придерживалась политики нейтралитета. Мы не можем позволить себе оказаться втянутыми в свары прочих стран. Мы торгуем со всеми, звонкая монета в обмен на хороший товар. Сделка есть сделка.

Зоя поняла, что он говорит сейчас не только о торговле *юрдой*. Он со всей ясностью обозначал позицию своей страны.

– Вы не придете на помощь Равке.

– Боюсь, это невозможно. Но, прошу вас, помните, что наши мысли всегда с вами.

Зоя бросила на него косой взгляд. До определенной степени, подумала она, это было правдой. Керчия не любила войн, потому что из-за них торговые пути становились небезопасными, к тому же из мирных, процветающих стран получались намного лучшие партнеры. Но с другой стороны, керчийцы довольно легко могли получать прибыль и от торговли оружием и военным снаряжением, от продажи стали, по-

роха, свинца и алюминия.

– А вы уверены, что, если Фьерда вторгнется в Равку, шуханцы смогут удержать ее в узде? – спросила Зоя.

У шуханцев была мощная наземная армия, но никто до конца не знал истинной мощи фьерданской военной машины. И Керчия могла оказаться следующей в их списке завоеваний.

Шенк в ответ просто улыбнулся.

– Возможно, зубы у волков изрядно поредеют после длительной схватки с соседями.

– Значит, вы надеетесь, что мы ослабим Фьерду. Однако не желаете помогать нам в этом. У северных берегов стоят на якоре керчийские суда. У нас есть флайер. Самое время отправить сообщение.

– Мы *могли* бы стянуть сюда наши корабли. Если бы Керчия отправила меня, чтобы предложить помощь Равке, мы бы именно так и сделали.

– Но это не так.

– Нет.

– Вас отправили, чтобы я тратила свое драгоценное время, находясь не там, где должна быть.

– Несмотря на то, что я оценил и вино, и вашу очаровательную компанию, боюсь, я не вижу смысла в этой встрече. Вам нечего предложить, мисс…

– Генерал.

– Генерал Назяленская, – продолжил он снисходительно,

как дядюшка, потакающий капризам любимой племянницы. – У нас есть все, что нам нужно.

– Так ли это?

Шенк выгнул бровь в притворном удивлении.

– Что это значит?

Это был последний козырь Зои, последний шанс спасти эту партию.

– У нашего короля дар делать невозможное возможным, а еще изобретать невероятные машины, способные покорять новые горизонты. Он собрал группу из величайших ученых умов как среди гришей, так и среди отказников. Вы уверены, что хотите оказаться на противоположной всему этому стороне?

– Мы не выбираем сторону, мисс Назяленская. Мне кажется, я довольно ясно это объяснил. И мы не заключаем сделки наперед. Возможно, Равка продемонстрирует изобретения, о которых мы пока ничего не знаем, но Фьерда уже сейчас показывает мощь, хорошо известную всему миру.

Зоя посмотрела на него долгим взглядом.

– Вы собирались отдать свою дочь в жены Николаю Ланцову. Вы знаете, что он порядочный человек.

Простые слова, но Зое было слишком хорошо известно, как они редко звучат.

– Дорогая моя, – начал Шенк, допив свое вино и отодвигаясь от стола. – Возможно, у шуханцев стандарты ниже, но я собирался выдать дочь замуж за короля, а не за бастарда.

– Что это значит? – резко спросила Зоя, чувствуя, как ее выдержка дает трещину.

Неужели этот червь в человеческом обличии смеет открыто сомневаться в происхождении Николая? Если это так, значит, их дела идут намного хуже, чем даже она себе представляла.

Но Шенк в ответ лишь хитро улыбнулся.

– Просто разговоры. Слухи.

– Будьте осторожны, чтобы слухи не сочли вашими словами. Это отличный способ лишиться языка.

Шенк округлил глаза.

– Вы угрожаете представителю керчийского правительства?

– Я угрожаю только сплетникам и трусам.

Глаза Шенка округлились еще сильнее. Зоя задумалась, смогут ли они вообще вылезти из глазниц.

– Я опаздываю на встречу, – заявил он, поднимаясь и направляясь к двери. – А вы, полагаю, опаздываете поучаствовать в битве на стороне проигравших.

Зоя вонзила ногти себе в ладони. Она практически услышала, как голос Николая в ее голове просит ее быть осторожнее. Во имя всех святых, как удается ему встречаться с подобными скользкими, мерзкими, самодовольными жабами, не убив ни единую за день?

Но она справилась. Лишь после ухода Шенка она выпустила порыв ветра, расколотившего бутылку отличного ка-

рьевского вина о стену с радующим душу *звоном.*

– Шенк вовсе не собирался предлагать нам помощь, не так ли? – уточнил Крыгин.

– Конечно, нет. Единственной целью Шенка было посильнее унизить нас.

Ее король столкнется с фьерданцами, а помощи от Хайрема Шенка и его клики не будет. Николай знал, что эта попытка ни к чему не приведет, но все равно отправил ее. *«Пойди на это безнадежное дело ради меня, Зоя»*, – попросил он. И она, само собой, согласилась.

– Нужно ли нам послать сообщение королю Николаю? – спросил Крыгин.

– Мы сами его и доставим, – ответила Зоя. Возможно, она еще успеет встретить фьерданские танки и ружья во главе своих солдат. Она решительно поспешила прочь из комнаты. Снаружи уже ждал слуга. – Идите, скажите пилоту, чтобы готовил наш флайер.

– Наш багаж? – напомнил Крыгин, догоняя ее в холле.

– Забудьте о багаже.

Они зашли за угол и стали спускаться по лестнице, затем миновали двор и вышли к докам, где остался их водный флайер. Зоя не была создана для дипломатии, для тесных комнат и вежливой болтовни. Она была создана для битвы. Что же касается Шенка, князя Радимова и всех прочих предателей, посмевших выступать против Равки, с ними можно будет разобраться после того, как Николай найдет способ

выиграть эту войну. *Мы – дракон*, и *наше время грядет*.

– Я… Я никогда еще не поднимался в воздух, – сказал Крыгин, стоило им добраться до доков, где был пришвартован флайер. Возможно, ей следовало оставить его здесь. В бою ему было совсем не место. Но ей не хотелось, чтобы он попал под влияние знати Западной Равки.

– Все будет в порядке. А если нет, просто постарайтесь, чтобы вас рвало за борт, а не на собственные колени. И не на мои.

– Есть ли хоть малейшая надежда? – спросил Крыгин. – У Равки?

Она не ответила. Ей когда-то говорили, что надежда есть всегда, но она уже слишком выросла и поумнела, чтобы продолжать верить в сказки.

Зоя ощутила движение рядом еще до того, как увидела его.

Она обернулась и уловила отблеск света на лезвии ножа. Из тени на нее ринулся незнакомец. Она вскинула руки, и порыв ветра впечатал его спиной в стену. Раздался тошнотворный хруст костей, и нападавший умер, не успев упасть на землю.

Слишком легко. Ловушка…

Крыгин прыгнул вперед, сшибая второго убийцу на землю. Князь взвел курок пистолета.

– Нет! – крикнула Зоя, отправив очередной порыв ветра, чтобы сбить пулю с курса. Она, никого не задев, срикошети-

ла от корпуса близстоящего корабля.

Зоя кинулась к убийце, встав коленями ему на грудь, и сжала кулак, забирая воздух из его легких. Он схватился за горло, лицо покраснело, глаза выкатились и слезились.

Она разжала пальцы, позволяя воздуху снова хлынуть в легкие, и он судорожно вдохнул, словно рыба, сорвавшаяся с крючка.

– Говори, – потребовала она. – Кто тебя послал?

– Новая эра… грядет, – прохрипел он. – Фальшивые святые… будут… повержены.

Он выглядел и говорил, как равкианец. Она снова забрала воздух из его легких, а затем позволила ему потечь в легкие тонкой струйкой.

– Фальшивые святые? – повторил Крыгин, сжимая окровавленную руку.

– Кто тебя послал? – повторила Зоя.

– Твоя сила… противоестественна, и ты будешь… наказана, Санкта-Зоя. – Он выплюнул последние два слова, как ругательство.

Зоя замахнулась и врезала ему в челюсть. Он уронил голову.

– Разве вы не могли придушить его до потери сознания? – спросил Крыгин.

– Ужасно захотелось кого-нибудь стукнуть.

– А. Понятно. Рад, что досталось ему. Но что он хотел сказать этим «Санкта-Зоя»?

– Насколько мне известно, я никогда не творила чудес и не объявляла себя чудотворцем.

Глаза Зои превратились в щелки. Она со всей ясностью поняла, кого следует в этом винить.

– Чтоб тебя, Нина Зеник.

6. Николай

– Спасибо тебе, Нина Зеник, – прошептал Николай, следуя вдоль линий равкианских войск, без единого звука лежащих в укрытиях из грязи и веток. В предрассветной тьме он поднял свой флайер в воздух, взяв на борт Адрика – одного из самых талантливых шквальных Зои, – чтобы тот заглушал шум двигателя. Фьерданцы были уверены, что на их стороне элемент неожиданности, и Николай хотел оставить их в этом заблуждении.

Но ему пришлось задуматься, а нужно ли это их врагу. Со своего наблюдательного пункта в небе он смотрел, как цепочка танков катится к границам Равки в сером рассветном мареве. Наверное, ему следовало бы помолиться, но он не особо полагался на религию – ведь у него была наука и пара отлично сделанных револьверов. Однако прямо сейчас он надеялся, что любой равкианский святой, каэльский дух или другое всемогущее божество посмотрит вниз и проникнется сочувствием к его стране, потому что в данных обстоятельствах ему сгодилась бы совершенно любая поддержка.

– По крайней мере, больше одной руки я не потеряю, – мрачно заметил Адрик. Несмотря на весь его талант гриша, это был один из самых депрессивных людей, которых когда-либо встречал Николай. У него были волосы песочного цвета и мальчишеское веснушчатое лицо, но сам он яв-

лялся эквивалентом занудного насморка в человеческом обличии. Николай понятия не имел, что такого в нем нашла Леони. Эта девушка была воплощением жизнерадостности и чертовски хорошим фабрикатором к тому же.

– Веселей, Адрик, – подбодрил Николай с кубрика. – Может, мы все вскоре и умрем, но тогда уже твой неупокоенный дух сможет делать мрачные предсказания.

Чтобы не выдавать свое местоположение, они посадили корабль на импровизированной полосе в двух милях к югу от лагеря и проделали оставшийся путь верхом, торопясь присоединиться к войскам Равки.

– Сколько? – спросил Толя, едва подошел, чтобы протянуть Николаю ружье. Второе висело на его огромном плече. Они уже получили донесения от разведчиков, но Толя все еще надеялся. Так же, как надеялся и Николай, пока на его собственных глазах не разрушилась эта надежда самым жестоким образом.

– Слишком много, – ответил он. – Я надеялся, что все это просто игра света. Ряды фьерданских военных машин были намного протяженнее, чем предполагалось согласно данным разведки.

Тамара и Надя молча поприветствовали их. Надя отдельно кивнула брату, здороваясь. И она, и Адрик были шквальными, зеленоглазыми и гибкими. Но Надя была оптимисткой, а вот Адрик явно был членом клуба мрачных прогнозов – причем тем самым, которому запретили ходить на собра-

ния клуба, чтобы не портить настроение другим.

Николай проверил прицел своего ружья. Это было хорошее оружие для предстоящего сражения, но револьверы на бедрах его успокаивали намного больше.

Фьерда и Равка враждовали уже сотни лет, иногда переходя к открытым столкновениям, иногда устраивая мелкие стычки, если действовал очередной мирный договор. Но эту войну Фьерда намеревалась выиграть. Фьерданцы знали, что превосходят равкианцев числом и что поддержки тем ждать неоткуда. Они планировали прорвать северную границу внезапной танковой атакой на Нежки и Уленск. После молниеносной победы они бы двинулись на юг, к столице, к которой жалкая армия Николая должна была бы отступить, чтобы устроить нечто вроде героического противостояния.

Николай окинул взглядом поле. Землю к северу от Нежек можно было назвать мелким, полным грязи бассейном, наводящей тоску пустошью, застрявшей где-то посередине между полем и болотом, непригодной для земледелия и сражающей наповал резким запахом серы. Ее прозвали Ночным Горшком, и это место определенно было не из тех, что воспевают в балладах. Здесь негде было укрыться, и почва совсем не подходила для маршей, поэтому его пехота была уже в грязи по самые икры. Но он сомневался, что эта грязь способна остановить фьерданские танки.

Для командиров Николая построили деревянные платформы и башенки для лучшего обзора поля боя, замаскиро-

вав их за чахлыми кустиками и низкими искореженными деревцами, которыми славился Ночной Горшок.

Солнце едва успело показаться над горизонтом. С севера до Николая долетал бурчащий звук, словно какое-то гигантское чудище откашливалось, – фьерданские военные машины заводили свои двигатели. На горизонте возникли столбы черного дыма, целый лес, предвестник грядущего вторжения.

Танки, грохочущие словно гром, перевалили через линию горизонта, напоминая при этом выползающих прямо из грязи монстров с тускло поблескивающими серыми панцирями и громадными лапами-гусеницами, пожиравшими землю ярд за ярдом. Зрелище было обескураживающим, но если бы не Нина, их чудесный термит, прогрызший себе путь прямо в сердце фьерданского правительства, Равка даже не знала бы об их появлении.

В сообщении Нины были указаны две точки, в которые враг собирался нанести внезапный удар. Равке едва хватило времени, чтобы мобилизовать все силы и создать подобие защиты.

Николай предпочел бы встретить врага в чистом поле, под развернутыми знаменами, с выстроившимися в ряд войсками. Демонстрация силы. Это было бы проявлением истинной доблести, храбрости. Но Николай решил, что его солдат больше интересует возможность выжить, нежели падение смертью храбрых под градом фьерданских пуль, и сам

их в этом поддерживал.

– Думаешь, они знают? – спросил Толя, глядя в бинокль, в его огромных руках казавшийся детской игрушкой.

Тамара покачала головой.

– Если бы знали, они бы стояли очень-очень тихо.

Бум. Первый взрыв эхом разнесся над пустошью, казалось, сотрясая землю, на которой они стояли.

Беззвучный сигнал прошел по рядам – *удерживать позиции.*

Еще один взрыв разорвал воздух неподалеку. Еще. И еще.

Но это были не выстрелы танковых орудий. Это были мины.

Первый фьерданский танк вспыхнул. Второй опрокинулся набок, и теперь его гусеницы беспомощно вращались. *Бум.* Следующий обратился в столб огня, в тот момент, когда водитель и экипаж пытались выбраться.

Фьерданцы полагали, что их танки прокатятся по пустоши, что их атака будет быстрой и решительной, что у равкианцев не будет ни малейшей возможности создать даже видимость отпора. Они бы заняли ключевые города на севере и передвинули линию фронта на юг, пока войска Николая собирались, чтобы встретиться с ними на поле боя.

Именно так все бы и вышло – если бы не предупреждение Нины Зеник. За несколько часов до рассвета фьерданские бомбы начали падать на равкианские военные базы – места, в которых, по их мнению, располагались равкианские флай-

еры, фабрика боеприпасов, верфь. С верфью Николай сделать ничего не успел; просто не хватило времени. Но из всех остальных точек флайеры и воздушные суда, а также все без исключения работники были перемещены в безопасные места.

И пока фьерданцы обрушивали град бомб, особые солдаты Николая, нулевые гриши и военные Первой армии, работающие вместе, – тенями перемещались вокруг Нежек и Уленска, под покровом ночи размещая противотанковые мины, чудовищный сюрприз для врага, уверенного, что не встретит ни малейшего сопротивления. Расположение мин тщательнейшим образом наносилось на карты. Николай надеялся, что когда-нибудь они все-таки смогут назвать фьерданцев друзьями, и не хотел, чтобы их общая граница стала запретной зоной.

Поле битвы представляло собой мрачную картину: чад и грязь, фьерданские танки, превратившиеся в груду покореженного, дымящегося металла. Но мины лишь замедлили врага, не сумев остановить его. Танки, уцелевшие после взрывов, бросились вперед.

– Надеть маски! – Он услышал, как приказ от командира к командиру идет по рядам бойцов Первой и Второй армий. У них были все основания полагать, что приближающиеся танки будут стрелять не минами, а снарядами, заряженными *юрда-паремом*, газом, который мог убить обычного человека и мгновенно вызывал зависимость у гриша. – Приготовиться

к атаке!

Николай поднял глаза к небу. Там, в вышине, равкианские флайеры патрулировали облака, чтобы убедиться, что фьерданцы не станут бомбить их войска с воздуха, и использовать любую возможность прорвать линии противника. Равкианские флайеры были легче и маневреннее. Если бы только у них были деньги на то, чтобы сконструировать больше машин.

– Держать позиции! – крикнул Адрик. – Пусть сами идут к нам.

– За Равку! – взревел Николай.

– За двуглавого орла! – донесся в ответ слаженный крик сотен солдат.

Фьерданские войска, вооруженные винтовками, следовали за танками, сумевшими преодолеть минное поле и теперь прокладывавшими тропу в дыму. Их встречали равкианские солдаты, бьющиеся бок о бок с гришами.

Николай понимал, что королю нельзя оставаться на передовой, но также понимал, что не сможет отступить в тыл, оставляя других в пламени битвы. Его офицеры по большей части когда-то были пехотинцами, простыми солдатами, честно заслужившими свои чины, а вместе с ними и уважение солдат. Среди них были и аристократы, но Николай не мог полностью положиться на них в опасных ситуациях. Старики вроде князя Керамзина сражались в войнах давно минувших дней и, хотя могли поделиться ценным опытом,

отказались откликнуться на призыв. Дни их боевой славы остались в прошлом. Они выстроили себе дома и теперь хотели лишь полеживать в кровати, рассказывать истории о прежних битвах и победах да жаловаться на болезни и старые раны.

– По моей команде, – сказал он.

– Это ужасная идея, – мрачно заявил Адрик.

– У меня с избытком ужасных идей, – заверил его Николай. – Надо же их где-то воплощать.

Тамара коснулась своих топоров. Когда у нее закончатся пули, придет их время. Она подала знак своим сердцебитам. Надя предупредила своих шквальных.

– Вперед! – рявкнул Николай.

И они кинулись вперед, с головой погружаясь в битву. Шквальные, под прикрытием сердцебитов, смогли отбросить фьерданские танки. Отряд инфернов использовал догорающие обломки танков, чтобы создать стену огня – еще один барьер на пути у фьерданских войск.

Все равкианские солдаты носили специальные маски, созданные фабрикаторами и защищающие их от *юрда-парема*. Этот наркотик все изменил, сделал гришей настолько уязвимыми, как никогда прежде, но они отказывались считать эти маски знаком своей слабости и бессилия. Они разрисовали их клыками, извивающимися языками, скалящимися пастями. В своих боевых *кафтанах* они походили на фантастических чудищ, наводнивших поле боя.

Николай бежал пригнувшись, чувствуя, как бьет по ушам грохот ружейных выстрелов. Он стрелял снова и снова, видел, как падают люди вокруг. Демон внутри него чуял хаос и стремился наружу, требуя крови. Но, пусть *обисбайя* и не освободила Николая от твари, однако позволила намного лучше ее контролировать. Сейчас он должен быть хладнокровным стратегом, а не жаждущим крови монстром.

Толя вскинул руки, сжал кулаки, и фьерданские солдаты попадали замертво со взорванными сердцами.

Николай ощутил слабый отблеск надежды. Если в арсенале Фьерды были только танки и пехота, то у Равки был шанс выстоять. Но стоило ему увидеть громадную машину, с грохотом выползающую на поле, и он понял, что у фьерданцев огромный запас ужасающих изобретений. Это был не танк. Это была повозка. Огромные гусеницы взрывали грязь и слякоть, рев двигателя сотрясал воздух, выплевывая столбы дыма в серое небо. Мина взорвалась под одной из чудовищных гусениц, но машина просто поехала дальше.

Николай посмотрел на запад. Добилась ли Зоя успеха в своей миссии? Придет ли помощь?

Это был ключевой момент. Здесь и сейчас решалось, появится ли у Равки шанс или Фьерда прорвется сквозь границу, как ледяной ураган. Если они провалят это испытание, враг поймет, в каком тяжелом положении оказалась Равка, без денег и почти без сил. А победа, пусть даже шаткая, поможет выиграть время, в котором его страна так отчаянно

нуждается. Но для этого им потребуется подмога.

– Они не придут, – сказал Толя.

– Придут, – возразил Николай. *Они должны.*

– Мы дали им все, что они хотели. Зачем им приходить?

– Потому что договор должен значить хоть что-то, иначе зачем мы все здесь?

Раздался высокий металлический визг, обозначивший остановку чудовищного транспортера, и его гигантские металлические двери распахнулись, словно пасть древнего чудища.

Когда пыль улеглась, из транспортера потянулась цепочка солдат. Но на них не было формы, лишь какие-то лохмотья, а некоторые были босыми. Николай в ту же секунду понял, кто это: гриши, подсаженные на *парем.* Их тела были истощены, а головы клонились вниз, словно увядшие цветы на тонких стеблях. Но все это не будет иметь никакого значения, стоит им получить дозу наркотика. Он увидел, как облако газа, выпущенное из трубок где-то внутри транспортера, окутывает гришей. Внезапно они вытянулись по стойке смирно.

Этого момента Николай с ужасом ждал и именно его отчаянно надеялся предотвратить.

Трое получивших дозу гришей бросились вперед.

– Ложись! – взревел Николай. Земля перед вражескими гришами поднялась приливной волной, взрывая мины, опрокидывая танки. Равкианских солдат раскидало в стороны и накрыло грязью и камнями.

– Шквальные! – скомандовала Надя своим войскам, и они с Адриком вскочили на ноги, объединяя силы, чтобы расчистить завалы из земли и камня, освободить своих товарищей.

И тут Надя замерла.

– Амелия! – воскликнула она. Ветер, призванный ею, стих. Она уставилась на одну из одурманенных гришей, худенькую девушку с каштановыми волосами, в выцветшем комбинезоне и ботинках, явно слишком тяжелых для похожих на палочки ног.

– Святые, – выдохнула Тамара. – Она фабрикатор. Пропала во время миссии неподалеку от Черности.

Николай вспомнил. Надя работала с ней вместе до того, как ее пленили.

Тамара схватила Надю за плечо, потянув назад.

– Ты сейчас ей ничем не поможешь.

– Я должна попытаться!

Но Тамара не разжала руку.

– Она считай что мертва. Я скорее топор ей в голову кину, чем позволю тебе сунуться в эту ловушку.

Амелия, вместе с прочими одурманенными фабрикаторами, вскинула руки, намереваясь вызвать еще одно землетрясение.

– Они у меня на мушке, – сказал Толя, вскинув ружье.

– Постой, – велел Николай. Он снова посмотрел на запад с надеждой – ведь им оставалось лишь надеяться.

– Стреляй, черт тебя подери! – процедил Адрик.

Надя сбила его с ног порывом ветра.

– Они не смогут заставить нас убивать наших друзей, таких же, как мы! Мы делаем работу фьерданцев за них.

– Это уже не наши друзья, – отрезал Адрик. – Они призраки, не сумевшие уйти в лучший мир, проклятые, отчаявшиеся и жаждущие крови.

Николай дал знак второй волне атакующих приготовиться, в то время как их флайеры старались подобраться к фьерданским позициям достаточно близко, чтобы обстрелять транспортер и самим не попасть под перекрестный огонь.

И тут он услышал его, звук, напоминающий мерное *тум-тум-тум*, словно биение сердца, слишком ровное для громовых раскатов.

Все головы повернулись на восток, к небу, в котором три огромных дирижабля – больше, чем любые другие воздухоплавающие машины, виденные Николаем прежде, – показались из-за облаков. На их корпусах не было керчийской летающей рыбы. Там горели оранжевые звезды земенского морского флага.

– Они пришли, – выдохнул Николай. – Думаю, ты задолжал мне извинения.

Толя нахмурился.

– Признай, что ты тоже в этом сомневался.

– Я надеялся. Надежда – совсем не то же самое, что сомнения.

Николай знал, что дипломатические переговоры Зои с керчийцами заранее обречены на провал. Знала это и она сама. Керчийцы всегда руководствовались только выгодой и наверняка собирались держать нейтралитет. Но Равке необходимо было изобразить просьбу – причем весьма отчаянную – о помощи. Нужно было убедить керчийских и фьерданских шпионов, что у них нет союзников.

За несколько месяцев до этого Николай отдал керчийцам именно то, что они требовали: планы постройки и вооружения *моросеев*, подводных кораблей, которые можно было использовать, чтобы нанести удар по морской торговле земенцев, уничтожив их флот. Керчийцы именно так и поступили. Но они и понятия не имели, что на тех кораблях, которые они с таким успехом уничтожили, не было ни людей, ни груза. Это были корабли-призраки, приманка, отправленная в море, чтобы подарить керчийцам иллюзию успеха, в то время как земенцы переместили свои торговые пути в небо с помощью равкианских технологий постройки дирижаблей.

Керчия могла оставить себе море. Ведь у земенцев были небеса. Равка сдержала слово, отдав Керчии именно то, что та требовала, но не то, что ей было нужно. Этот урок Николай получил от своего собственного демона.

– Керчийцы придут в ярость, когда все узнают, – сказала Тамара.

– Делать людей счастливыми не входит в обязанности королей, – ответил Николай. – Вот будь я булочником или кук-

ловодом…

Пока они смотрели, в днищах кораблей распахнулись люки, и оттуда плотным облаком вылетел серовато-зеленый порошок.

– Шквальные! – рявкнула Нина, лицо которой теперь сияло, а по щекам струились слезы. И равкианские флайеры в воздухе, и гриши на земле в едином порыве направили порошковый антидот на полк одурманенных гришей.

Антидот покрывал их фигуры, как толстый слой изморози, и Николай увидел, как они изумленно поднимают руки к лицу. Затем они подняли лица к небу, глубоко вдыхая порошок. Сейчас они были похожи на детей, впервые попавших на магическое представление. Они открывали рты, высовывали языки. Он видел, как они поворачиваются друг к другу, словно очнувшись от кошмара.

– К нам! – скомандовала Тамара, как только они с Толей двинулись вперед, стрельбой прикрывая пленных гришей.

Рука в руке, истощенные гриши ковыляли к равкианским линиям, к дому и свободе.

Фьерданские офицеры приказали солдатам открыть огонь по уходящим гришам, но флайеры Николая были начеку. Они начали обстрел фьерданских линий, заставив неприятеля спешно искать укрытие.

Равкианские гриши и солдаты двинулись навстречу, готовые подхватить своих измученных друзей. Те и в самом деле напоминали призраков, странных духов, покрытых серебри-

стой пылью.

– Ваше величество? – пораженно окликнула Амелия, когда Николай перекинул ее руку себе на плечи. Ее ресницы покрывал слой порошка, зрачки были расширены.

Николай видел, как повсюду фьерданцы ломают строй под напором смуты, вызванной прибытием земенцев. Небеса кишели земенскими и равкианскими флайерами. Фьерда лишилась своих гришей-убийц, и половина фьерданских танков лежала на поле боя дымящимися обломками.

Николай, в числе прочих, спешно миновал поле, ведя с собой бывших пленников. Он передал Амелию целителю, а затем потребовал лошадь и крикнул Толе:

– Идем!

Ему хотелось увидеть всю картину с воздуха. Добравшись до взлетной полосы, они запрыгнули во флайер. Мотор взревел, и они рванули ввысь.

Вид сверху одновременно дарил надежду и ужасал. Фьерданские линии были смяты, они отступали, но какой бы короткой ни была битва – даже не битва, скорее, стычка, – ущерб потрясал. Котлован, полный грязи, вырытый гришами-фабрикаторами, воронки от мин и борозды от гусениц, изуродовавшие землю. Тела, лежащие в грязи: фьерданцы, равкианцы, гриши в ярких *кафтанах*, хрупкие истощенные пленники, не сумевшие перейти поле.

И это было лишь началом.

– Это будет совсем другая война, да? – тихо спросил Толя.

– Если мы ее не остановим, – ответил Николай, глядя на отступление фьерданцев.

Крошечная победа не решила проблем с его происхождением, не наполнила казну и не увеличила число солдат в их армии, но, по меньшей мере, заставила фьерданцев перегруппироваться. Равке было не под силу усеять всю северную границу минами. Но фьерданцы этого не знали наверняка, поэтому им придется потратить драгоценное время на то, чтобы найти новые потенциальные места вторжения. Они больше не могли полагаться на *парем*, как на оружие против равкианских гришей. И самое важное – земенцы показали, что Равка не осталась одна. Фьерданцы хотели сыграть быстро и грязно. Этот день показал им, какой на самом деле будет их война. *Посмотрим, что ваша страна скажет о сражениях теперь, когда и ее солдатам пришлось пролить кровь.*

Николай аккуратно посадил свой флайер на летную площадку самого большого воздушного корабля, резко останавливая машину, тормоза которой натужно скрипнули.

Калем Керко тут же подошел поприветствовать их с Толей. На нем был синий комбинезон, короткие волосы завивались.

– Ваше величество, – произнес он, коротко поклонившись.

Николай хлопнул Керко по спине.

– Давайте без церемоний. – Он проходил обучение в семье Керко, когда знакомился с оружейным искусством, и по-

этому был ничуть не удивлен тому, как земенцам удалось улучшить равкианские корабли. – Вы только что спасли наши задницы.

– Вы подарили нам небо, – сказал Керко. – Мы по меньшей мере постараемся помочь вам сохранить эту несчастную страну. Вы будете преследовать фьерданцев? Они бегут.

– Нам это не по силам. Пока нет. Но вы дали нам драгоценное время.

– Мы проводим вас до Полизной.

– Запас антидота? – спросил Николай.

Керко указал на стену из тюков, похожих на мешки с зерном.

– Можете сказать, что вы рассчитывали на большее. Меня это не обидит. Выражение лица вашего солдата говорит само за себя.

– Толя всегда так выглядит. Кроме тех моментов, когда читает стихи, но тогда так выглядят окружающие. – Николай посчитал тюки с антидотом и вздохнул. – Но вы правы, мы надеялись на большее.

– *Парем* довольно легко приготовить, если удастся вывести формулу. А антидот? – Керко пожал плечами. – На него требуется слишком много сырой *юрды*. Возможно, ваши фабрикаторы найдут новый способ обработки сырья.

Формула была разработана Давидом Костюком, самым талантливым субстанциалом Равки, работавшим вместе с Кювеем Юл-Бо, сыном человека, который изобрел *парем*. Но

идея пришла из места произрастания *юрды*, Нового Зема, от парнишки, выросшего на местной ферме. Он как-то сказал Кювею, что во время сбора урожая земенские матери наносили детям на губы и веки бальзам из сока стеблей *юрды*, чтобы защитить их от воздействия пыльцы.

– Требуется огромное количество сырья, чтобы изготовить антидот, – сказал Керко. – А хуже всего то, что, заготавливая стебли, мы опустошаем поля. Если мы продолжим давить на наших фермеров, они взбунтуются. И еще кое-что. Один из наших поставщиков рассказал о странном явлении на своих полях – пятне, возникшем словно из ниоткуда. Оно превратило два его пастбища в безжизненную пустошь, и животные, которые паслись там, тоже исчезли, как…

– Дым, – закончил за него Николай. Так, значит, вампир вонзил свои клыки и в Новый Зем.

– Так вы знаете, что это за чума? Наша страна сталкивается с подобным уже второй раз за два месяца. В Равке тоже происходило что-то подобное?

– Да, – признал Николай. – Одно пятно появилось рядом с Сикурском, а второе к югу от Ос Керво. Сейчас мы берем пробы почвы, проводим исследования. И сообщим вам, если что-нибудь обнаружим.

Но Николай и так знал, что они обнаружат – смерть. На этой почве больше ничего не будет расти. А если тлен продолжит распространяться, кто знает, где он появится в следующий раз и смогут ли его остановить? Одной мысли об

этом было достаточно, чтобы разбудить демона внутри, словно тот узнал силу, создавшую его, в источнике этих бедствий.

– Это как-то связано с Каньоном? – спросил Керко.

Толя удивленно взглянул на него.

– Вы там бывали?

– После объединения. Я хотел увидеть все это собственными глазами. Проклятое место.

И снова это слово: *проклятое.*

– Связь есть, – подтвердил Николай. – Но мы пока не знаем какая. – Эта часть была правдой. А вот говорить Керко о том, что Дарклинг вернулся, Николай был пока не готов. – Я провожу вас до Полизной. Мы можем хранить запас антидота на базе.

– Керчия захочет отомстить, – предупредил Керко, когда они возвращались к флайеру. – Всем нам. Они найдут способ.

– Мы понимаем, – подтвердил Толя серьезно. – И понимаем, на какой риск вы пошли, придя нам на помощь.

Керко усмехнулся.

– Они решили напасть на наши корабли и наших моряков, даже не объявляя нам войну. Керчийцы никогда не были друзьями земенцам, так что пусть лучше знают, что мы все-таки не остались без союзников.

Они пожали руки, а затем Николай с Толей залезли во флайер.

– Николай, – окликнул Керко. – Положите конец этой войне, и как можно быстрее. Докажите, что этот Магнус Опьер – лжец, и прогоните самозванного наследника Ланцовых. Вы должны доказать, что вы не бастард и что достойны трона.

«Что ж, – подумал Николай, когда мотор флайера заработал и они взмыли в ослепляющую синь неба. – *Одно из двух тоже неплохо»*.

7. Нина

Здравствуй, Нина.

Нина была опытным шпионом под прикрытием. Она выжила в борделях Кеттердама и водила дружбу с самыми отъявленными головорезами и мошенниками Бочки. Она встречала убийц всевозможных мастей, а бывало, и сама разговаривала с мертвецами. Но когда хранительница произнесла эти слова, ей показалось, что сердце вырвалось из груди и покатилось прямо к носам ее подбитых мехом тапочек.

Однако она просто улыбнулась.

– Мила, – поправила она вежливо. Перепутанное имя, невинная ошибка.

Хранительница подняла руку, и порыв ветра заставил заплясать пламя, отражение которого искрами вспыхнуло в ее глазах.

– Вы – гриш, – потрясенно прошептала Нина. – Шквальная.

– Лисы прячутся под землю зимой, – произнесла хранительница по-равкиански.

– Но не потому, что боятся холода, – ответила Нина.

Она тяжело рухнула на диванчик. Колени ослабли, а на глазах, к ее величайшему стыду, выступили слезы. Она так долго не говорила на родном языке.

– Наш добрый король шлет тебе свою благодарность и

наилучшие пожелания. Он крайне признателен за сведения, которые тебе удалось добыть. Они спасли жизнь множеству равкианцев. И множеству фьерданцев тоже.

Нина чуть не разрыдалась от благодарности. Конечно, она встречалась со связными и агентами Рингсы, но вот чтобы поговорить с одним из соотечественников? Она не понимала, какую тяжесть носит в своем сердце.

– Вы правда из монастыря?

– Да, – подтвердила женщина. – Когда исчезла предыдущая хранительница, Тамара Кир-Батар воспользовалась возможностью посадить на это место своего человека. А я до этого работала под прикрытием в монастыре в Элбьене.

– Сколько вы уже так живете? Как фьерданка?

– Тринадцать лет. Несмотря на войны, смену королей, перевороты.

Тринадцать лет. Нина не могла такого даже представить.

– А вы никогда… вы скучаете по дому? – Спросив, она тут же поняла, какой это детский вопрос.

– Каждый день. Но у меня есть цель, так же, как и у тебя. Твоя кампания по пропаганде довольно дерзкая. Я вижу результаты собственными глазами. Девушки, находящиеся под моей опекой, тайком рассказывают друг другу истории о святых под покровом ночи.

– И их за это наказывают?

– О да, – подтвердила она со смехом. – Чем больше мы запрещаем говорить о святых, тем более пылко и решитель-

но они нарушают запреты.

– Так, значит, у меня не будет проблем?

Она не следовала никакому приказу, когда отправилась вслед за Ханной в Ледовый Двор и начала ставить представления с чудесами. После спектакля, устроенного ей в Гефвалле, ее могли бы силой привезти назад в Равку и отдать под трибунал.

– Генерал Назяленская сказала, что ты непременно об этом спросишь, и велела ответить, что конечно же будут.

Нине пришлось подавить нервный смешок.

– Как она?

– Ужасающе компетентна.

– А Адрик? Леони?

– Теперь, когда они стали святыми, путь в шпионы для них закрыт, но Адрик командует отрядом шквальных, а Леони работает с Давидом Костюком и его фабрикаторами. Они внесли существенный вклад в работу над антидотом к *юрда-парему*.

– Так, значит, – сказала Нина, – они оба сейчас в Малом дворце.

Легкая улыбка тронула губы хранительницы.

– Я слышала, они частенько проводят время вместе. Но я здесь не для того, чтобы обменяться сплетнями или утешить тебя. У короля есть задание.

Нина оживилась. Она нарушила прямой приказ Адрика, отправившись в Ледовый Двор, чтобы найти себе место, от-

куда она сможет помочь гришам и Равке. Она старалась как могла, устраивая свои фальшивые чудеса; она подслушивала и использовала все имеющиеся в ее арсенале уловки, чтобы собрать побольше сведений и передать зашифрованным посланием все, что ей удавалось наскрести, о передвижении войск или разработке оружия. Но то, что Брум раскрыл места, с которых Фьерда намеревалась начать свое вторжение, было простой удачей, а не серьезным шпионажем.

– Слушай внимательно, – продолжила хранительница. – Времени у нас немного.

– Она хочет, чтобы ты сделала что? – прошептала Ханна, распахнув глаза цвета меди, стоило им вернуться в комнаты, а Нине рассказать ей о своем задании. – И кому я только что исповедалась?

– Шпионке-гришу. О чем ты ей рассказала?

– Сочинила что-то об излишней любви к сладкому и ругательствах в священные дни Джеля.

Нина рассмеялась.

– Идеально.

– Вовсе нет, – возразила Ханна, поморщившись. – Что, если бы я рассказала ей что-то личное о… чем-угодно?

– Например?

– Так, ничего, – ответила Ханна, покраснев. – Так что она хочет, чтобы ты сделала?

Распоряжения хранительницы были просты и понятны, но Нина даже представления не имела, как подступиться к их

выполнению.

– Выяснить, где хранятся письма от Татьяны Ланцовой.

– Эта часть не так уж и плоха.

– И подобраться поближе к фальшивому Ланцову, – продолжила Нина. – Выяснить, кто он на самом деле, и, если получится, дискредитировать его.

Ханна прикусила губу. Они устроились на ее кровати с горячим чаем и тарелкой печенья.

– А не могли бы мы просто… ну, не могла бы ты просто устранить его?

Нина рассмеялась.

– Полегче. Это я здесь безжалостная убийца, а ты – голос разума, не забыла?

– Полагаю, мои слова в высшей степени разумны. Король Равки на самом деле бастард?

– Я не знаю, – медленно, словно раздумывая, призналась Нина. – Но, если фьерданцы это докажут, я сомневаюсь, что ему удастся удержать трон. В тяжелые времена люди, как правило, сильнее тяготеют к традициям и суевериям. – Гришей королевская кровь волновала меньше, но даже Нину с детства растили с мыслью о том, что Ланцовы избраны свыше, чтобы управлять Равкой.

– А Вадик Демидов? – спросила Ханна. – Самозванец?

– Его смерть не вернет Николаю статус законнорожденного. А вот если мальчишку выставить лжецом, это заставит сомневаться во всей ситуации, да и во всех словах фьердан-

ского правительства. Вот только… как, предположительно, мы должны это сделать?

Брум весьма тесно общался с королевской семьей Фьерды и, вероятно, с Демидовым, но Нина и Ханна видели их лишь издали. Брумы время от времени ужинали с высшими армейскими чинами и военными министрами, и Ильва иногда отправлялась играть в карты с аристократками из дворца. Но всему этому было весьма далеко до встреч с нужными людьми, у которых можно было выудить сведения о фальшивом Ланцове.

Ханна встала и медленно прошлась по комнате. Нине нравилось, какой Ханна становилась, когда они оставались наедине. Рядом с родителями в ней чувствовалось напряжение, неуверенность, словно она по нескольку раз обдумывала каждое слово, каждый жест. Но стоило им остаться вдвоем за закрытой дверью, и Ханна становилась той самой девушкой, которую Нина когда-то встретила в лесах, с легкой, уверенной походкой и прямыми, словно сбросившими с себя груз плечами. Теперь ровные белые зубки Ханны терзали нижнюю губу, и Нина поймала себя на том, что рассматривает ее, как произведение искусства.

Ханна, похоже, пришла к какому-то решению. Она стремительно направилась к двери и открыла ее.

– Что ты задумала? – спросила Нина.

– У меня есть идея.

– Это я поняла, но…

– Мама? – крикнула Ханна вглубь коридора.

Ильва появилась мгновением позже. Она уже расплела косы, и ее волосы спускались на спину густой рыжевато-каштановой волной, но было видно, что она еще не ложилась, возможно, обсуждая с мужем визит хранительницы.

– В чем дело, Ханна? Почему ты еще не спишь?

Ханна пригласила мать войти, и Ильва присела на край кровати.

– Визит матери-хранительницы заставил меня задуматься.

Брови Нины удивленно приподнялись. *Ох, да неужели?*

– Я хочу участвовать в *Йерянике*.

– Что? – воскликнули Ильва и Нина в один голос.

Йеряник означал «сердцевину» и совпадал с зимним праздником Винеткаллой, который только что начался. Название было связано со священным ясенем Джеля. Само событие брало начало из традиции представлять молодых девушек ко двору с тем, чтобы они могли найти себе подходящую партию. Идея с участием Ханны была просто великолепной. Таким образом они обе сразу оказывались втянуты в шестинедельный водоворот различных событий при дворе, а это давало потенциальную возможность встретить тех самых людей, которые помогут подобраться к Вадику Демидову. Но Нина думала… Она сама не знала, о чем думала… Мысль о том, что за Ханной будет ухаживать толпа знатных фьерданцев, вызывала у нее желание что-нибудь пнуть.

– Ханна, – осторожно начала Ильва. – К этому вопросу нельзя подходить так легкомысленно. Предполагается, что ты выйдешь замуж по окончании Сердцевины. Ты никогда прежде не изъявляла такого желания. Почему именно сейчас?

– Мне пора задуматься о своем будущем. Визит матери-хранительницы… Он напомнил мне о том, какой дикой я была. Я хочу доказать вам с отцом, что все это осталось в прошлом.

– Тебе не нужно ничего доказывать нам, Ханна.

– Я думала, тебе хотелось, чтобы я присоединилась ко двору? Чтобы нашла мужа?

Ильва замялась.

– Пожалуйста, не делай этого, чтобы порадовать нас. Я не могу вынести мысли о том, что ты будешь несчастлива.

Ханна села рядом с матерью.

– А какие варианты у меня еще есть, мама? Я не вернусь в монастырь.

– Я отложила немного денег. Ты могла бы отправиться на север, к хедьютам. У нас там есть родственники. Я знаю, что ты не сможешь быть счастлива, если окажешься запертой в Ледовом Дворе.

– Папа тебе этого никогда не простит, а я не хочу знать, что тебя наказывают из-за меня. – Ханна сделала глубокий вдох. – Я хочу этого. Я хочу жить жизнью, в которой каждому из нас найдется место.

– Я тоже этого хочу, – сказала Ильва. Ее голос упал до шепота, и она обняла дочь.

– Отлично, – подытожила Ханна. – Тогда все решено.

Нина все еще не знала, что и думать.

– Ханна, – начала она, едва Ильва ушла, – участие в ритуале Сердцевины накладывает обязательства. Если кто-то тебе сделает достойное предложение, тебя заставят его принять.

– А кто сказал, что я получу хоть одно достойное предложение? – возразила Ханна, поерзав под одеялом.

Предложение должно быть сделано мужчиной равного с ней положения, способным достойно обеспечить Ханну и получившим одобрение ее отца.

– А что, если получишь? – спросила Нина.

Ханна не хотела такой жизни. А может, это Нине казалось, что она не хочет. Может, это Нине не хотелось такой жизни для нее.

– Я точно не знаю, – ответила Ханна. – Но если мы собираемся помочь твоему королю и остановить войну, это единственный подходящий способ.

Подготовка началась следующим же утром с череды занятий и примерок. Нина все еще не была уверена, что это правильный выбор, но, если быть до конца откровенной с самой собой, вся эта суматоха вокруг подготовки к Сердцевине оказалась возмутительно, ужасающе… забавной. Ее огорчало, насколько легко получилось с головой уйти в вы-

бор новых нарядов и туфель для Ханны, погрузиться в уроки танцев и обсуждение тех, с кем им доведется встретиться на Представлении Дев, первом событии *Йеряника*, где все многообещающие молодые леди будут представлены королевской семье.

Какая-то часть Нины отчаянно скучала по всему этому легкомыслию. В последние два года в ее жизни было слишком много печали – борьба с зависимостью, потеря Матиаса, длинные, одинокие месяцы в Равке, где она пыталась справиться со своим горем, а затем жизнь среди врагов, в постоянном страхе. Иногда она задумывалась, не совершила ли ошибку, покинув своих друзей в Кеттердаме. Она скучала по спокойствию Инеж, по уверенности, что ей можно рассказать все что угодно, без страха осуждения. Она скучала по весельчаку Джесперу и по милашке Уайлену. Она успела соскучиться даже по безжалостности Каза. Святые, каким облегчением было бы свалить весь этот хаос на чертова подонка из Бочки. Он бы разузнал все о происхождении Вадика Демидова, ограбил фьерданскую сокровищницу и занял бы трон раньше, чем она успела накрутить дурацкие косы на голове. Но, если хорошо подумать, возможно, лучше бы Казу здесь не появляться.

– Ты наслаждаешься всем этим, правда? – спросила Ханна, сидевшая за их общим туалетным столиком, пока Нина наносила сладкое миндальное масло, чтобы завить короткие волосы подруги блестящими золотистыми, рыжими, кашта-

новыми локонами. Цвет, который она никогда не могла определить.

– А если и так?

– Наверное, я завидую. Мне бы тоже хотелось.

Нина попыталась поймать ее взгляд в зеркале, но Ханна не поднимала глаз от целого батальона притирок, лосьонов и пудрениц на столике.

– Это была твоя идея, помнишь?

– Да, но я забыла, как сильно все это ненавижу.

– Что тут ненавидеть? – удивилась Нина. – Шелк, бархат, драгоценности.

– Тебе легко говорить. А я чувствую себя еще более *неправильной*, чем обычно.

Нина не могла поверить в то, что услышала. Она вытерла руки от масла, а затем присела на скамью.

– Ты больше не неловкая маленькая девочка, Ханна. Почему ты не видишь, какой великолепной девушкой ты стала?

Ханна взяла в руки одну из маленьких баночек с блеском.

– Ты не понимаешь.

– Не понимаю. – Нина забрала баночку из ее пальцев и развернула Ханну к себе. – Закрой глаза. – Ханна послушалась, и Нина нанесла крем сначала ей на веки, а потом и на скулы. Он придавал коже легкий перламутровый блеск, отчего казалось, что Ханна облита солнечным светом.

– Знаешь, когда я единственный раз почувствовала себя красивой? – спросила Ханна, по-прежнему не открывая глаз.

– Когда?

– Когда перекроила себя, чтобы стать похожей на солдата. Когда мы обрезали мои волосы.

Нина сменила блеск на баночку с розовым бальзамом.

– Но ты не выглядела как *ты*.

Глаза Ханны распахнулись.

– Нет, выглядела. Первый раз. Единственный раз.

Нина макнула большой палец в бальзам и нанесла его на нижнюю губу Ханны, плавными движениями распределяя по нежному рту.

– Знаешь, я ведь могу отрастить волосы, – призналась Ханна и провела рукой по одной стороне головы. Рыжевато-каштановый локон скользнул по уху девушки.

Нина уставилась на него.

– Ты – сильная портниха, Ханна.

– Я тренировалась. – Она вытащила из выдвижного ящичка маленькие ножницы и отрезала локон. – Но мне нравится, какие они сейчас.

– Тогда оставь все как есть. – Нина забрала ножницы у Ханны, скользнув пальцем по ее костяшкам. – В брюках, в платьях, с обрезанными волосами или с косами до пояса, ты никогда не сможешь стать некрасивой.

– Ты правда так считаешь?

– Правда.

– Я никогда не видела твоего настоящего лица, – сказала Ханна, вглядываясь в Нинины черты. – Ты скучаешь по

нему?

Нина не была уверена, что ей ответить. Долгое время она вздрагивала каждый раз, видя себя в зеркале, замечая бледно-голубые глаза, шелковистый водопад прямых светлых волос. Но чем дольше она изображала Милу, тем легче ей это давалось, так, что иногда ее это даже пугало. *Кем я буду, когда вернусь в Равку? Кто я сейчас?*

– Я начинаю забывать, как выглядела, – сказала она. – Но можешь поверить, я была великолепна.

Ханна взяла ее за руку.

– Ты такая и есть.

Дверь распахнулась, и влетела Ильва в сопровождении горничных, заваленных платьями.

Ханна и Нина вскочили со скамьи, глядя, как горничные сваливают груды шелка и кружева на кровать.

– О, Мила, ты творишь чудеса! – воскликнула Ильва, увидев сияющие щеки Ханны. – Она похожа на принцессу.

Ханна улыбнулась, но Нина заметила, как сжались ее кулаки. *Во что же мы себя втянули?* Праздник Сердцевины мог принести им все, чего они хотели, – доступ к Вадику Демидову, шанс обнаружить любовные письма королевы Татьяны. Но то, что на первый взгляд казалось прямой дорогой, теперь все сильнее напоминало лабиринт. Нина подняла янтарный завиток, который Ханна уронила на столик, и сунула его в свой карман. «*Что бы ни случилось, я найду выход,* – поклялась она. – *Для нас обеих*».

Представление Дев проходило в главной бальной зале дворца, расположенной совсем недалеко от их апартаментов на Белом острове. Нина уже бывала здесь, правда, в другой личине, под видом девушки из пресловутого «Зверинца». Дело было во время Рингкаллы, шумной вечеринки, полной всевозможных увеселений. Сегодняшнее мероприятие было намного более сдержанным. Знатные семьи заняли все альковы[3]. Длинный светло-серый ковер протянулся через всю залу к гигантскому фонтану в форме двух танцующих волков, а затем взбегал на помост, где разместилась королевская семья. Собравшиеся там Гримьеры походили на коллекцию прекрасных кукол – все светловолосые, голубоглазые и изящные. Они любили заявлять о наличии хедьютской крови, и свидетельством тому могли служить смуглая теплота кожи короля и густые кудри младшего принца. Мальчик дергал мать за изящную руку, а она смеялась над его проделками. Он имел здоровый и цветущий вид. О наследном принце сказать того же было нельзя. Принц Расмус, долговязый и болезненный, казался почти зеленым на фоне алебастрового трона, на котором сидел подле отца.

Из высокого островерхого окна Нина видела окружавший Белый остров блестящий ров, покрытый тонкой корочкой льда. Сам ров опоясывал круг зданий – посольский сектор, тюремный сектор и сектор *дрюскелей,* – все защищен-

---

[3] Альков – углубление, ниша в комнате или другом помещении.

ные предположительно неприступной стеной Ледового Двора. Говорили, что столица строилась в виде колец священного ясеня Джеля, но Нина предпочитала смотреть на нее глазами Каза: как на круги мишени.

Девушки, участвующие в Сердцевине, собрались со своими родителями в задней части залы.

– Они все на меня глазеют, – заявила Ханна. – Я слишком стара для всего этого.

– Нет, ничего подобного, – возразила Нина. Сказать по правде, большинство девушек действительно казались на пару лет моложе и совершенно точно все они были ниже.

– Я похожа на великаншу.

– Ты похожа на королеву-воительницу Джамелию, спустившуюся со льдов. А все эти девочки с их жеманными улыбками и блондинистыми кудряшками похожи на недопеченный пудинг.

Ильва рассмеялась.

– Мила, какие недобрые слова.

– Вы правы, – согласилась Нина, а затем едва слышно продолжила: – Зато точные.

– Ханна? – Миловидная девушка в бледно-розовом платье, с огромными бриллиантами, подошла к ним. – Не знаю, помнишь ли ты меня. Я была в монастыре два года назад.

– Брина! Конечно, я помню, но я думала… Что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь найти мужа. Я путешествовала со своей семьей

с тех пор, как покинула монастырь, поэтому чуть опоздала со всем этим.

Ильва улыбнулась.

– Тогда вы можете быть опоздавшими вместе. Сейчас мы вас оставим, но будем ждать после церемонии.

Нина подмигнула Ханне, а затем они с Ильвой присоединились к Бруму, который беседовал с каким-то генералом и пожилым *дрюскелем* по имени Редвин, который учился с Брумом в молодости. Это был злобный сухарь без чувства юмора, и его попытки изображать горькое смирение бесконечно веселили Нину. Она наслаждалась, ведя себя при нем как можно более нелепо.

– Разве все это не великолепно, Редвин? – воскликнула она восторженно.

– Если вы так считаете.

– Разве они все не прелестны?

– Я не заметил.

Было похоже, что он с радостью кинулся бы с обрыва, лишь бы не проводить с ней лишней минуты. Девушкам следует развлекаться при любой возможности.

Брум передал Нине бокал с тошнотворно сладким пуншем. Если его и беспокоило поражение фьерданцев под Нежками и Уленском, он умело это скрывал. «*Было бы здорово пристрелить лису на первой же охоте*, – заявил он, вернувшись с фронта. – *Но зато теперь мы знаем, на что способны равкианские войска. В следующий раз они не успеют под-*

готовиться».

Нина тогда лишь улыбнулась, кивнула и подумала про себя: *«Посмотрим»*.

– Трудно, наверное, наблюдать, как другие женщины разгуливают в шелках и купаются во внимании? – спросил Брум низким, напрягающе-интимным тоном.

– Нет, если речь о Ханне. – Прозвучало немного резко, и она почувствовала, как напрягся стоящий рядом Брум. Нина прикусила язык. Иногда покорность давалась ей труднее, чем обычно. – Она – добрая душа и заслуживает всех радостей и удовольствий. К тому же, вся эта роскошь не предназначена таким, как я.

Брум расслабился.

– Ты к себе несправедлива. Ты была бы очень хороша в шелке цвета слоновой кости.

Нина пожалела, что не может покраснеть по команде. Ей пришлось ограничиться робким смешком и потупленным взглядом.

– Дворцовая мода намного больше подходит фигуре Ханны.

Нина ожидала, что Брум отмахнется от разговоров о моде, но вместо этого сальный блеск в его глазах сменился расчетливым выражением.

– Ты не ошибаешься. Ханна расцвела под твоей опекой. Я и не думал, что она может составить приличную партию, но ты все изменила.

У Нины внутри все сжалось. Возможно, она *действительно* ревновала. При мысли о Ханне, просватанной за какого-нибудь знатного отпрыска или военного, у нее желудок узлом завязывался. Но что, если Ханна сможет быть здесь счастлива? Счастлива рядом с семьей, рядом с любящим мужем? Что, если она наконец-то получит одобрение, которого так жаждала? Кроме того, вряд ли у них с Ниной может быть какое-то общее будущее, раз уж Нина собирается всеми правдами и неправдами прикончить ее отца.

– У тебя такое свирепое лицо, – заметил Брум, усмехаясь. – Куда унесли тебя твои мысли?

К твоему непрерывному унижению и скорой смерти.

– Надеюсь, она найдет кого-нибудь достойного ее. Я желаю Ханне только лучшего.

– Как и мы. И нам, пожалуй, следует заказать пару новых платьев и для тебя.

– О, нет, не нужно!

– Я так хочу. Станешь со мной спорить?

«Я бы столкнула тебя в море и сплясала джигу, пока ты тонешь». Но Нина подняла на него глаза, широко распахнутые и блестящие глаза молодой женщины, польщенной вниманием, которое ей оказывает великий человек.

– Никогда, – выдохнула она.

Глаза Брума неспешно прогулялись по ее лицу, шее и опустились ниже.

– Возможно, мода и отдает предпочтение стройным, но

мужчин мало заботит мода.

Нине захотелось немедленно вылезти прочь из этого тела, но она уже знала правила игры. Брума не интересовала красота или желанность. Его волновала только власть. Мысль о том, что она – его жертва, замершая под его взглядом, как замирает безобидный зверек под лапой волка, приводила его в возбуждение. Ему доставляло удовольствие предлагать Миле подарки, которые она не могла себе позволить воображать ее благодарность.

Так почему бы не позволить ему это? Все что угодно, чтобы добыть сведения о Вадике Демидове, помочь гришам, освободить свою страну. Расплата не за горами. Она не собиралась прощать Бруму его преступления, особенно учитывая, что он стремился совершать новые. Какими бы ни были ее чувства к Ханне, она намеревалась увидеть Брума мертвым и сомневалась, что Ханна сможет простить ей это. Пропасть была слишком велика. У шуханцев было выражение, которое ей всегда нравилось: *Yuyeh sesh.* Презирай свое сердце. Она будет делать то, что должна.

– Вы слишком добры ко мне, – льстиво сказала она. – Я этого не заслуживаю.

– Позволь мне самому судить об этом.

– Начинается! – радостно воскликнула Ильва, совершенно не подозревая об авансах, которые ее муж раздает в каком-то ярде от нее. Но так ли это? Может быть, она просто радуется, что Брум обратил своем внимание в другую сторо-

ну. А может быть, она так долго смотрела на поступки мужа сквозь пальцы, что это давно стало привычкой.

Нину ее вмешательство обрадовало. Благодаря этому у нее появился шанс рассмотреть толпу в бальной зале, пока девушки, одна за другой, подходили к фонтану в центре, где их встречал наследный принц. Принц Расмус был среднего для фьерданца роста, с золотыми длинными волосами, но его худоба, вместе с угловатым, остроскулым лицом, производили жутковатое впечатление. Ему лишь недавно исполнилось восемнадцать, но хрупкое телосложение и неуверенность движений делали его похожим на подростка, на молодой саженец, еще не привыкший к тяжести своих ветвей.

– Принц болен? – тихо спросила Нина.

– С первого дня своей жизни, – с отвращением процедил Брум.

Редвин покачал седеющей головой.

– Гримьеры – род воинов. И лишь Джелю известно, как они породили такого слабака.

– Не говорите так, Редвин, – попросила Ильва. – Он перенес ужасную болезнь, будучи совсем ребенком. То, что он выжил, – настоящее чудо.

На лице Брума застыло непреклонное выражение.

– Было бы большим милосердием дать ему умереть.

– Вы пошли бы за этим мальчишкой в бой? – спросил Редвин.

– Нам, возможно, придется, – ответил Брум. – Когда ста-

рый король упокоится с миром.

Но от Нины не укрылся взгляд, которым он обменялся со своим боевым *товарищем.* Мог ли Брум подумывать о заговоре против принца?

Пытаясь скрыть свой интерес, Нина обратила все внимание на процессию девушек. Когда каждая из них достигала фонтана, она опускалась в реверансе перед королевской семьей, взиравшей на всех с высоты помоста, а затем еще одним реверансом приветствовала принца. Принц Расмус брал оловянный кубок с подноса в руках у слуги, окунал его в фонтан и протягивал девушке, которая делала большой глоток воды Джеля, прежде чем вернуть кубок, снова приседала в реверансе, а затем возвращалась назад тем же путем, каким пришла, – тщательнейшим образом следя, чтобы не повернуться спиной к семейству Гримьер, – и там уже ее встречали семья и друзья.

Этот странный маленький ритуал должен был означать, что Джель благословил начинающийся сезон балов и празднеств. Но монотонное шествие лишь частично привлекало внимание Нины. Все остальное было отдано толпе. Ей не потребовалось много времени, чтобы найти того, кто, по ее мнению, мог оказаться Вадиком Демидовым. Он стоял рядом с помостом, среди избранных, и Нина с гневным потрясением разглядела на нем голубую с золотом перевязь, украшенную равкианским двуглавым орлом. *Маленький Ланцов.* Он был невероятно похож на портреты, виденные ей в за-

лах Большого дворца. Может, даже чересчур похож. Неужели они нашли гриша-портного, чтобы сделать мальчишку похожим на отца Николая? И если дело в этом, тогда кто же он на самом деле? Нина собиралась подобраться к нему как можно ближе, чтобы выяснить это.

Ее взгляд скользнул дальше и столкнулся с другим. Глаза, смотревшие на нее в упор, были настолько темными, что казались двумя черными провалами. По телу Нины пробежала дрожь. Она заставила себя проигнорировать пронизывающий взгляд Апрата, сосредоточиться на разглядывании толпы, словно самый обычный любопытствующий. Но ей казалось, будто сердце сжала холодная рука. Она знала, что священник находится при фьерданском дворе, что он заключил союз, чтобы поддержать Вадика Демидова, но почему-то оказалась не готова встретить его здесь. *«Ему никоим образом не удастся узнать тебя»*, – убеждала она себя. И все же взгляд, прожигавший ее, казался всезнающим. Оставалось лишь надеяться, что такое пристальное внимание связано с ее отношением к семейству Брумов.

Тонкие пальцы Ильвы впились в Нинину руку.

– Наша очередь! – шепнула она взволнованно. Ханне следующей предстоял путь по проходу. – Ее платье идеально.

Оно было именно таким – чудесный наряд с высоким воротом, расшитый медными бусинами и длинными нитями розоватого речного жемчуга, идеально подошедший к цвету кожи и волос Ханны. Ее остриженная голова производила

шокирующее впечатление, но ее было решено не прятать под шарфом или головным убором. В сочетании с роскошным платьем и аскетичной красотой черт лица Ханны эффект получился сногсшибательным. Она походила на статую, отлитую из жидкого металла.

В ожидании возвращения предыдущей девушки Ханна принялась оглядывать залу, явно с трудом сдерживая панику. Нина не была уверена, что Ханна сможет ее разглядеть в такой толпе, но сосредоточилась на том, чтобы мысленно отправить подруге каждую частичку своей силы.

Легчайшая улыбка скользнула по полным губам Ханны, и она поплыла вперед.

– *Ulfleden*, – произнесла Ильва. – Ты знаешь, что это означает?

– Это хедьютский? – спросила Нина. Она никогда не изучала этот диалект.

Ильва кивнула.

– Это значит «волчья кровь». Среди хедьютов это комплимент, а здесь скорее наоборот. Когда ребенок растет необычным или странно себя ведет, обычно говорят «его место с волками». Это вежливый способ дать понять, что он не вписывается.

Нина сомневалась, что это можно было назвать вежливостью, но выражение очень подходило Ханне, которой всегда было лучше под вольным небом.

– Но теперь Ханна нашла свое место здесь, – с гордостью

заметил Брум, следя за тем, как изящно шагает дочь по серому ковру.

Когда она дошла до фонтана, принц Расмус протянул ей оловянный кубок и улыбнулся. Ханна приняла его, сделала глоток. Принц закашлялся, прикрыв лицо рукавом, – и не смог остановиться.

Королева подскочила с трона, немедленно принявшись звать на помощь.

Принц пошатнулся. К нему кинулась охрана. На губах королевского отпрыска была кровь; брызги ее осели на бусинах платья Ханны. Она подхватила его, и ее колени подогнулись, после чего они вместе осели на пол.

8. Николай

Как только антидот был доставлен в Полизную, Николай со спутниками простились с земенцами и поскакали в сторону Ос Альты. Адрик и Надя должны были остаться в Нежках на некоторое время.

– Насладиться пейзажем, – сказал Адрик, махнув рукой на перерытую, искореженную местность.

А Николаю нужно было время на размышления, к тому же их флайеру требовалась починка, поэтому он, Тамара и Толя решили отправиться верхом. На базе в Полизной его ждали сообщения, подтвердившие полученные ранее разведданные: при помощи земенцев генералу Раевскому удалось остановить фьерданцев под Уленском. Северные верфи и хранилища Равки серьезно пострадали от фьерданской бомбежки. К счастью, флайеры фьерданцев были слишком тяжелыми и прожорливыми, чтобы забраться дальше на юг, поэтому большинство равкианских военных объектов оставались вне досягаемости.

Победа под Нежками и Уленском подарила им шанс, время, чтобы закончить работу над ракетами, восстановить воздушный флот и, самое главное, договориться с шуханцами. Грядущее бракосочетание могло бы помочь отвлечь королеву Макхи, и, возможно, если бы ему удалось изящно разыграть эту дипломатическую карту, сделать их союзниками.

Конечно, цена непомерно высока, но ради Равки он готов ее заплатить.

Николай как раз диктовал ответ генералу Раевскому, пытаясь не обращать внимания на шум, устроенный Толей и Тамарой, которые тренировались у конюшен, когда почувствовал ее. Пережитое в Каньоне неким образом связало их, и, оборачиваясь, он уже знал, что увидит Зою, – и все же ее появление потрясло, как внезапная смена погоды. Похолодание, электрический разряд в воздухе, ощущение приближающейся грозы. Ветер развевал ее черные кудри, полы синего шелкового *кафтана* хлестали по телу.

– Ваши глаза застилает розовый туман, ваше величество, – пробормотала Тамара, вытирая пот со лба.

Толя ткнул сестру в плечо кончиком тренировочного меча.

– Тамара в этом разбирается, потому что смотрит на жену такими же глазами.

– На свою жену я могу смотреть так, как мне захочется.

– Но ведь Зоя Николаю *не* жена.

– Я все еще здесь, – вставил Николай. – И если мои глаза что и застилает, так это пыль, которую вы двое тут подняли.

Он был рад увидеть своего генерала. В этом не было ничего необычного. Ее присутствие принесло вполне объяснимое облегчение, спокойствие, пришедшее от осознания, что, какой бы ни была проблема, они справятся, что, если один споткнется, второй поддержит. Он не мог позволить, чтобы

это вошло у него в привычку, но, пока есть шанс, мог наслаждаться этим ощущением. Если бы только она снова не завязала проклятую синюю ленту.

– Слышала, тебя опять пытались убить, – поприветствовала Тамара, едва Зоя подошла.

– Не в первый и не в последний раз, – ответила Зоя. – Один из убийц все еще жив. Я отправила его в Ос Альту для допроса.

– Один из шайки Апрата?

– Полагаю, что так. Слышала, мы победили.

– Я бы скорее назвал это ничьей, – заметил Толя.

Николай дал знак, чтобы привели еще одну лошадь. Он знал, что Зоя предпочитает легконогую кобылку по прозвищу Серебрина.

– В данный момент фьерданцы не идут маршем к нашей столице, – сказал он. – Я называю это победой.

– Так наслаждайся ей, – съязвил Толя, взбираясь на своего громадного жеребца.

– Так говорят, когда понимают, что такое положение вещей не навсегда.

– Конечно, не навсегда, – согласилась Зоя. – А что навсегда?

– Истинная любовь, – предположила Тамара.

– Великое искусство, – добавил Толя.

– Настоящая обида, – продолжила Зоя.

– Да, мы выиграли время, – признал Николай. – А не вой-

ну.

Им необходимо вывести из игры королеву Макхи до того, как Фьерда предпримет очередную попытку нападения. А Фьерда предпримет, в этом Николай не сомневался.

Когда Зоя уселась в седло, они присоединились к отряду охраны и выехали за ворота. Некоторое время они ехали в тишине, не разговаривая, и лишь топот копыт и свист ветра сопровождали их в пути. Сделали остановку они только возле ручья, чтобы дать коням напиться и самим размять ноги. А затем снова пустили коней рысью. Всем хотелось поскорее добраться до столицы.

– У нас преимущество, и мы должны его использовать, – сказала Зоя, не в силах больше сдерживаться. Николай знал, что так и будет. – Фьерда не ожидала, что мы дадим такой отпор. Мы должны продолжить наступление, пока их войска ослаблены.

– Ты так жаждешь отправить на смерть хороших людей?

– Если это спасет детей этих хороших людей и бесчисленное количество прочих, я сама возглавлю наступление.

– Дай мне шанс добиться мира, – попросил Николай. – У меня талант к безумствам – позволь применить его. Дозорные отряды летают вдоль всей границы, к тому же мы усилили местные войска. Несостоявшееся вторжение должно было стать наконечником стрелы для Фьерды. Теперь эта стрела сломана, и им придется выработать другой план.

У Фьерды было два огромных преимущества: размер ар-

мии и скорость, с которой они создавали танки. Николай не мог не признать и того, что танки отлично сконструированы. Они, правда, нередко взрывались из-за топлива, но были прочнее и быстрее, чем те, что собрали его инженеры в своих мастерских, пусть даже и при участии гришей-фабрикаторов.

– Мины Давида не смогут выиграть для нас много времени, – сказала Тамара. – Как только фьерданцы поймут, как отслеживать металлы в земле, они прочешут всю границу.

– Граница длинная, – заметил Толя.

– Точно, – согласился Николай. – И дыр в ней больше, чем в зубах моей тетушки Людмилы.

Зоя кинула на него недоверчивый взгляд.

– У тебя на самом деле *была* тетушка Людмила?

– Еще как была. Страшная женщина. Обожала читать нам мораль и считала лакричные леденцы угощением. – Он содрогнулся. – Да пребудут с ней святые.

– В общем, речь о том, что времени у нас совсем мало, – подытожил Толя.

Тамара щелкнула языком.

– Надеюсь, его хватит, чтобы заключить союз с шуханцами.

Николаю не хотелось думать о том, что в это время может пойти не так.

– Так вознесем же наши молитвы всем святым и духам наших усопших злобных тетушек.

– Если бы только нам удалось поднять в воздух побольше флайеров, все это было бы совсем неважно, – сказала Тамара.

Но, как и на все остальное, на это требовались деньги. А еще им не хватало обученных пилотов.

Зоя нахмурилась.

– Все вообще *станет* неважным, если нам придется вести войну на два фронта. Нам нужен мир с шуханцами.

– Механизм уже запущен, – сказала Тамара. – Но если принцесса Эри не согласится…

– Она согласится, – пообещал Николай с гораздо большей уверенностью, чем чувствовал на самом деле.

– Фьерданцы могут собраться намного быстрее, чем мы надеемся, – сказала Тамара. – И Западная Равка все еще может принять решение об отделении.

И она была права. Но, возможно, их успехи на границе помогут Западной Равке вспомнить, что нет востока или запада, есть одна страна – страна с друзьями и ресурсами.

Толя накинул поводья на луку седла, чтобы заплести свои длинные черные волосы.

– Если фьерданцы на самом деле решатся на опрометчивый шаг, поддержит ли их Керчия?

Все посмотрели на Зою.

– Думаю, Торговый совет разделится, – сказала она наконец. – Хайрем Шенк вовсю кичился тем, что Керчия стремится соблюдать нейтралитет, к тому же они всегда пред-

почитали тайные операции открытому противостоянию. Но когда перед ними во всей красе предстанет полная картина нашего предательства в истории с земенцами…

– Предательство кажется мне неподходящим словом, – заметил Николай.

– Двойная игра? – предложила Тамара. – Обман?

– Я не *лгал* Керчии. Они хотели технологию, которая сделала бы их владыками морей. Они ничего не говорили про небо. И вообще, требовать в единоличное пользование сразу две стихии – верх жадности.

Зоя вздернула брови.

– Ты забыл, что в Керчии жадность – добродетель.

Они перевалили через гребень, и вдали показались знаменитые двойные стены Ос Альты. Ее называли Городом мечты, и глядя на белоснежные башни издали, не видя переполненных улиц нижнего города и претенциозных кварталов верхнего, в это было легко поверить.

Тамара, потягиваясь, привстала в стременах.

– Керчийцы могут тайком предложить свою поддержку Вадику Демидову.

– Маленькому Ланцову, – пробормотала Зоя.

– Он, что, низкорослый? – спросил Николай.

Тамара рассмеялась.

– Никому прежде не приходило в голову спросить. Но он *действительно* молод. Недавно отметил двадцатилетие.

На самом деле Николаю стоило задать совсем другой во-

прос.

– А он правда Ланцов?

– Мои источники не могут ни подтвердить это, ни опровергнуть, – ответила Тамара. Она создала разведывательную сеть Равки, вербуя шпионов среди потенциальных дезертиров и готовя солдат и гришей, которых потом перекраивали, чтобы отправить работать под прикрытием, но в их системе сбора информации все еще хватало дыр. – Надеюсь, Термиту с этим повезет больше.

Николай заметил, как Зоя при этих словах поджала губы. Она так до конца и не простила ему, что он позволил Нине остаться в Ледовом Дворе, но не могла оспорить ценность сведений, полученных из этого источника.

Они миновали ворота и начали неторопливо подниматься вверх по холму, через рынок, затем через мост, проехав по которому они оказались среди красивых домов и парков верхнего города. Люди махали Николаю и его спутникам, кричали:

– Победа за Равкой!

Новости об их успехах под Нежками и Уленском уже просочились. *«Это только начало»*, – хотелось ему предостеречь полных надежды людей, высыпавших на улицы и высунувшихся из окон. Но он лишь улыбался и махал в ответ.

– Большую часть рода Ланцовых уничтожили на той злосчастной вечеринке по поводу моего дня рождения, – сказал Николай, не переставая махать. Он не любил вспоминать ту

ночь, когда Дарклинг напал на столицу. Пусть ему не особо нравился его брат Василий, но увидеть его смерть он оказался совсем не готов. – Но, возможно, остались неизвестные родственники.

– И что, Демидов – один из них? – уточнил Толя.

Тамара пожала плечами.

– Он утверждает, что происходит из семейства князя Лимлова.

– Я, помнится, гостил у них, когда был ребенком, – сказал Николай.

– Там был мальчик по имени Вадик? – спросила Зоя.

– Да. Маленький паршивец, любивший мучить кошку.

Тамара фыркнула.

– Похоже, теперь у него планы на дичь покрупнее.

Может быть, этот парень и был из Ланцовых. А может, он был сыном камердинера. Возможно, он действительно имел право на трон, а возможно, был просто пешкой. Почему имя должно было дать ему какие-то права на престол Равки? И все же оно давало. То же самое можно было сказать о Николае. Он не был королем потому, что умел строить корабли или выигрывать битвы. Он был королем потому, что в нем, предположительно, текла кровь Ланцовых. Его мать была фьерданской принцессой, младшей дочерью, отосланной из дома, чтобы заключить очередной договор с Равкой, который никто не собирался соблюдать. А настоящий отец Николая? Что ж, если верить его матери, он был фьерданским

корабельным магнатом из простого сословия по имени Магнус Опьер – тот самый человек, который не так давно отдал врагам Николая любовные письма его матери. Плохо было уже то, что Опьера ничуть не заботил незаконнорожденный сын, которого он породил, зачем же подливать масла в огонь, пытаясь лишить его отличного местечка на троне? Это говорило о полном отсутствии манер.

Николай отправил родителей в изгнание в южные колонии Керчии во время гражданской войны. Решение далось ему нелегко. Но его отец не был любим в народе, и солдаты были готовы дезертировать, лишь бы не вставать под его знамена. Когда стали известны все подробности его преступлений против Жени Сафиной, Николай дал отцу выбор: предстать перед судом по обвинению в насилии или сложить корону и отправиться в вечное изгнание. Совсем не так мечтал Николай стать королем, к тому же он понимал, что, скорее всего, никогда не сможет решить, прав был или нет.

Они миновали мост и выехали на Герский проспект, где в скверах прогуливались пары и няни катали коляски с малышами. Это место казалось невообразимо далеким от залитого грязью поля боя, которое они оставили позади. Но потерпи они поражение под Нежками и Уленском, прямо сейчас по этим красивым улицам и зеленым паркам катили бы фьерданские танки.

Дворцовые ворота, украшенные золотым двуглавым орлом, распахнулись перед ними, и только когда они лязгну-

ли, закрываясь за из спинами, Николай смог облегченно выдохнуть. Бывали времена, когда он с трудом выносил все эти ухоженные клумбы, похожие на свадебный торт ярусы террас и повсеместную позолоту, украшавшую Большой дворец. Его смущала эта избыточная роскошь и приводила в ужас необходимость ее содержать. Но, в последний раз покидая дворец, он был совсем не уверен, что вернется. Он был рад, что остался в живых, рад, что самые близкие его друзья целы и невредимы, рад холодному зимнему ветру и похрустыванию гравия под копытами Изюмчика.

Когда они достигли ступеней дворца, появились слуги, готовые принять лошадей.

– Ростик, – поприветствовал он грума. – Как поживают мои любимые члены королевского семейства?

Грум улыбнулся.

– Игрунок повредил заднюю ногу на прошлой неделе, но мы его сразу же вылечили. Изюмчик вас порадовал?

Николай нежно похлопал коня по холке.

– Я считаю, что он великолепно проявил себя.

Тут раздался резкий хлопок, словно пробка вылетела из бутылки, за ним еще один. Откуда-то из дворца донесся крик.

– Выстрелы! – вскинулась Тамара.

Николай пихнул грума себе за спину и достал один из револьверов.

– Пригнись, – велел он Ростику.

Толя с Тамарой встали бок о бок с ним, а Зоя вскинула руки в боевую стойку. Королевская стража выстроилась у начала лестницы.

– Николай, – окликнул Толя, – нам нужно уходить отсюда. На озере пришвартованы флайеры.

Но Николай не имел намерения бежать.

– Кто-то проник в мой дом, Толя. Они стреляют в моих людей.

– Ваше величество…

– Святые сохрани, – выдохнула Зоя.

Отряд Тавгарадов высыпал на лестницу, на ходу выстраиваясь в боевом порядке.

Их было одиннадцать, все женщины, в черных мундирах с нашитыми соколами из сердолика. Двое успели забрать ружья у дворцовой стражи, но и те, что были безоружными, оставались одними из самых опасных бойцов в мире.

– Эри, что вы делаете? – осторожно спросил Николай.

Принцесса Эри Кир-Табан стояла в центре этой группы в зеленом бархатном платье и плаще – дорожной одежде. Это оказалась не очередная попытка убийства. Это было нечто совсем другое.

Острый подбородок Эри был решительно поднят.

– Николай Ланцов, мы больше не будем вашими пленниками.

– Так, значит, в ухаживаниях ты преуспеваешь? – шепнула Зоя.

– Понятно, – медленно произнес Николай. – И куда же вы планируете отправиться?

– Домой, – заявила принцесса.

– А как вашим друзьям удалось выбраться на волю?

– Я… – Ее голос дрогнул. – Я ударила охранника. Сомневаюсь, что я убила его. Все остальное было легко.

Это была вина Николая. Он держал Тавгарадов за решеткой в дворцовых подземельях, но предоставил Эри возможность свободно перемещаться по дворцу и саду. Ему не хотелось, чтобы она чувствовала себя пленницей. И теперь он подозревал, что как минимум двое его стражников мертвы, а ему так не хотелось больше видеть насилие в этот день.

Николай убрал револьвер в кобуру и шагнул вперед, подняв руки вверх.

– Пожалуйста, – попросил он. – Ведите себя разумно, принцесса. Вы не можете надеяться на то, что вам удастся сбежать. Вы слишком далеко от Сикурзоя.

– Вы обеспечите нас транспортом. Вы не можете причинить нам вред, не вызвав гнев моей сестры и всего Шухана. Свадьба, которой вы так ждете, это обман и фарс.

– С этим не поспоришь, – согласился Николай. – Но разве я был к вам жесток? Плохо с вами обращался?

– Я… Нет.

Одна из Тавгарадов метнула взгляд на другую. Демон внутри него зарычал. Что-то шло не так. Он упускал что-то прямо у себя под носом.

Одна из вооруженных Тавгарадов положила оружие не землю, но едва ли это можно было расценить как мирный жест. Ее лицо было словно вытесано из камня.

– Что это за запах? – спросила Зоя.

– Я ничего не чую, – сказал Толя.

Зоя шевельнула пальцами, и с лестницы на них повеяло легким ветерком.

– Жидкость для розжига, – сказала Тамара, подбираясь поближе к лестнице. – Ей пропитана вся их одежда.

Понимание, смешанное с ужасом, накрыло его волной. Они же не могут…

– Освободите нас! – потребовала Эри. – Королева Макхи ни за что не потерпит…

– Эри, отойдите от них, – велел он, глядя, как одна из Тавгарадов сует руку в карман. – Это не побег. Это…

– Я никогда…

– Эри!

Но было слишком поздно. Та из Тавгарадов, что отложила ружье, крикнула что-то на шуханском. Николай заметил спичку у нее в руке.

Одна за другой Тавгарады вспыхивали, становясь живыми факелами, брызжущими огнем. Все произошло слишком быстро, как резкий удар по клавишам, как внезапный обреченный взмах.

– Нет! – крикнул Николай, кидаясь вперед. Он видел потрясенное лицо Эри, огонь, охватывающий ее юбки, раскры-

тый в крике рот.

Зоя действовала без промедления, сбив разбушевавшееся пламя ледяным порывом ветра. Но этого было недостаточно. Жидкость, которой Тавгарады облили свою одежду, оказалась слишком эффективной. Эри каталась по земле, крича от боли. Остальные лежали на ступенях кучами обугленной плоти и пепла. Слуги рыдали от ужаса, а дворцовые стражи потрясенно застыли.

Ладони и руки Николая жутко обгорели, там, где он касался Эри, куски одежды пристали к дымящейся плоти. Но по сравнению с состоянием принцессы это были мелочи. Ее кожа обгорела до черноты, а там, где огонь успел сожрать верхнюю часть плоти, все было красным и влажным. Николай чувствовал жар, исходящий от ее тела. Она тряслась и захлебывалась криком, прерывавшимся конвульсиями, которыми тело реагировало на шок.

– Тамара, замедли ей пульс и погрузи в кому, – приказал Николай. – Толя, приведи целителя.

Крики Эри стихли, стоило Тамаре присесть рядом и взяться за дело.

– Зачем они это сделали? – спросила Зоя, и лицо ее исказилось при виде последствий этой внезапной бойни – обгорелых, окровавленных, изломанных тел, которые еще мгновение назад были женщинами.

Руки Тамары дрожали, пока она нащупывала пульс Эри.

– Мы дали ей слишком много свободы. Мы должны были

держать ее в подземельях, а Тавгарадов вообще отправить в военную тюрьму в Полизной.

– Она не знала, – выдавил Николай, глядя на израненное тело Эри с едва заметно вздымающейся грудной клеткой. Нужно было доставить ее в лечебницу. – Она не знала. Я понял это по ее лицу. Жидкость для розжига была только на подоле ее платья.

– Где они вообще ее достали? – удивилась Зоя.

Николай покачал головой.

– На кухнях, когда сбежали из тюрьмы? А может, сделали сами?

Тамара поднялась, едва появился Толя с носилками, в сопровождении двух корпориалов в красных *кафтанах*. На их лицах было смятение, но, если кто и мог исцелить Эри, так это только гриши.

Николай стоял на ступенях, окруженный мертвыми телами, и смотрел, как Эри в сопровождении двух хранителей исчезает в направлении Малого дворца.

– Но почему? – снова повторила Зоя.

– Потому, что это Тавгарады, – ответила Тамара. – Потому, что они служат королеве до самой смерти. А Эри не королева.

9. Зоя

Зоя устроилась у окна в спальне Николая, глядя, как зимний ветер играет в дворцовом саду, заставляет голые ветви деревьев скрипеть и вздыхать, словно смиряясь с приходом темных времен. В это время года сад, все еще не укрытый снегом, выглядел ужасно уныло. Эри забрали в Малый дворец, где она должна была находиться под присмотром тех же целителей-гришей, которые вернули ее двойника, Майю Кир-Каат, практически с того света всего несколькими неделями раньше.

Зоя слышала, как за ее спиной Николай судорожно втянул воздух. Он лежал на кровати, прямо поверх покрывала, пока целитель занимался его ожогами. Еще на месте он обработал его руки, которые пострадали сильнее всего, но на все остальное требовалось гораздо больше времени.

Зоя подошла к нему.

– Ты что, не можешь дать ему что-нибудь от боли?

– Я дал ему самое сильное лекарство из всех, что у меня есть, – ответил целитель. – Если принять еще что-нибудь, он может просто не проснуться. Я мог бы погрузить его в кому, но…

– Нет, – выдохнул Николай, распахнув глаза. – Ненавижу это чувство.

И Зоя знала почему. Когда он боролся с демоном, она ме-

сяцами поила его мощным сонным зельем, чтобы он спал всю ночь. Он тогда сказал, что по ощущениям это было похоже на смерть.

Целитель наполнил миску каким-то резко пахнущим раствором.

– Было бы проще, будь он под наркозом. Нельзя, чтобы он шевелился, пока я работаю.

Зоя присела на кровать рядом с Николаем, стараясь не задеть его.

– Ты должен лежать спокойно, – прошептала она.

– Не уходи.

Он прикрыл глаза и сжал ее руку в своей. Зоя знала, что целитель все видит, понимала, что он, возможно, начнет распускать сплетни. Но сплетни она могла пережить. Святые свидетели, она сталкивалась с вещами и похуже. И, возможно, ей самой нужно было ощутить его руку в своей после того потрясения, которое они сегодня пережили. Видение горящих заживо женщин никак не хотело покидать ее.

– Вам не стоит при этом присутствовать, – заметил целитель. – Зрелище отвратительное.

– Я никуда не уйду.

Целитель вздрогнул, и Зоя задумалась, не вылез ли опять на свет дракон, мелькнув серебром в глазах. Что ж, пусть посплетничают и об этом тоже.

Николай вцепился в Зою, едва целитель начал удалять обгоревшую плоть с его рук. Только после этого можно было

начать восстанавливать кожные покровы. Казалось, процесс – сперва одна рука, за ней другая – растянулся на много часов. Стоило Зое отлучиться от кровати короля – взять прохладный компресс ему на голову, зажечь лампы, чтобы целителю хватало света, – как Николай тут же открывал глаза и бормотал: «Где мой генерал?»

– Я здесь, – отвечала она снова и снова.

Когда целитель закончил работу над обожженными руками короля, на них не осталось даже волоска, но вот шрамы на ладонях – прожилки теней, оставленные Дарклингом, – никуда не делись.

– Ему нужен отдых, – сказал целитель, поднимаясь и распрямляя спину после отлично выполненной работы. – Повреждения были довольно поверхностными.

– А принцесса Эри? – спросила Зоя.

– Я не знаю. Ее ожоги значительно более серьезны.

Целитель ушел, и Зоя принялась ждать, пока дыхание Николая станет глубоким и ровным. Наступили сумерки. В саду зажгли фонари, похожие на скопления звезд, раскиданные по окрестностям. Она скучала по этой комнате и по тому, каким Николай был в этой комнате, когда позволял мантии королевского авторитета скользнуть с плеч, по тому, как он доверял ей, погружаясь в сон под ее присмотром. Ей нужно было вернуться в Малый дворец, проверить, как там принцесса Эри, поговорить с Тамарой, разработать план. Но, возможно, это последний раз, когда она видит его таким.

Наконец она поднялась и погасила лампы.

– Не уходи, – попросил он сквозь сон.

– Мне нужно помыться. От меня пахнет горелым лесом.

– От тебя пахнет полевыми цветами. Как обычно. Что мне сказать, чтобы заставить тебя остаться?

Его слова превратились в невнятное бормотание, и он снова погрузился в сон.

«Скажи, что ты говоришь мне эти слова не только из-за войны и тревог. Скажи, что они могли бы означать, не будь ты королем, а я – твоим солдатом». Но на самом деле она не желала ничего из этого слышать. Сладкие слова и обещания были для других людей, для другой жизни.

Она убрала прядь волос, упавшую Николаю на лицо, и поцеловала его в лоб.

– Я бы осталась навсегда, если бы могла, – шепнула еле слышно. Он все равно ничего не вспомнит.

Несколько часов спустя Зоя сидела в своей гостиной, полной людей. Она никого не приглашала; они сами собрались здесь, устроившись у камина и попивая сладкий чай. И, видят святые, она была этому рада. Обычно она тщательно оберегала свое уединение, но сегодня нуждалась в компании.

Несмотря на принятую ванну, ей казалось, что запах смерти пристал к ней – к ее волосам, к ее одежде. Она свернулась калачиком рядом с Женей, на диване у огня. Его подушки были вышиты парчовой нитью, и обычно она не позволяла

людям забираться на него с ногами, но сегодня ей было абсолютно все равно. Она отхлебнула из кружки приличный глоток подогретого вина. Чая ей сегодня было недостаточно.

Давид и Надя устроились за круглым столом в центре комнаты. Он раскладывал небольшие аккуратные стопки бумаги в, вероятно, очень важном порядке и с головой погрузился в ряды сложных вычислений. Время от времени он передавал какую-нибудь бумагу Наде, которая работала над собственными расчетами, уместив ноги на коленях Тамары. Толя сидел на коврике у выложенного плиткой камина и смотрел на огонь. Сцена была бы более чем уютной, но ужас произошедшего этим утром навис над ними черной тучей.

Женя изучала свои эскизы свадебного платья традиционно золотого цвета, с дополнением в виде расшитого драгоценностями кокошника. Она выбрала один.

– Это не слишком?

Зоя коснулась пальцами искусно разрисованного подола платья.

– Для королевской часовни? Нет. Чем больше блеска, тем лучше.

В часовне было довольно мрачно.

– Я понимаю, – сказала Женя. Она поправила повязку на отсутствующем глазу. – Если бы только мы могли провести церемонию в саду.

– В середине зимы? – спросил Николай, заходя в гостиную и направляясь сразу к графину с вином, стоящему на боко-

вом столике. Выглядел он так, словно недавно и не лежал раненый, совершенно беспомощный. Он принял ванну, надел свежий костюм. И теперь просто излучал уверенность. – Ты хочешь заморозить всех приглашенных насмерть?

– Что ж, это был бы неплохой способ выиграть войну, – предположила Женя.

– Тебе не стоит пить вино, – укорила Зоя. – Твой организм еще не успел очиститься от обезболивающего.

Николай наморщил нос.

– Тогда, полагаю, мне придется пить чай, словно какой-нибудь пожилой даме.

– В чае нет ничего плохого, – возразил Толя.

– Я далек от того, чтобы вступать в споры с великаном размером с гору. – Николай налил себе чаю и принялся рассматривать бумаги, лежащие на столе. – Это все расчеты для нашей системы запуска? – Давид кивнул, не отрываясь от бумаг. – И как они продвигаются?

– Никак.

– Почему?

– Меня все время отвлекают, – многозначительно сказал Давид.

– Чудесно. Приятно знать, что я тоже внес свой вклад.

Николай устроился в огромном кресле рядом с камином. Зоя видела, что он пытается собраться с мыслями, чтобы подколоть Давида или восславить преимущества, которые дадут им новые ракеты против фьерданцев. Но даже неисся-

каемый оптимизм Николая пасовал перед тем, что они увидели сегодня на дворцовой лестнице.

Наконец он опустил свою чашку на колено и сказал:

– Помогите мне понять, что произошло этим утром.

Тамара с Толей обменялись взглядами.

– Это было послание от королевы Макхи, – сказала Тамара.

– Так она *не* одобряет свадьбу? Могла бы просто выразить сожаления по этому поводу в письме.

– Она сделала ход, – продолжила Тамара. – И почти выиграла. Если бы ей удалось убить Эри, у нее появился бы и повод развязать войну, и возможность хорошо обыграть свой план покушения на тебя.

– Нам было бы чертовски нелегко, если бы пришлось объяснять все произошедшее как есть, – добавила Зоя. – Как бы мы объяснили смерти восьми важных заключенных, находившихся на нашем попечении?

– Эри видела, что произошло, – спокойно сказал Толя. – И от нее зависит, скажет ли она правду. Всю правду.

– Всю, – повторила Тамара.

Надя положила ручку на стол и взяла жену за руку.

– Вы полагаете, что королева Макхи действительно прибудет на свадьбу?

– Прибудет, – заверила Тамара. – Но я бы не стала исключать возможности того, что она использует этот визит для какой-нибудь провокации. Она коварный тактик.

– Хорошая королева, – заявила Зоя.

– Да, – не стала спорить Тамара. – Или, лучше сказать, решительная. Ее мать проводила политику запретов в отношении экспериментов над гришами и даже начала наделять их определенными правами в обмен на согласие служить в армии или работать на государство.

– Как в Равке, – сказал Николай.

Толя кивнул.

– Пусть гришам по-прежнему не разрешалось владеть никакой собственностью или занимать государственные посты, но начало было весьма неплохим.

– Там нас никогда не считали неправильными, – продолжила Тамара, – просто опасными. Но не все поддержали реформы. Некоторым шуханцам не по вкусу пришлась идея, что гриши могут считаться обычными людьми.

– Так Макхи тоже не нравилась политика ее матери? – спросил Николай.

Теперь Тамара нахмурилась. Она взяла свою и Надину чашки и направилась к сервировочному столику, чтобы наполнить их.

– Еще до того, как получила корону, Макхи высказывала собственные идеи того, как укрепить Шухан. Когда изобрели *юрда-парем*, у нее был выбор. Она могла бы попытаться сохранить все в секрете, уничтожив Бо Юл-Баюра. Вместо этого Макхи решила восстановить старые лаборатории и начать использовать *парем* как оружие.

– Именно это привело к появлению *кергудов*, – подхватил Толя, и голос его был полон скорби, как у человека, указывавшего на пробоину в судне, а затем ставшего свидетелем кораблекрушения. *Вот когда все пошло не так.*

Кергуды были самым смертоносным оружием Шухана, хотя правительство никогда и не признавало их существования официально. Они были перекроены портными-гришами под воздействием *парема,* получив в процессе обострение всех чувств, а также укрепленный и отчасти измененный скелет. Некоторые даже могли летать. Зоя вздрогнула, вспомнив, как ее оторвали от земли, как сомкнулись на ней стальными обручами руки *кергуда*.

Тамара поставила полные чашки на стол, но садиться не стала. Она возглавляла разведывательную службу Николая. И знала лучше, чем кто-либо из присутствующих, что творили с гришами под руководством и с благословения Макхи.

– Создание *кергудов*… – Она замялась. – Это процесс проб и ошибок. Гриши, которых приводят в лаборатории, считаются добровольцами, но…

– Нам-то лучше знать, – прорычал Толя.

– Именно, – согласилась Тамара. – Выбор, предоставляемый этим гришам, в основном иллюзорный. Власть, которой наделено правительство Табан, слишком близка к абсолютной.

– Так, значит, это и не выбор вовсе, – подытожила Женя.

Толя пожал плечами.

– Именно таким образом Дарклинг собрал свою Вторую армию.

Услышав это, Зоя ощетинилась.

– Вторая армия была убежищем.

– Может, для кого-то и так, – не стал спорить Толя. – Дарклинг забирал гришей у родителей, когда они были еще совсем детьми. Они учились забывать родные места и тех, кого когда-то знали. Они служили короне, чтобы не пострадали их семьи. Разве это выбор?

– Но экспериментов на нас не ставили, – возразила Зоя. «*А некоторые из нас были просто счастливы забыть родителей*».

– Нет, – подтвердил Толя, устраивая свои огромные ладони на коленях. – Вас просто сделали солдатами и отправили сражаться в чужих войнах.

– Не скажу, что он не прав, – сказала Женя, вглядываясь в свой бокал. – Разве вы никогда не задумывались, какой была бы наша жизнь, не окажись мы в Малом дворце?

Зоя откинула голову на шелковую спинку дивана. Да, она задумывалась. Когда она была маленькой, эти мысли преследовали ее в кошмарных снах, заставляя просыпаться с криком. Она закрывала глаза и видела себя, идущую между рядами скамей. Видела тетушку, истекающую кровью на полу. А еще в этих снах всегда была ее мать, подталкивающая Зою вперед, озабоченная тем, чтобы дочь не наступила на подол своего маленького подвенечного платья золотого цве-

та, и отец, молча сидящий на скамье. Он тогда опустил голову, вспомнила Зоя. Но не сказал ни слова в ее защиту. И лишь Лилиана осмелилась возразить. Но Лилиана уже давно умерла. Была убита Каньоном и непомерными амбициями Дарклинга.

– Да, – сказала Зоя. – Я думаю об этом.

Тамара пробежала рукой по своим коротким волосам.

– Наш отец пообещал матери, что у нас будет выбор. Поэтому после ее смерти он отвез нас в Новый Зем.

Был бы этот путь лучше? Может быть, и Лилиане стоило посадить ее на корабль, чтобы пересечь Истиноморе, вместо того чтобы приводить ее к воротам дворца, где обучали гришей. Николай положил конец обычаю разлучать маленьких гришей с родителями. Не существовало никаких правил, обязывающих забирать детей из их домов. Но для гришей, у которых не было дома, для тех, кто никогда не чувствовал себя в безопасности там, где всегда должно быть безопасно, Малый дворец всегда был убежищем, местом, где можно укрыться. И Зоя должна была уберечь это место, что бы ни устраивали фьерданцы, шуханцы или керчийцы. И, возможно, когда завершится эта нескончаемая война, наступит будущее, в котором гришам не нужно будет жить в страхе, в котором они сами перестанут вызывать страх, в котором «солдат» станет для них лишь одним из возможных путей.

Она поднялась и встряхнула свои браслеты. Хотелось и дальше сидеть у огня, спорить с Толей, рассматривать Же-

нины наброски и наблюдать, как Николай хмуро всматривается в свой чай. И именно поэтому пришла пора уходить. Времени на отдых не было. По крайней мере, пока ее страна и народ не будут в безопасности.

– Ваше величество? – позвала она. – Мы и так слишком долго откладывали.

Николай поднялся на ноги.

– По крайней мере, не придется больше пить чай.

– Нужна компания? – спросила Женя.

Зое она была нужна. Ей бы хотелось, чтоб за спиной стояла целая армия. Но она видела, как Женя сжала в руках свои наброски, как Давид кинул на нее встревоженный взгляд, ведь лишь желание защитить жену могло оторвать его от работы.

– Когда ты будешь готова, – спокойно ответила Зоя. – Не раньше. – Она хрустнула костяшками пальцев. – Кроме того, – добавила она, уже выплывая из комнаты, – этому платью необходим подобающий шлейф. Мы же не хотим, чтобы королева Шухана сочла нас деревенщинами.

– Это был правильный поступок, – сказал Николай, когда они шли по дворцовому парку в сторону старого зверинца. Поднималась полная луна.

Зоя комплимент проигнорировала.

– Почему здесь все не может быть так же просто, как на войне? Противники встречаются в честном поединке. Но нет, наш противник – какая-то чудовищная зараза.

– Равка заставляет оставаться в тонусе, – сказал Николай. – Разве тебя не радуют новые испытания?

– Меня радует возможность вздремнуть, – отрезала Зоя. – Я уже и не помню, когда в последний раз мне позволяли выспаться.

– Ни в коем случае. Целая ночь крепкого сна приведет тебя в благодушное настроение, а ты нужна мне в сильнейшем раздражении.

– Продолжай молоть чепуху и сможешь увидеть его собственными глазами.

– Святые угодники, так ты утверждаешь, что сильнейшей степени твоего раздражения я до сих пор не видел?

Зоя перекинула волосы на спину.

– Не видел, иначе сидел бы тихонько под одеялом, бормоча молитвы.

– Неординарный способ затащить меня в постель, но кто я такой, чтобы оспаривать твои методы.

Зоя демонстративно закатила глаза, но на самом деле была благодарна за этот отвлекающий обмен колкостями. Это было безопаснее, проще, ничуть не напоминало тишину его спальни и их соединенные руки. А что она станет делать, когда Николай женится и между ними стеной встанут приличия?

Она выпрямила спину и потуже затянула ленту в волосах. С этим она справится, как всегда. В конце концов, она боевой генерал, а не жеманная девчонка, чахнущая от недостат-

ка внимания.

Старый зверинец расположился в небольшой рощице в западной части дворцовых владений. Его забросили много поколений назад, но почему-то здесь до сих пор пахло зверями, которых держали в неволе. Зоя как-то разглядывала ветхие иллюстрации: леопарда в драгоценном ошейнике, лемура в бархатном жилете, показывающего трюки, белого медведя, привезенного из Цибеи и покалечившего трех смотрителей, прежде чем ему удалось сбежать. Его так и не поймали, и Зоя надеялась, что он смог добраться до дома.

Зверинец был построен в форме гигантского круга, состоящего из клеток решетками наружу, которые практически целиком заросли ежевикой. В центре возвышалась башня, на вершине которой когда-то располагался вольер для хищных птиц. Теперь он стал домом для другого хищника.

Взбираясь по лестнице следом за Николаем, Зоя чувствовала, как внутри пробуждается древняя сущность – размышляя, рассчитывая. Казалось, к жизни ее всякий раз пробуждает Зоин гнев или страх.

«Каньон разрастается. Николай произнес это так буднично, словно говорил о погоде. *Я слышал, на завтра обещают дождь.*

Каллы снова в цвету.

Ничто медленно поглощает наш мир, и мы должны найти способ остановить это. Еще чаю?»

Но так было всегда. Мир вокруг мог рушиться на куски,

а Николай Ланцов, придерживая потолок одной рукой, другой небрежно стряхнет пылинку с лацкана, когда все пойдет прахом.

Они с Зоей тщательно строили эту тюрьму, оставив от птичника лишь каркас. Стены здесь теперь были полностью стеклянными, позволяющими солнечным лучам освещать камеру целый день. А по ночам свет поддерживали солнечные солдаты, наследники Алины Старковой, многие из которых сражались с Дарклингом в Каньоне. Со всех них взяли клятву неразглашения, и Зоя надеялась, что они ее не нарушат. Дарклинг воскрес в новой жизни без прежних своих сил – или так казалось на первый взгляд. Они не хотели рисковать.

Когда дверь открылась, пленник поднялся со своего места на полу, двигаясь с таким изяществом, которого в Юрии Веденине никогда не было. Юрий, молодой монах, проповедовавший Евангелие от Беззвездного святого, возглавил культ, который славил Дарклинга. Они верили в то, что Беззвездный принял мученическую смерть в Каньоне и что он воскреснет. И к величайшему удивлению Зои, Юрий и его помешанные фанатики в черных хламидах, восхвалявшие мертвого диктатора, оказались правы: Дарклинг воскрес. Его сила наполнила тело самого Юрия, и теперь… Зоя не знала, кем или чем является этот человек. На узком лице с бледной гладкой кожей мерцали серые глаза под темными бровями. Длинные черные волосы отросли почти до ключиц. Он был

одет лишь в темные брюки, грудь и ступни оставались голыми. Тщеславен, как всегда.

– Визит королевских особ. – Дарклинг изобразил едва заметный поклон. – Польщен.

– Надень рубашку, – потребовала Зоя.

– Тысяча извинений. Здесь жарковато из-за постоянного солнечного света. – Он накинул на плечи домотканую рубашку, которую Юрий носил под монашеской рясой. – Я бы предложил вам присесть, но… – Он обвел рукой пустую комнату.

Мебели здесь не было. Не было книг, которые помогли бы убить время. Был лишь проход в соседнюю камеру, где он мог помыться и справить нужду. Между лестницей и уборной расположились еще две двери, запертые на мощные замки.

Новая резиденция Дарклинга была пуста, но вид из нее открывался отличный. Сквозь стеклянные стены Зоя могла разглядеть территорию дворца, крыши и сады верхнего города, огни на судах, плывущих по опоясывающей его реке, и лежащий дальше нижний город. Ос Альта. Столица стала ее домом с тех пор, как ей исполнилось девять, но Зое крайне редко удавалось взглянуть на нее с такого ракурса. Она почувствовала, как закружилась голова, и тут вспомнила. Конечно. Этот город был знаком ей, как и его окрестности. Она когда-то уже пролетала над ним.

Нет. Не она. Дракон. У него было имя, известное лишь

ему самому и, когда-то очень давно, ему подобным, но сейчас оно не хотело всплывать в памяти. Хоть и вертелось прямо на кончике языка. Это злило.

– Я всегда рад компании, – заявил Дарклинг.

Зоя ощутила внезапный всплеск его злобы, ярости из-за того, что его пленили, – гнев Дарклинга. Присутствие дракона в ее голове делало ее уязвимой. Она втянула в себя воздух, заставляя мысли вернуться сюда, в эту странную стеклянную тюрьму, ощутить каменный пол под своими ногами. *«Что бы ты узнала,* – голос Юриса или ее собственный? – *чему бы смогла научиться, если бы только позволила себе открыть эту дверь?»*

Еще один вдох. «*Я – Зоя Назяленская, и меня начинает серьезно раздражать эта вечеринка в моей голове, ты, старая ящерица*». Она могла поклясться, что в ответ раздался смешок Юриса.

Николай прислонился к стене.

– Прости, что не навещаем чаще. Идет война и, знаешь, ты никому не нравишься.

Дарклинг приложил руку к груди.

– Твои слова ранят меня.

– Всему свое время, – вмешалась Зоя.

Дарклинг поднял бровь. Легкая улыбка коснулась его губ – вот в этом выражении лица она ясно увидела того человека, которого помнила.

– Знаешь, она меня боится.

– А я нет.

– Она не знает, что я стану делать. Или что я могу.

Николай махнул одному из солнечных солдат, чтобы принесли стулья.

– Может, она боится того, что о ней в ее присутствии станут говорить так, словно ее тут нет.

Они все уселись. Каким-то образом Дарклинг, даже сидя на обшарпанном стуле, казался сидящим на троне.

– Ненавижу быть предсказуемым, – обратился к Зое Николай. – Может, нам сейчас уйти? Пусть понервничает?

– Он знает, что мы не уйдем. Знает, что нам что-то нужно.

– Я это почувствовал, – поддержал Дарклинг. – Тень наступает. Каньон разрастается. И ты тоже это чувствуешь, правда, Ланцов? Эту силу, впитавшуюся в мои кости, силу, все еще просачивающуюся в твою кровь.

По лицу Николая скользнула тень.

– А самое главное, это та сила, которая создала Каньон.

– Говорят, некоторые теперь называют это чудом.

Зоя поджала губы.

– Не бери в голову. В наши дни чудесами зовут все подряд.

Дарклинг склонил голову набок, разглядывая их обоих. Под тяжестью его взгляда Зое захотелось с разбега пробить одну из стеклянных стен, но она не подала вида.

– В этом месте у меня появилась масса времени, чтобы поразмышлять, чтобы вспомнить свою долгую жизнь. Я допустил множество ошибок, но всегда находил новый путь,

новый способ двигаться к своей цели.

Николай кивнул.

– Не считая этого маленького недоразумения с твоей смертью.

Теперь помрачнел Дарклинг.

– Оглядываясь назад в попытке понять, когда же все пошло не так, где мои планы были нарушены, я нахожу лишь одну причину, приведшую к катастрофе, – доверие, оказанное мной пирату по имени Штурмхонд.

– Корсару, – поправил Николай. – И я, конечно, ничего не утверждаю, но если корсару, которого ты нанял, можно довериться полностью, то он, вероятно, не самый лучший корсар.

Но Зоя не могла говорить о прошлом в столь же шутливой манере.

– И это причина? Не попытка манипулировать юной девушкой, чтобы лишить ее силы, не уничтожение половины города с невинными людьми, не истребление гришей и ослепление собственной матери? Ни один из этих поступков не стал толчком к размышлениям?

Но Дарклинг лишь пожал плечами и развел руками, словно демонстрируя, что у него нет тузов в рукаве.

– Ты перечисляешь эти злодеяния, словно надеешься, что я устыжусь содеянного. Я бы, может, так и сделал, если бы не сотни подобных преступлений, совершенных ранее, и еще столько же после них. Одна человеческая жизнь ценна. А

жизни многих людей? Они приходят и уходят безликой массой, не качнув чаши весов.

– Какой замечательный расчет, – вставил Николай. – И очень удобный для массового убийцы.

– Зоя понимает. Дракон знает, насколько людишки жалки, насколько утомительны. Они как мотыльки. Искры, гаснущие в ночи, в то время как мы продолжаем пылать.

Всех глубоких вздохов мира не хватило бы, чтобы сдержать вспыхнувший внутри Зои гнев. Как Николаю удается сохранять самообладание, да еще и болтать без умолку? И зачем они вообще тратят время на то, чтобы воззвать к рассудку Дарклинга? Ее тетя, ее друзья, люди, которых он поклялся защищать, ничего не значили в масштабах его чудовищно длинной жизни.

Она наклонилась вперед.

– Ты – украденное пламя, и время твое взято взаймы. Не ищи у меня поддержки. – Она обратилась к Николаю: – Зачем мы здесь? Когда он рядом, мне хочется что-нибудь разбить. Давай отвезем его в Каньон и убьем там. Может, так мы все исправим.

– Это не сработает, – сказал Дарклинг. – В твоем короле живет демон. Его тоже придется убить.

– Не подкидывай ей идеи, – попросил Николай.

– Единственный способ исцелить разрыв, появившийся в Каньоне, это закончить то, что вы начали, и провести *обисбайю*.

Толя предполагал то же самое. Обряд Тернового огня. Попробовать провести обряд их убедила Елизавета, которая надеялась использовать его для того, чтобы убить Николая и воскресить Дарклинга. Если бы им пришло в голову повторить обряд, сейчас, когда Дарклинг лишился своих сил, а фьерданцы убрались зализывать раны, было бы самое время. Но риск был слишком велик. И даже если бы они решились на него, у них не было средств.

– У нас нет тернового леса, – заметила Зоя. – Он превратился в пепел, когда погибли святые и пали границы Каньона.

– Но мы можем найти новый, – заявил Дарклинг.

– Понятно. И где же?

– У монахов.

Зоя вскинула руки.

– Ну почему всегда монахи?

– Из тернового леса, когда он был еще юн, вынесли плод. Его семена хранились в ордене Санкт-Феликса.

– И где же он находится?

Теперь Дарклинг уже не казался столь уверенным.

– Я точно не знаю. Меня он никогда не интересовал. Но я могу рассказать вам, как его найти.

– Чую в твоих словах намек на сделку, – сказал Николай, потирая руки. – И во что нам обойдется эта информация?

В искусственном свете глаза Дарклинга сверкнули, как драгоценные камни.

– Приведите ко мне Алину Старкову, и я расскажу все, что вам нужно знать.

Дурашливое выражение разом исчезло с лица Николая.

– Чего ты хочешь от Алины?

– Возможность извиниться. Шанс увидеть, что стало с девочкой, вонзившей нож в мое сердце.

Зоя покачала головой.

– Я не верю ни одному слову, выходящему из твоих лживых уст.

Дарклинг пожал плечами.

– Это взаимно. Но мои условия вам известны.

– А что, если мы не согласимся? – спросила она.

– Тогда Каньон продолжит расти и поглотит весь мир. Наш юный король падет, а я навеки упокоюсь в этой клетке.

Зоя встала.

– Мне все это не нравится. Он что-то задумал. Даже если мы найдем монастырь и семена, что мы станем с ними делать? Нам нужен будет фабрикатор невиданной силы, чтобы вырастить из них лес, как это сделала Елизавета.

Дарклинг улыбнулся.

– Так, значит, ты не освоила все, чему Юрис тебя научил?

Зоя ощутила, как дамба, сдерживающая ее гнев, дает трещину. Она бросилась к Дарклингу, но Николай успел схватить ее за руку и потянул назад.

– Не смей произносить его имя. Попробуешь еще раз, и я вырежу твой язык, а потом сделаю из него брошь.

– Не надо, – попросил Николай тихо, перехватив ее покрепче. – Он не достоин твоего гнева.

Дарклинг смотрел на нее так же, как в те времена, когда она была ученицей, словно в ней было нечто, видимое только ему одному. И это его забавляло.

– Они все умирают, Зоя. Рано или поздно. Все, кого ты любишь.

– Да неужели? – удивился Николай. – Как печально. Успокоилась, Зоя?

Она стряхнула руки Николая.

– Ненадолго.

– Как она бьется, – восхитился Дарклинг, и в голосе его звучало нескрываемое веселье. – Как бабочка, пришпиленная к листу.

– Поэтично, – одобрил Николай. – У тебя что-то в бороде застряло.

К изумлению Зои, Дарклинг поднял руку к своему гладкому подбородку и тут же уронил ее, словно обжегшись. Во взгляде его полыхнуло нечто, весьма похожее на ненависть.

Теперь пришла очередь Николая улыбаться.

– Так я и думал, – заявил король. – Юрий Веденин все еще там, внутри тебя. Поэтому твоя сила к тебе не вернулась?

Дарклинг окинул короля взглядом сузившихся глаз.

– Какой умник.

– Вот почему ты хочешь, чтобы мы вырастили терновый лес и провели новый обряд *обисбайи.* Тебя ни капли не бес-

покоит, какой вред наносит Каньон. Ты хочешь избавиться от Юрия и стать хозяином моему демону. Хочешь вернуть себе власть.

– Я сказал вам, чего хочу. Приведите ко мне Алину Старкову. Это мое условие.

– Нет, – отрезала Зоя.

Дарклинг повернулся к ним спиной и посмотрел вниз, на огни раскинувшегося под ними города.

– Тогда я и дальше буду жить слабаком, а вы сможете собственными глазами увидеть гибель мира.

10. Нина

Нина оказалась рядом с Ханной через секунду. Глаза принца были широко распахнуты, тело сотрясали конвульсии, а хилая грудь ходила ходуном. Но хуже всего был звук, исходивший откуда-то из глубины его груди, – тихие, болезненные хрипы. Нина увидела, как Ханна протянула вперед руку, как только упала на колени рядом с ними. Рука легла на грудь принца – словно по своей воле, – и почти в то же мгновение его кашель стал стихать.

– Возьми меня за руку, – прошипела Нина яростно. – Молись. *Громко.*

Она схватила костлявую руку принца, чтобы из них троих получился круг, и вместе с Ханной начала отрывисто твердить фьерданские молитвы Джелю и его священному источнику.

– *Как воды очищают ложе реки, позволь им очистить и меня. Как воды очищают ложе реки, позволь им очистить и меня.*

Принц Расмус уставился на них. Его кашель стих, и теперь, когда целительский дар Ханны унял пожар в его легких и освободил дыхательные пути, он жадно хватал воздух. Считаные мгновения спустя королевская стража окружила их, оттолкнув Ханну с Ниной, когда к сыну кинулись король с королевой.

– Нет! – выдохнул Расмус. Голос его был слабым, прерывающимся. Он снова зашелся кашлем. – Верните их. Верните их обеих.

Но вокруг них уже собралась толпа, и Расмуса спешно вынесли через двойные двери позади королевского помоста из залы, переполненной потрясенными, озадаченно перешептывающимися людьми.

Внезапно рядом с Ханной и Ниной появился Брум и начал теснить их в сторону выхода, пока Ильва и Редвин пытались успокоить толпу любопытствующих. Окруженные дрюскелями, они торопливо миновали коридор, а затем извилистые переходы, ведущие к их апартаментам.

– Принц Расмус… – начала Ханна, но Брум взглядом велел ей замолчать.

– Слуги, – объяснил он тихо, пока они шли в комнату, которую Брум использовал как кабинет. Она целиком была отделана темным деревом и светлым камнем, и сквозь покрытые морозным узором окна Нина заметила, что начался снег.

Ильва исчезла, а затем появилась с чашкой теплой воды и двумя мягкими кусками ткани, которые передала Нине и Ханне. Нина даже не осознавала, что кровь Расмуса попала и на нее тоже. Она начисто вытерла лицо и руки.

Затем старательно округлила глаза, заставила губы дрогнуть, но каждая ее частичка была настороже, напряженная, готовая ринуться на защиту Ханны. На Белом острове было кладбище, а значит, и мертвые, которых она могла призвать

к себе на службу. Что увидел Брум? Что он узнал?

На лице Ханны застыл ужас. Она использовала свою силу перед всем фьерданским двором, безо всякой задней мысли исцелив принца. У Нины голова кружилась при мысли о риске, на который они пошли, и об их беспечности. И все же, даже негодуя и трясясь от страха, Нина знала, что Ханна не могла поступить иначе. Она не могла смотреть на чужие страдания и ничего не предпринимать. Попытаться все исправить было частью ее природы, а вот Нина могла лишь разрушать. Понял ли кто-нибудь из присутствующих, что она сделала? Понял ли Брум? Он был опытным охотником на ведьм. Здесь, вдали от суетной пышности королевского двора, уловка Нины с молитвой казалась невероятно наивной.

– Что случилось? – спросила Ильва, и в голосе ее слышался отчаянный испуг.

Лицо Брума было мрачным.

– Принц очень болен.

– Но не настолько же! – воскликнула Ильва. – Он потерял сознание!

– А почему, вы думаете, его держат вдали от людей?

– Он… он никогда не бывает на светских мероприятиях, но…

– Дело в том, что король и королева избаловали его. Они позволяют ему появляться на публике лишь ненадолго и в строго контролируемых ситуациях, вроде сегодняшнего начала обряда Сердцевины.

– Что, по-вашему, вызвало у него этот приступ? – спросил Редвин, делая солидный глоток из фляжки.

Брум пожал плечами.

– Слишком много шума. Слишком жарко. Кто знает?

– Его слабость отвратительна, – заявил Редвин.

– Он еще ребенок, – возразила Ильва.

Брум усмехнулся.

– Ему восемнадцать лет. Ты забываешь об этом, потому что он совсем не такой, каким должен быть настоящий мужчина.

При этих словах взгляд Ханны заледенел.

– Он не может отвечать за то, каким был рожден.

– Может, и нет, – сказал Брум. – Но пробовал ли он? Бросал ли вызов самому себе? Я сделал все, что мог, чтобы помочь ему, стал наставником и проводником. Он – наследник трона, но если то, насколько он слаб, станет известно всем вокруг, думаете, Фьерда примет его как своего короля?

И Нина снова задумалась о том, какую игру ведет Брум. Она не сомневалась, что он верит во всю ту чушь, которую несет о мужественности и фьерданской силе. Также было совершенно ясно, что он абсолютно не уважает принца. Но крылось ли за этим что-то большее?

Вот уже неделю после поражения Фьерды под Нежками и Уленском Брум делал все возможное, чтобы скрыть свое плохое настроение. Провалившееся вторжение означало, что Фьерде придется хотя бы рассмотреть возможность

дипломатических переговоров вместо войны. Но если бы принц умер или стал бы недееспособен, у Фьерды остался бы лишь престарелый король и несовершеннолетний младший принц. Это могло бы стать для кого-то идеальной возможностью выступить из тени и принять бразды правления из рук благодарной королевской семьи. А если это случится, кто сможет убедить Брума вернуть их назад? Он пользовался уважением и поддержкой военных. Он знал, как устроен двор изнутри. Нина почувствовала, как ужас удавкой сдавливает горло. Политика Фьерды стала более жестокой под влиянием Брума. Что будет с ее страной, с ее народом, если коммандер получит неограниченную власть?

Ильва покачала головой.

– Почему ты никогда не говорил, что принц в таком тяжелом состоянии?

– Наше место при дворе, и моя позиция в армии тесно связаны с благоволением королевской семьи. После побега из тюрьмы и разрушения сокровищницы… Мне приходится бороться за них, и я не могу позволить себе неосторожные поступки. Гримьеры сделают все возможное, чтобы свести к минимуму этот инцидент и дискредитировать тех, кто видел все вблизи.

– На меня попала его кровь, – сказала Ханна. – Он умирает.

Нине захотелось пнуть ее. Им нужно было затаиться до тех пор, пока не станет ясно, что Брум видел или решил, что

видел. И все же ей начинало казаться, что им удалось скрыть этот срыв Ханны. Похоже, Брум слишком увлекся, наблюдая за публичным проявлением слабости принца, чтобы понять, что произошло на самом деле.

– Возможно, – согласился Брум. – Но он оказывает трону медвежью услугу, не торопясь этого делать. Королевская семья захочет закрыть Ханне рот. Ведь девушки любят посплетничать.

– Но не Ханна! – воскликнула Ильва.

– Но откуда они могут узнать об этом? При дворе о ней ничего не известно. Она так долго отсутствовала, и мало кто знаком с ее характером.

– Но ведь ты, конечно, сможешь защитить ее?

– Я не знаю.

Ильва застонала.

– Скажи, что они не причинят ей вреда.

– Нет, но могут отослать ее прочь.

– Ссылка? – Ильва обвила дочь руками. – Я этого не допущу. Мы слишком долго ждали, когда она к нам вернется. Я не позволю, чтобы ее снова у меня отняли.

Нина смотрела, как Ханна испуганно льнет к матери, и не знала, что делать. Она чувствовала приближение опасности. Ей всегда хорошо удавалось предугадывать угрозы, для нее это было необходимостью, но теперь, похоже, источником угрозы было хрупкое тело больного юноши.

В дверь постучали. За дверью оказался парень в мундире

дрюскеля. Нина вспомнила, что он был в свите принца на балу.

– Йоран. – Брум взмахом пригласил его войти. – Йоран – телохранитель принца.

– С ним все в порядке? – спросила Ханна.

Йоран кивнул. Его слишком хорошо вымуштровали, чтобы он мог позволить себе заламывать руки или ерзать, но Нина прекрасно видела, что он нервничает.

– Сэр, – начал он, но тут же смолк. – Коммандер Брум, королевская семья требует присутствия вашей дочери и ее горничной.

У Ильвы вырвался тихий всхлип. Но Брум лишь кивнул.

– Понятно. Тогда нам нужно идти.

Йоран откашлялся.

– Приглашение звучало весьма четко. Ждут только девушек.

– Джель, что же это? – сказала Ильва, и слезы потекли по ее щекам. – Мы не можем этого позволить. Ханне нельзя встречаться с ними одной.

– Я не одна, – возразила Ханна. Она слегка дрожала, но поднялась вполне уверенно. – У меня есть Мила.

– Переоденься, – велел Брум.

Она посмотрела на пятна крови на платье.

– Конечно. Мне нужна минута.

Ильва схватила Ханну за руку.

– Нет. *Нет.* Ярл, ты не можешь позволить ей сделать это.

– Ей придется. – Он положил руку на плечо Ханны. – Ты – моя дочь, не смей опускать голову.

Ханна поняла подбородок.

– Никогда.

Чувство, мелькнувшее в глазах Брума, похоже, было гордостью.

Ханна и Нина поспешили в свои комнаты, чтобы переодеться.

Стоило им закрыть дверь, как Ханна выпалила:

– Я не хотела.

– Я знаю, знаю, – заверила Нина, уже успевшая выбрать платье для Ханны, из скромной шерстяной ткани цвета слоновой кости, без малейшего намека на вычурный блеск предыдущего наряда, который ей довелось носить так недолго. Затем подобрала похожее невзрачно-коричневое платье для себя.

– Думаешь, принц знает?

– Нет. Может быть. Я не знаю. Он был не в том состоянии, чтобы делать какие-то выводы.

– Мой отец… я думала, он видел.

– Знаю.

Нина поверить не могла, что Ханне удалось исцелить принца на глазах у Брума и он ничего не понял. Но люди привыкли видеть лишь то, что хотели. Брум ни за что бы не поверил, что его дочь – вместилище скверны.

Ханна надела платье. Ее трясло.

– Нина, если они меня проверят…

В тюрьме Ледового Двора держали гришей-усилителей, людей, наделенных способностью определять силы других гришей.

– Есть способы это обойти, – сказала Нина. Эти способы она узнала у Отбросов. Джеспер Фахи покрывал руки парафином, чтобы участвовать в карточных играх с высокими ставками, где присутствие гришей – способных манипулировать чем угодно, от колоды до настроения противника – не приветствовалось.

Но сейчас, похоже, времени на использование подобных хитростей не было. Нина не знала, сможет ли она помочь Ханне. Они были заперты на Белом острове, в сердце Ледового Двора, и если выяснится, что Ханна – гриш, у них не будет путей отступления.

– Если тебя раскроют, то посадят в тюрьму дожидаться суда. Это даст мне время.

– Для чего?

– Чтобы разработать план. И вытащить тебя.

– Как?

– Я училась у лучших в Кеттердаме. Я найду способ. – Она поймала взгляд Ханны. – Не сомневайся в этом.

Йоран ждал у дверей, когда они вышли. Он проводил их из апартаментов назад во дворец через запутанную паутину коридоров. Нина сомневалась, что ей самой удастся найти обратную дорогу. Возможно, в этом-то и был смысл.

– С принцем все хорошо? – спросила Нина.

Йоран не ответил. Его плечи застыли. Нина знала, что дрюскели, особенно проходящие обучение, очень тщательно соблюдают протокол, но этот казался самым чопорным из всех. Он был высок, даже по фьерданским меркам, но вряд ли ему исполнилось больше шестнадцати или семнадцати лет – совсем мальчишка, тем более похожий на подростка, что не имел пока права отрастить бороду.

– Как давно ты служишь телохранителем принца? – спросила она.

– Почти два года, – коротко ответил он.

Нина с Ханной переглянулись. Вряд ли им удастся многое из него вытянуть. Нина взяла Ханну за руку; пальцы у той были ледяными.

Они подошли к двери, охраняемой королевской стражей, и были препровождены в гостиную, полную кремовых и золотых подушек. Панорамные окна выходили на сверкающую ленту Ледового моста, соединяющего Белый остров с внешним кольцом Ледового Двора, и можно было наблюдать, как пушистые хлопья снега кружат за стеклом в сером свете зимнего дня. Нина полагала, что они предстанут перед своего рода королевским трибуналом, но, помимо слуг в королевских ливреях, единственным человеком в комнате оказался принц Расмус, устроившийся на диване, расшитом парчой.

– Так себе вид, правда? – сказал принц. Он выглядел бледным и хрупким, как яичная скорлупа, цветом лица почти

сливаясь с горой белых подушек, на которых возлежал. Его ноги укрывало одеяло, а в руках была чашка чая.

Когда Ханна не ответила, Нина пробормотала:

– Я прямо сейчас думала о том, что он потрясающий.

– Возможно, для тех, кто не стремится увидеть весь мир. Сядьте.

Они опустились в плюшевые кресла, сделанные таким образом, чтобы ни один посетитель никогда не возвышался над наследным принцем.

– Оставьте нас, – велел принц слугам, подтверждая приказ взмахом руки. Йоран закрыл за ними дверь и встал по стойке смирно, уставившись в пустоту. – Я доверяю Йорану свою жизнь. Мне приходится. У нас нет тайн друг от друга.

Нина заметила, как челюсти Йорана чуть заметно сжались. *Интересно.* Возможно, какие-то тайны все же были.

– Йоран на два года младше меня, ему только шестнадцать, но он выше и крепче, чем я когда-либо смогу стать. Он может поднять меня по лестнице, так, словно я вешу не больше вязанки дров. И к моему величайшему стыду, ему приходилось это делать далеко не один раз. – На лице Йорана застыла непроницаемая маска. – Он никогда не показывает эмоций. Это очень утешает. Жалости мне хватает с избытком. – Он окинул Ханну изучающим взглядом. – Ты совсем не похожа на своего отца.

– Да, – подтвердила Ханна дрогнувшим голосом. – Я пошла в предков моей матери.

– А вот я, похоже, ни в кого не пошел, – вздохнул принц. – Разве что где-то в роду Гримьеров затесался гоблин. – Он наклонился вперед и похлопал по руке сначала Ханну, а затем Нину. – Все в порядке. Я не позволю вас выслать. Давайте-ка налейте себе чаю.

Ханна по-прежнему выглядела напуганной, и Нина беспокоилась, наливая чай сначала подруге, а затем себе. Трудно было позволить себе ощутить облегчение после всего, что наговорил Брум.

– С вами ничего не случится! – повторил принц. – Я запретил. – Он наклонился поближе и понизил голос: – Я устроил форменную истерику. В том, что ты хилый, есть свои плюсы.

– Но… но почему, ваше величество? – спросила Ханна.

Вопрос был закономерным, но рискованным. Знал ли он, что Ханна – гриш? Играл ли он с ними?

Принц откинулся на подушки, и выражение лукавства пропало с его лица.

– Я был болен всю свою жизнь. С самого детства. Я и не помню, когда не был объектом насмешек или беспокойства. И даже не знаю, что из этого хуже. Другие люди чураются моей слабости. Ты… ты подошла ко мне.

– Болезнь есть болезнь, – сказала Ханна. – Тут нечего боятся.

– Моя кровь была у тебя на руках. На платье. Тебе велели переодеться? – Ханна кивнула. – Ты не испугалась?

– В вашей чашке отвар полыни, да?

Принц заглянул в чашку, которая теперь остывала на столике рядом с ним.

– Он самый.

– Я воспитывалась в монастыре в Гефвалле, но всегда больше интересовалась травами, целительством.

– Тебя учили монашки? Это не похоже на предмет, который одобрила бы мать-хранительница.

– Видите ли, – осторожно начала Ханна, – вышло так, что я, некоторым образом, изучала его сама.

Принц рассмеялся и тут же закашлялся. Нина заметила, как чуть дрогнули пальцы Ханны. Она покачала головой. *Нет, это далеко не самая хорошая идея*.

Но Ханна просто не могла видеть чьи-то страдания и не откликнуться.

Кашель принца стих, и он длинно, судорожно вздохнул.

– Монастырь в Гефвалле, – продолжил он как ни в чем не бывало. – Я думал, туда отправляют строптивых девиц, чтобы из них выбили весь бунтарский дух и подготовили к роли послушных жен.

– Так и есть.

– Но твой дух им сломить не удалось? – спросил принц, пристально глядя на Ханну.

– Надеюсь.

– И у тебя нет мужа.

– Нет.

– Ты поэтому вернулась в Ледовый Двор? И надела тот

роскошный наряд?

– Да.

– А вместо этого к твоим ногам свалился задыхающийся принц.

Нина чуть не подавилась чаем.

– Можешь смеяться, – позволил принц. – Я не стану тебя казнить. – Он склонил голову набок. – У тебя обрезаны волосы. Это знак преданности Джелю, ведь так?

– Так и есть.

– И вы обе молились надо мной. – Его взгляд остановился на Нине. – Ты взяла меня за руку. Некоторых казнили за попытку коснуться руки принца.

– Но это была не я, – набожно заявила Нина. – Дух Джеля руководил мной.

– Так вы истинно верующие?

– А разве вы – нет? – спросила Нина.

– Трудно верить в бога, лишающего меня возможности дышать.

Ханна с Ниной промолчали. Это прозвучало как богохульство, откровенное и неприкрытое, и им явно не стоило отпускать на этот счет замечания. Кто был главным в этой комнате? Джель или принц?

Наконец Расмус сказал:

– Целительство и травничество – не то, чем занимается большинство знатных дам.

Ханна пожала плечами.

– Я не похожа на большинство знатных дам.

Принц оценил расправленные плечи Ханны, упрямую линию подбородка.

– Я это вижу. Если преданность Джелю сделает меня таким же крепким, как вы, девушки, я думаю, стоит все-таки попробовать помолиться. – Он расправил складки одеяла. – Приходите навестить меня снова. Я нахожу ваше присутствие… умиротворяющим.

Потому что Ханна лечит тебя, пока мы болтаем.

– Ступайте, – велел он, взмахнув рукой. – Йоран проводит вас назад в ваши комнаты. Передавай привет отцу.

В его голосе безошибочно чувствовался сарказм. Так, значит, презрение Брума не осталось незамеченным.

Ханна с Ниной поднялись, присели в реверансах и, пятясь, покинули комнату.

– Ты лечила его, – обвиняюще шепнула Нина.

– Дух Джеля руководил тобой? – переспросила Ханна едва слышно. – Бесстыжая.

Йоран вывел их за дверь, но не успели они пройти по коридору и пары шагов, как были остановлены двумя королевскими стражами.

– Мила Яндерсдат, – произнес один. – Вы пойдете с нами.

Нина знала, что они не станут отвечать на вопросы. Простые люди не могли допрашивать королевскую стражу.

Она сжала Ханну в быстром объятии.

– Я вернусь, не успеешь оглянуться.

Пока ее вели по коридору, она оглянулась и увидела, что Ханна смотрит ей вслед застывшим от ужаса взглядом. *«Я вернусь к тебе»,* – поклялась она. Оставалось только надеяться, что она сможет сдержать клятву.

Коридор сменился другим, и Нина, следовавшая за стражами, поняла, что оказалась в той части дворца, что была ей совершенно незнакома. Камень стен здесь выглядел древнее и был скорее не белым, а цвета слоновой кости, а когда она посмотрела вверх, то увидела украшавшую стены резьбу в виде гребней, отчего создавалось ощущение, будто идешь внутри грудной клетки громадного чудовища, в туннеле из костей.

Это место было построено, чтобы подавлять, но архитекторы Ледового Двора выбрали не тот мотив. «*Смерть – это мой дар,* – думала Нина, – *и я не боюсь ушедших».* Она всегда носила с собой два крохотных осколка кости, спрятанных в рукаве, на случай если ей вдруг потребуются дротики. И пуговицы у нее были костяными. А еще, само собой, были мертвецы. Королей и королев, а также их важнейших приближенных хоронили на Белом острове задолго до того, как вокруг него возвели Ледовый Двор, и Нина слышала их шепот. Армия, ждущая ее приказа.

Стражи остановились у высоких двустворчатых дверей, лишь немного не достававших до потолка. Их украшала фигура скалящегося волка Гримьеров с короной меж остроко-

нечных ушей, подпирающего лапой земной шар. Двери распахнулись, и Нина оказалась в длинном зале, украшенном резными колоннами, похожими на березы. Все вокруг светилось голубым, словно вырезанное из настоящего льда, и Нине на миг показалось, что она в зимнем лесу.

Старый зал для приемов, поняла она, пока они шли к трону с высокой спинкой, вырезанному из алебастра так искусно, что он походил на кружево. Королева Агата восседала на нем в том же самом белом платье, в котором присутствовала на церемонии ранее. Спина ее была выпрямлена, гладкие волосы струились вниз жемчужной волной, а на голове сиял венец с опалами.

Нина понимала, что лучше не заговаривать первой. Она присела в глубоком реверансе, опустив глаза в пол, и застыла в ожидании, чувствуя, как путаются мысли. Зачем ее привели сюда? Что могло понадобиться от нее королеве Гримьер?

Мгновение спустя она услышала, как с глухим стуком захлопнулись двери, и поняла, что осталась наедине с королевой Агатой.

– Ты молилась сегодня над моим сыном.

Нина кивнула, не поднимая глаз.

– Молилась, ваше величество.

– Я, конечно же, знаю Ханну Брум. Но я не знаю девушку, преклонившую колени перед моим сыном и осмелившуюся взять его за руку, произносившую слова Джеля, чтобы облегчить его страдания. Поэтому я спросила у своих советников,

кто же ты. – Королева Агата сделала паузу. – И, похоже, это никому не известно.

– Потому что я никто, ваше величество.

– Мила Яндерсдат. Вдова купца, торговавшего рыбой и замороженными продуктами. – Она произнесла эти слова так, словно полагала, что прозвучавшее в них презрение может изменить их смысл. – Молодая женщина простого происхождения, втеревшаяся в доверие семейства Ярла Брума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.